УНИВЕРСИТЕТ ПУЧОН В ТАШКЕНТЕ

Центр науки и инноваций

КОРЕЯ И КОРЕЙЦЫ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Материалы 2-ой международной конференции по корееведению университета Пучон в Ташкенте

Ташкент, 20 января 2024 г.

ЧАСТЬ I

Ответственные редакторы
А.В. Шин, В.С. Хан

2024

УДК 323.15:94
ББК 60.54
П88

П88 **Корея и корейцы: история и культура**. Материалы 2-й международной конференции по кореееведению Университета Пучон в Ташкенте. В 2-х частях. Часть I. Ташкент, 20 января 2024 года / Отв. ред.: А. В. Шин, В. С. Хан. – Ташкент: Университет Пучон в Ташкенте, 2024. – 184 с.

В сборнике представлены тексты докладов участников 2-й международной конференции по кореееведению в университете Пучон в Ташкенте «Корея и корейцы», состоявшейся 20 января 2024 г. Среди докладчиков – известные учёные и молодые кореееведы из Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана, Таджикистана, России и Южной Кореи. Доклады представлены на пленарном заседании и в 4-х секциях: 1. «История»; 2. «Корейская диаспора». 3. «Культура и образование»; 4. «Язык и литература».

Материалы сборника предназначены для кореееведов, историков, социокультурных антропологов, а также всех тех, кто интересуется этнической историей Центральной Азии.

Ответственные редакторы:

Шин А. В., доктор педагогических наук;

Хан В. С., доктор исторических наук;

Тен Ен Сун (정영순), PhD, профессор Инчхонского национального университета (Ю. Корея).

Рецензенты:

А. А. Аширов, доктор исторических наук (Узбекистан);

Ю. Н. Цыряпкина, кандидат исторических наук (Россия).

Перевод аннотации и оглавления на корейский язык, редакция корейских текстов – Тен Ен Сун.

Утверждено к печати Учёным советом Университета Пучон в Ташкенте, протокол № 1 от 31.10.2024 г.

ISBN 978-9910-9109-2-0

DOI: 10.5281/zenodo.14205756

© Университет Пучон в Ташкенте, 2024
© А. В. Шин, В. С. Хан, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пленарное заседание 9

В.В. НАМ
Д. пед. н., ректор Университета Пучон в Ташкенте (Узбекистан)
Корейские вузы в Узбекистане 10

КИМ ЕН УН
К. филос. н., в. н. с. Центра корейских исследований,
Институт Китая и современной Азии РАН (Россия)
Изменения в миропорядке и судьбы Кореи 13

Н.Ю. ПОТАПОВА
PhD, доцент Университета Альфраганус (Узбекистан)
Мягкая сила публичной дипломатии Республики Корея (на примере Узбекистана) 31

Ж.Г. СОН
Канд. ист. н., доц. Школы востоковедения НИУ
«Высшая школа экономики» (Россия)
Роль популяризации языка и культуры во внешней политике Республики Корея 51

ТЕН ЕН СУН (ТЕН ЖАННА)
Канд. филол. н., проф. Инчонского национального
университета (Корея)
Альтернативные подходы к языковой адаптации в школах в контексте переосмысления современных концепций интеграции мигрантов 74

KHAN, O.V.
Dr. of Visual Sciences and Arts (Uzbekistan)
Visiting Fellow, Seoul National University Asia Center
Comparative analysis of relationship between mother-in-law and Uzbek and Korean cinema 82

М.О. ДМИТРИЕВА
Канд. полит. н., доцент кафедры международных отношений
Дальневосточного федерального университета (Россия)
Роль Ассоциации корейских студентов Приморского края в поддержании дружественных отношений России и Республики Корея 91

В.С. ХАН
Д. ист. н., филос. н., доцент Университета мировой экономики
и дипломатии (Узбекистан)
Корейская диаспора в Корее: идентичность, проблемы и вызовы 96

Сессия 1. ИСТОРИЯ 105

А.В. СОЛОВЬЁВ
Приглашенный преподаватель, департамент международных отношений, НИУ «Высшая школа экономики», зам. главного редактора журнала «Россия в глобальной политике» (Россия)
«Самгук саги» как политический миф: к вопросу о методологии исследования 106

Н.Э. КАРИМОВА
Д. истор. н., проф., Ташкентский гос. университет востоковедения (Узбекистан)
К истокам женского образования в Корее (конец XIX – начало XX вв.) 123

Д.Е. ГРИШИНА
PhD, доцент НИУ ВШЭ (Россия)
Внутри- и внешнеполитический контекст создания Корейского посольства в Токио, 1887 г. 130

Сессия 2. КОРЕЙСКАЯ ДИАСПОРА
Модератор: В.С. Хан (Узбекистан) 143

В.М. КИМ
Научный сотрудник Института философии, политологии и права АН Таджикистана (Таджикистан)
Корейцы СНГ: начало конца истории корё сарам? 144

С.Н. ПАК
Канд. пед. н., доцент Кыргызского гос. университета им. И. Арабаева (Кыргызстан)
Об этническом самосознании корейцев Кыргызстана 151

Ж.О. БАЛЛОД
PhD, проф. Университета Согён (Республика Корея)
Социальная адаптация молодёжи из числа корё-сарам в г. Кёнджу через менторскую программу с участием корейских студентов университета Согён 160

А.Х. РАХМАНКУЛОВА
Канд. ист. наук., доцент Ташкентского университета прикладных наук (Узбекистан)
Особенности развития национальной культуры корейской диаспоры 168

Е.А. ЕФРЕМОВ
Преподаватель кафедры Дальнего Востока факультета востоковедения, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Казахстан)
Диаспорный туризм в корейской диаспоре: связь или разрыв? 178

타슈켄트 부천대학교
과학 혁신 센터

한국과 한국인:
역사와 문화

제2회 타슈켄트 부천대학교 한국학 국제학술대회 자료집

타슈켄트, 2024년 1월 20일.

제 1부

편집 담당
Shin A.V., Khan V.S.

2024

УДК 323.15:94
ББК 60.54
П88

П88 **한국과 한국인: 역사와 문화.** 제2회 타슈켄트 부천대학교 한국학 국제학술대회 자료집. 2 개 부품. 제 1부. 타슈켄트, 2024년 1월 20일 / 편집 담당: Shin A.V., Khan V.S. – 타슈켄트: 타슈켄트 부천대학교, 2024. – 184 c.

타슈켄트에서 열린 제1회 부천대학교 한국학 국제학술대회 «중앙아시아의 한인 디아스포라: 역사, 문화, 사회생활 . 중앙아시아 한인 거주 85 주년을 맞이하여" 참가자들의 논문 및 자료집입니다. 영국, 카자흐스탄, 키르기스스탄, 러시아, 미국, 타지키스탄, 우즈베키스탄, 한국 등 CIS 지역 한인 디아스포라에 대한 저명한 연구자들이 연사로 참여합니다. 논문은 세 가지 세션으로 나뉘어 발표됩니다: 1.유라시아 고려인의 역사를 이해하기 위한 현대적 접근법. 2.중앙아시아의 한국 문화. 3. CIS 고려인의 정체성과 자의식.

본 자료는 한국 학자, 역사학자, 사회문화인류학자 및 중앙아시아의 민족사에 관심 있는 모든 분들을 대상으로 합니다.

편집 담당자:
Shin A.V., 교육학 박사;
Khan V.S., 철학 박사, 역사학 박사;
Ten En Sun, 정영순.

평론가:
A. A. Ashirov, 역사학 박사(우즈베키스탄);
Tsyryapkina Y. N., 역사학 박사 (러시아).

초록 및 목차 한국어로 번역 담당자 – 김로자 .

타슈켄트 부천대학교 학술위원회에서 인쇄 승인,
프로토콜 No 1 2024. 31.10.

ISBN 978-9910-9109-2-0
DOI: 10.5281/zenodo.14205756

© 타슈켄트 부천대학교, 2024
© Shin A.V., Khan V.S., 2024

목차

본회의 9

NAM, V.V.
교육학 박사., 타슈켄트 부천대학교 총장 (우즈베키스탄)
우즈베키스탄의 한국 대학 10

김연운
철학 박사., 한국학중앙연구원 수석 연구원, 러시아 과학 아카데미 중국 및 현대 아시아 연구소(러시아)
세계 질서의 변화와 대한민국의 운명 13

POTAPOVA, N.Y.
PhD, 알프라가누스 대학교 부교수(우즈베키스탄)
대한민국 공공외교의 소프트파워(우즈베키스탄 사례) 31

SON, J.G.
역사학 박사., 국립연구대학교 고등경제대학 동양학부 부교수(러시아)
대한민국 외교 정책에서 언어와 문화 진흥의 역할 52

정영순
언어학 박사., 인천대학교 교수 (대한민국)
이주민 통합에 대한 현대적 개념을 재고하는 맥락에서 학교에서의 언어 적응에 대한 대안적 접근 방식 74

KHAN, O.V.
시각과학 및 예술 박사 (우즈베키스탄)
서울대학교 아시아연구소 객원 연구원
시어머니와 우즈벡, 한국 영화의 관계 비교 분석 82

DMITRIEVA, M.O.
정치학 박사., 극동연방대학교 국제관계학과 부교수(러시아)
러시아와 대한민국 간의 우호 관계 유지를 위한 연해주 한인 유학생 협회의 역할 91

KHAN, V.S.
철학 박사., 타슈켄트 부천대학교 과학혁신센터 소장, 세계경제외교대학교 부교수(우즈베키스탄)
재한 한인 디아스포라: 정체성, 이슈, 도전 과제 96

세션 1
역사 105

SOLOVYOV, A.V.
국립연구대학교 고등경제학원 국제관계학과 객원 강사, 러시아 국제정치학(러시아) 부편집장(러시아)
정치 신화로서의 '삼국사기': 연구 방법론의 문제 106

KARIMOVA, N.E.
역사학 박사., 타슈켄트 동양대학교 교수(우즈베키스탄)
한국 여성 교육의 기원을 향하여(19세기 말~20세기 초) 123

GRISHINA, D.E.
PhD, 국립연구대학교 고등경제대학 부교수(러시아)
1887년 주동경대한제국공사관 설립의 국내외 정책적 맥락 130

세션 2
코리안 디아스포라
사회자: Khan V.S. (우즈베키스탄)) 143

KIM, V.M.
타지키스탄 과학 아카데미 철학, 정치학 및 법학 연구소 연구원(타지키스탄)
고려인: 고려인 역사의 종말의 시작? 144

PARK, S.N.
교육학 박사., 아라바예프 키르기스스탄 주립대학교 부교수(키르기스스탄)
키르기스스탄 고려인의 민족적 정체성에 대해 151

BALLOD, J.O.
PhD, 서경대학교 교수(대한민국)
서경대학교 고려인 학생들과의 멘토링 프로그램을 통한 경주 고려인 청소년들의 사회적응력 향상 160

RAKHMANKULOVA, A.H.
역사학 박사., 타슈켄트 응용과학대학교 부교수(우즈베키스탄)
한인 디아스포라 민족 문화 발전의 특징 168

EFREMOV, E.A.
알-파라비 카자흐 국립 대학교(카자흐스탄) 동양학부 극동학과 강사
한국 디아스포라의 디아스포라 관광: 연결인가, 파열인가? 178

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

В.В. НАМ
Доктор педагогических наук, ректор Университета Пучон в Ташкенте (Узбекистан)

КОРЕЕВЕДЕНИЮ – ПОПУТНЫЙ ВЕТЕР

Сегодня в Узбекистане функционирует более 30 филиалов зарубежных вузов, и это число будет и дальше расти. На одном из заседаний Сената Президент страны задал вопрос: «Почему мы начали открывать филиалы зарубежных вузов?». И ответил: «Потому что ситуация в сфере высшего образования ужасная. Даже если поверхностно исследовать систему образования, то наблюдается множество проблем».

В стратегическом видении развития Узбекистана филиалы зарубежных вузов должны рассматриваться не только как школа более качественного образования, но и как центры науки с высокой степенью интеграции в международное научное пространство.

Ориентация на науку заложена в стратегии развития университета.

20 января 2023 г. в Университете Пучон в Ташкенте состоялась 1-я международная научно-практическая конференция по кореееведению, посвящённая 85-летию проживания корейев в Центральной Азии. Было заслушано 13 докладов кореееведов из Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, России, Великобритании, США и Южной Кореи.

Осенью 2024 г. мы провели международную конференцию по образованию. А сегодня, спустя год после 1-й международной научно-практической конференции по ко-

рееведению, мы проводим 2-ю международную конференцию по корееведению. Надо отметить, что корееведение в Узбекистане, несмотря на большую корейскую диаспору, развивалось фрагментарно, остепененных учёных в данной области можно по пальцам пересчитать. В России и Казахстане, где также проживает значительное число корейцев, ситуация совершенно иная.

Установка на проведение ежегодных конференций, планы по изданию ряда книг и сборников статей в области корееведения в этом году, создание соответствующего Центра исследований – всё это говорит о серьёзности намерений университета поднять корееведение на весомый международный уровень.

На этой конференции выступят 30 докладчиков. Узбекистан представлен учёными из университета Пучон в Ташкенте, Академии государственного управления при Президенте РУз, Ташкентского государственного университета востоковедения, Университета мировой экономики и дипломатии, Университета Альфраганус, Ташкентского университета прикладных наук, Ташкентского международного университета Кимё, Ташкентского института инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства.

Выступят с докладами наши соседи – учёные Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. Внушительно представлена Россия, где корееведение традиционно имеет сильные корни; это представители Высшей школы экономики, Российского государственного гуманитарного университета, Новосибирского госуниверситета, Института востоковедения РАН, Института Китая и современной Азии РАН, Дальневосточного федерального университета.

Ну и, конечно же, Корея. Это Сеульский национальный университет, Инчонский национальный университет, Пусанский национальный университет, университеты Секёнг, Санмён, Чоннам.

Как мы видим, солидное академическое сообщество, способное ставить и обсуждать вопросы науки на высоком уровне.

Помимо пленарного заседания, на конференции будут работать секции «История», «Корейская диаспора», «Культура и образование», «Язык и литература». Надеюсь, что, как и на прошлой конференции, доклады будут сопровождаться острыми дебатами.

И у нас в планах проведение 3-й конференции в 2025 году. Это позволяет надеяться, что кореведение в Узбекистане встаёт на крепкие ноги.

КИМ ЕН УН
Доцент, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Китая и современной Азии Российской академии наук*

ИЗМЕНЕНИЯ В МИРОПОРЯДКЕ И СУДЬБЫ КОРЕИ

Аннотация. XXI век демонстрирует существенные, глобальные изменения в миропорядке.

Он характеризуется серьёзным ослаблением влияния, возможностей и перспектив государств, входящих в так называемый «золотой миллиард», которые принято ещё называть странами исторического Запада, пытавшихся на протяжении многих лет утвердить в мире так называемый «однополярный мир», а в последние годы стремящихся утвердить миропорядок, основанный на неких правилах, которых никто никогда не видел, не обсуждал и не утверждал, поскольку они являются сиюминутными «хотелками» «исключительного» блока государств. В полном соответствии с законами природы, в частности по законам сообщающихся сосудов, это привело к усилению государств, не относящихся к «золотому миллиарду», т.е. отражающих волю большинства народов мира, в том числе так называемого глобального Юга и Востока.

Этот процесс затрагивает многие государства мира, так как перед ними возникают вопросы об их принадлежности и ориентации либо к тем, кто хочет сохранить свою роль «гегемона» в мировых делах, либо к тем, что утверждает здесь и сейчас новый миропорядок, основанный на международном праве, равноправии народов, равной и неделимой безопасности, взаимной выгоде и взаимном процветании. Такой выбор стоит также и перед Республикой Корея.

Ключевые слова: Миропорядок, правила и право, Восточная Азия, глобальный Юг, Республика Корея.

*ORCID: 0000-0002-8449-7135. E-mail: kimkorea@list.ru. Researcher ID: AAQ-3124-2020.

CHANGES IN THE WORLD ORDER AND THE FATE OF KOREA

Kim En Un

Abstract. The 21st century demonstrates significant, global changes in the world order.

It is characterized by a serious weakening of the influence, capabilities and prospects of the so-called "golden billion" states, which are also commonly called the countries of the Historical West, which have been trying for many years to establish a so-called unipolar world in the world, and in recent years have been trying to establish a world order based on certain rules that no one has ever seen, discussed or approved, since they are the momentary "wants" of an "exceptional" state. In full accordance with the laws of nature, in particular, according to the laws of communicating vessels, this led to the strengthening of states that do not belong to the golden billion, i.e. reflecting the will of the majority of the peoples of the world, including the so-called global South and East.

This process affects many countries of the world, because questions arise before them about their affiliation and orientation to either those who want to maintain their role as hegemon in world affairs, or to those who affirm here and now a new world order based on international law, equality of peoples, equal and indivisible security, mutual benefit and mutual prosperity. The Republic of Korea also faces this choice.

Keywords: World order, rules and law, East Asia, Global South, Republic of Korea.

В принятой 4 июля 2024 г. на встрече глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) Астанинской декларации была дана следующая характеристика нынешнего состояния миропорядка: «Происходят тектонические сдвиги в мировой политике, экономике и других сферах международных отношений. Нарождается более справедливое и многополярное мироустройство, расширяются возможности для развития государств, осуществления взаимовыгодного и равноправного международного сотрудничества»[1]. (Астанинская декларация Совета глав

[1] Астанинская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. 4 июля 2024 г. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/6163 (дата обращения – 05.07.2024).

государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. 4 июля 2024 г. Речь идёт именно о нарождении, а не об утверждении многополярного мироустройства. Почему возник вопрос о нарождении многополярного мироустройства. Он приходит на смену чему? – Однополярному миру. Когда этот однополярный мир возник? Точка отсчёта – распад мировой системы социализма и его главной составлявшей – Советского Союза, который привёл к исчезновению существовавшего биполярного мира, который в общем-то был одним из вполне нормальных форм мироустройства для развития человеческого общества. Однополярный мир, т.е. мир, в котором какое-то одно государство управляло всем миром и диктовало нормы поведения для остальных государств, – был совершенно ненормальной формой мироустройства за всю историю человечества. История знала много примеров мировых империй, например, империю Александра Македонского, империю Чингисхана, Китайскую и Британскую империи. Но они никогда не повелевали всем миром, т.к. либо были ограничены на своих территориях, либо постоянно соперничали с себе подобными или несколько иными конкурентами. Отсюда и войны. Кроме того, однополярный мир противоречит законам развития материи, в том числе человечества, в том числе главному: закону единства и борьбы противоположностей. Именно борьба противоположностей в социальном варианте – противоречиях обеспечивала развитие, ибо отсутствие таковых обрекало общество к стагнации, а в конечном итоге, через годы застоя и кризисов – к гибели. И поэтому, когда после распада мировой системы социализма и исчезновения биполярной системы американский философ Ф. Фукуяма провозгласил конец истории, он, как представляется, предсказал возможную гибель человечества, ибо без истории человечество не может существовать. Как принято говорить, народ, который не помнит свою историю, обречён

на гибель из-за внутренних процессов разложения или завоевания другим народом. Поэтому менее чем через 6 лет после распада биполярной системы человечество столкнулось с потрясшим многие страны так называемым Азиатским финансовым кризисом 1997-1998 гг., а ещё через два года – с позицией одного из крупнейших государств мира, заявившего о ненормальности возникшего миропорядка, о том, что надежды на мир, добрососедские и дружественные отношения не оправдались. Это было сказано впервые в Концепции внешней политики Российской Федерации, утверждённой молодым президентом России В.В. Путиным через полтора месяца после своей инагурации 28 июня 2000 г.: «Современный мир переживает фундаментальные и динамичные перемены, в международной сфере зарождаются новые вызовы и угрозы национальным интересам России, усиливается тенденция к созданию однополярной структуры мира при экономическом и силовом доминировании США». В то же время отмечалось, что при решении принципиальных вопросов международной безопасности ставка делается на западные институты и форумы ограниченного состава, на ослабление роли Совета Безопасности ООН, и в связи с этим «не оправдались некоторые расчёты, связанные с формированием новых равноправных, взаимовыгодных, партнёрских отношений России с окружающим миром»[2].

Менее чем через 8 лет разразился мировой экономический кризис, который показал неспособность самозванного вершителя судеб мира, т.е. однополярного мира, урегулировать встающие перед человечеством проблемы и, соответственно, необходимость перехода к другой системе международных отношений. Поэтому в очередной Концепции

[2] Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 28 июня 2000 года. – «Российская газета», № 133, 11.07.2000

внешней политики Российской Федерации, утверждённой 15 июля 2008 г., подчёркивалось, что «современный мир переживает фундаментальные и динамичные изменения, происходит кардинальная трансформация международных отношений, отражающих противоречивость тенденций, определяющих современное состояние международных отношений, отражающих переходный период их развития, которые сулят перспективу утраты историческим Западом своей монополии на глобализационные процессы[3].

Через три недели после утверждения Концепции внешней политики 2008 г. произошла подготовленная с помощью США и стран НАТО интервенция Грузии против Южной Осетии, в ходе которой интервенты целенаправленно обстреляли базу российских миротворцев в Цхинвали, сбили российские самолёты. Интервенты разрушили инфраструктуру, включая жилые дома и социальные объекты осетинских сёл. При этом датой интервенции выбрали день начала летних Олимпийских Игр в Пекине 08.08.2008 г.

Через 5 лет, 20 февраля 2013 г. была утверждена Указом Президента России новая Концепция внешней политики Российской Федерации, в которой отмечалось, что «главной, знаковой чертой современного этапа международного развития являются глубинные сдвиги в геополитическом ландшафте», а международные отношения переживают переходный период, в котором идёт формирование полицентричной международной системы. При этом отмеченная 5 годами ранее перспектива потери историческим Западом монополии на глобализационные процессы была более чётко охарактеризована как продолжение сокращения возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике. А это, в свою очередь, приводит к

[3] Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом 15 июля 2008 г. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/785/ (дата обращения: 16.05.2024)

рассредоточению мирового потенциала силы и развития, его смещение на Восток, в первую очередь в Азиатско-Тихоокеанский регион[4].

Через год после этого произошёл подготовленный и открыто поддержанный западными странами антиконституционный государственный переворот на Украине, и к власти там пришло правительство, которое полностью стало выполнять волю стран Запада и начало войну против населения восточной части Украины, выступившего против насильственной смены власти и ультранационалистической политики. Сложившаяся тогда обстановка побудила власти России принять новую Концепцию внешней политики страны, утверждённую Указом Президента РФ. В документе подтверждались данные тремя годами ранее оценки современной ситуации как периода глубоких перемен, сущность которых заключается в формировании полицентричной международной системы, что вызвано сокращением возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике, возникновением в результате процесса глобализации новых центров экономического и политического влияния, рассредоточением мирового потенциала силы и развития, его смещением в Азиатско-Тихоокеанский регион. Эти процессы всё отчётливее демонстрируют многообразие культур и цивилизаций в мире, множественность моделей развития государств[5].

В 2022 г. началась вызванная гибридной войной Запада против России, нежеланием Запада выполнить свои обещания по нераспространению на восток НАТО, продолжением расширения НАТО к границам России и пре-

[4] Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации 20 февраля 2013 г. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/ (дата обращения: 25.06.2024).

[5] Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации. 30 ноября 2016 г.) – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102416644 (дата обращения: 30.06.2024).

вращением Украины в «анти-Россию» с милитаризацией экономики и утверждением с помощью Запада нацистского режима и отказом дать гарантии безопасности России. Огромное количество санкций, которые были введены Западом против России побудили внести коррективы в стратегию внешней политики России, что нашло своё выражение в утверждении 31 марта 2023 г. Указом президента РФ новой Концепции внешней политики Российской Федерации. В ней подчёркивается, что «необратимо уходит в прошлое неравновесная модель мирового развития, которая столетиями обеспечивала опережающий экономический рост колониальных держав за счёт присваивания ресурсов зависимых территорий и государств в Азии, Африке и Западном полушарии». Сейчас можно сказать, что страны, которые выступают против империализма и неоколониализма, т.е. глобальный Юг в целом, всё более активно отстаивает свои национальные интересы, отвергая навязываемые Западом порядки, основанные на так называемых правилах, формируют и утверждают новые правила, подрывающие позиции Запада. Страны глобального Юга уже сейчас превосходят экономически, политически, морально и, что очень важно, в военном отношении исторический глобальный Запад. В Концепции внешней политики России отмечается: «Укрепляется суверенитет и увеличиваются конкурентные возможности незападных мировых держав и региональных стран-лидеров. Структурная перестройка мировой экономики, её перевод на новую технологическую основу (в том числе внедрение технологий искусственного интеллекта, новейших информационно-коммуникационных, энергетических, биологических технологий и нанотехнологий), рост национального самосознания, культурно-цивилизационное разнообразие и другие объективные факторы ускоряют процессы перераспределения потенциала развития в пользу новых центров

экономического роста и геополитического влияния, способствуют демократизации международных отношений»[6]. В XXI веке огромную роль в глобальном Юге уже играет и ещё больше будет играть Азия. Азия ещё в начале XIX в. производила половину ВВП мира. К началу XX в. её доля упала до примерно 10% мирового ВВП. Если сейчас взять совокупный ВВП стран Азии, то он превосходит совокупный ВВП всех остальных стран мира. При этом из пяти самых крупных мировых экономик четыре – относятся к Азии. В связи с этим также нужно обратить внимание на то, что в Концепции внешней политики Российской Федерации, впервые в истории России и в мировой истории Россия названа самобытным государством-цивилизацией. Как известно, мировые цивилизации – китайская, индийская, арабская, европейская оказали огромное влияние на развитие не только своих стран, но и окружающего мира и в целом человечества. Концепция внешней политики Российской Федерации следующим образом определяет её роль: «Россия с учётом её решающего вклада в победу во Второй мировой войне, а также деятельной роли в создании современной системы международных отношений и ликвидации мировой системы колониализма выступает в качестве одного из суверенных центров мирового развития и выполняет исторически сложившуюся уникальную миссию по поддержанию глобального баланса сил и выстраиванию многополярной международной системы, обеспечению условий для мирного, поступательного развития человечества на основе объединительной и конструктивной повестки дня». По данным американского журнала «US News and World Report», специализирующегося на составлении самых разных рейтингов государств,

[6] Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом президента Российской Федерации 31 марта 2023 г. – URL http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090/page/1 (дата обращения: 30.06.2024).

Россия сейчас занимает первое место в мире по политической и военной мощи. По данным ВМФ, Россия занимает по ППС 4-е место в мире, став самой крупной европейской страной не только по территории, военной мощи, но и по экономике. При этом мощь и влияние России включена в систему антиколониального, антиимпериалистического глобального Юга.

Понятно, что отживающее старое, старый однополярный мир, к тому же созданный миром хищнического империализма и неоколониализма, не станет добровольно уступать место в истории новым отношениям и новым правилам, основанным на правах. Понятно, что здесь речь идёт о переходе количественных отношений в качественные при процессе отрицания империализма, который, в свою очередь, в своё время пришёл на отрицании феодальной организации общества. Однополярный мир возник на отрицании биполярного мира. Но и однополярный мир по той же логике отрицания отрицания неизбежно должен уступить другому, не биполярному, а многополярному миру, коль скоро одна сторона бывшего биполярного мира не смогла восстановиться. Но это только один аспект процесса нарождения новых отношений и ухода старых отношений.

Вторая сторона заключается в том, что мир империализма и капитализма уже фактически исчерпал свои созидательные способности, тем не менее сохранил огромное экономическое, финансовой влияние в мире, опутав практически всю экономику мира неоколониальной финансовой сетью при господствующей роли валюты нескольких наиболее крупных империалистических стран, где узловые, координирующие позиции занимает всего одна валюта – американский доллар, который после Второй мировой войны удалось навязать в качестве резервной валюты мира, превратив его в основное средство расчётов в мировой торговле. Ещё четверть века после окончания Второй мировой

войны, по результатам которого США стали самой богатой страной мира, производила валовый внутренний продукт, равный ВВП всей остальной части мира. Во многом за счёт этого, а также искусственного создания или раздувания, провоцирования войн и военных конфликтов, США сумела создать также и самую мощную военную машину в мире, опутав весь мир сетью своих военных баз. США и государства «золотого миллиарда» оказывают политическое, идеологическое, финансовое и военное сопротивление становящему новому миропорядку и пытаются ослабить страны, которые пытаются создать новый мировой порядок, демонстрируя на практике свои успехи. Вместе с тем усиливается использование силовых методов, систематически нарушаются нормы международного права, нарастают геополитическая конфронтация и конфликты, множатся риски для стабильности в мире и регионе ШОС.

Империалистическая стадия капитализма в его западноевропейском, колониальном и американском неоколониальном варианте исчерпала прогрессивные, созидательные тенденции и демонстрирует политическое, экономическое, и главное – моральное одряхление разложение и, соответственно, потерю авторитета у подавляющего большинства мирового населения, т.е. мирового большинства. Неслучайно в 2023 г. появление геополитического понятия «глобальный Юг» в противовес «глобальному Западу». И возращение в политический лексикон государств глобального Юга понятия «неоколониализм», под которым подразумевается глобальный Запад, являющийся олицетворением колониализма в его новом обличии. Как сказано, в настоящее время страны, которые выступают против гегемонизма и неоколониализма, т.е. глобальный Юг, всё более активно и консолидированно отстаивают свои интересы, отвергая навязанный Западом «порядок», основанный на «правилах» (правильнее сказать – «двойных стандартах»), формируют

и отстаивают новые правила, подрывающие гегемонию Западной цивилизации.

Необходимо также обратить внимание на то, что ни в одном из документов Росси не говорится о ведущей или главной роли России, как это принято в документах США. В той же Концепции внешней политики Российской Федерации сказано, что Россия является одним из суверенных центров мирового развития. Это отражает философию и политику России, выстраивающей «поддержание глобального баланса сил и выстраивание многополярной международной системы, обеспечение условий для мирного, поступательного развития человечества на основе объединительной и конструктивной повестки дня». Это обеспечивает высокий авторитет России в мире и привлекательность такого миропорядка, который соответствует интересам большинства стран мира.

Изменение миропорядка, происходящее сейчас, является следствием происходящих на протяжении более века процессов загнивания капитализма, которое привело к двум мировым войнам, чудовищным убийствам людей во время войн и дискредитации модели либерально-буржуазной демократии. Либерализм и демократия в странах глобального Запада выродились в уродливую диктатуру одряхлевшей, разлагающейся демократии. И она более не является привлекательной для мирового большинства – глобального Юга. А это повлекло за собой потерю Западом морального авторитета. Римско-католическая и англосаксонская протестантская цивилизации и демократии приходят в упадок, т.е. находятся на стадии умирания.

Говоря об империализме, колониализме и неоколониализме, нельзя обойти вниманием такое уродливое и ужасающее явление, созданное империализмом, как идеология и режим как нацизма. Казалось бы, Вторая мировая война, окончившаяся разгромом нацисткой Германии и объявле-

нием преступной не только нацистские организации и государство, но и саму идеологию нацизма, навсегда привила человечеству иммунитет от нацизма. Но нацизм ведь порождение капитализма на его империалистической стадии, и поэтому – пока жив империализм (и капитализм), всегда будет угроза появления не только идеологии, организаций, но и государств с господствующей нацистской идеологией, политикой и режимом. Мы видим значительные рост нацизма в странах Запада. Не нужно также забывать, что и Япония в первой половине XX в. была по существу нацистским государством и нельзя исключить возможность возрождения японского нацизма и милитаризма. Тем более, что Япония входит в систему коллективного Запада.

Вместе с тем, нужно обратить внимание на то, как меняются влияние отдельных или группы стран, континентов на мировую политику, на характер международных отношений, на выдвижение и принятие решений, которые меняют сам вектор развития человеческой истории. На протяжении почти пяти веков одним из главных сил, влиявших на развитие мира, была Европа, точнее, Западная Европа. Затем, уже в XX в., серьёзное влияние на мировое развитие стали оказывать США и СССР, а в конце XX – начале XXI вв. определяющее влияние стала оказывать одна страна – США, с чем и связано возникновение однополярного мира и проведение политики однополярности, или unilateralizm, которое можно было бы перевести как односторонности, т.е. воли и желания, политика одной страны. Это очень цинично выразил действующий президент США Дж. Байден в интервью журналисту ABC Джорджу Стефанопулосу на передаче «One on One» 29 марта 2024 г., когда заявил без всякой тени смущения и пафоса, буднично: «Я каждый Божий день управляю миром»[7].

[7] URL:https://www.yandex.ru/video/preview/9585153185060202811 (дата обращения: 20.05.2024).

Отмеченные в Концепциях внешней политики России, начиная с 2008 г., перспективы, а затем и процессы утраты историческим Западом способности оказывать решающее влияние на глобализационные и иные процессы в мире, находят своё отражение в том, что действия стран исторического Запада – США, Евросоюза, НАТО, Группы 7 – всё меньше воспринимаются большинством государств мира как должные, обязательные к исполнению. Всё больше появляется признаков ослабления авторитета этих стран и объединений. Это видно по авторитету принимаемых Шанхайской организацией сотрудничества, БРИКСом решений и действий. Не в последнюю очередь это связано с тем, что страны ШОС или БРИКС сейчас экономически более сильны, чем Группа 7 или Евросоюз вместе с США. Можно также отметить, что все союзники и сателлиты США в количестве 50 стран по военной и военно-промышленной линии не могут составить серьёзную конкуренцию одной России в ходе Специальной военной операции. Отметим, что военный и военно-промышленный бюджет НАТО, Евросоюза и союзников в других регионах превышают военный и военно-промышленный бюджет России более чем 20 раз. При этом они не могут составить конкуренцию России в производстве снарядов и ракет. Это говорит о сравнительной эффективности военной стратегии и тактики, а также военной промышленности и науки России по сравнению со странами исторического Запада.

Не подлежит сомнению, что несмотря на отчаянное сопротивление исторического Запада, в недалёком времени повестку дня мировой политики будут определять такие структуры многополярности как ШОС, БРИКС, АСЕАН. Представляется важным отметить план В.В. Путина, высказанный им во время встречи с дипломатическими работниками России 14 июня 2024 г. сформулировать в обозримой перспективе на Евразийском континенте контур равной и

неделимой безопасности, взаимовыгодного, равноправного сотрудничества и развития[8]. Не подлежит сомнению, что такой контур будет сформирован государствами – сторонниками многополярности. И в связи с этим возникает вопрос о месте и роли государств Корейского полуострова в этом новом мире многополярности. Что касается КНДР, несмотря на её позицию неучастия в каких-либо военных, военно-политических, экономических объединениях, КНДР в соответствии с принципами её внешней политики, а также установления стратегического партнёрства с Россией и КНР, будет в числе стран, которые будут в составе многополярного мира.

Сложный вопрос – о месте и роли Республики Корея в этом процессе.

В документе об основных задачах деятельности вступившего в должность президента РК Юн Сок Ёля, обнародованном через два месяца после инаугурации, «120 политических задач правительства Юн Сок Ёля» ставится задача выхода внешней политики РК за пределы региона и превращение в глобальную державу в союзе с США. Причём она должна стать не рядовой глобальной державой, а играющей центральную (ключевую) роль в решении глобальных проблем и превратиться в страну, способствующую установлению в мире в качестве ведущего государства в составе группы стран «мировой демократии», свободы, мира и процветания на основе правильной дипломатии и на стратегии обеспечения безопасности[9].

Как отмечал в своей инаугурационной речи президент Юн Сок Ёль, Республика Корея входит в десятку крупнейших экономик мира. Она относится к числу государств с но-

[8] URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/74285. (дата обращения: 26.06.2024).

[9] 윤 석열 정부120 [120 задач правительства Юн Сок Ёля, 2022]. С. 5.

ваторскими методами решения возникающих проблем, как в экономике, так и в науке, технологиях, а также культуре и политике[10].

Корея была одним из инициаторов формирования объединения так называемых средних стран, институционализировав группу в виде провозглашённой в 2013 г. МИКТА (Мексика, Индонезия, Республика Корея, Турция, Австралия) и выступала от её имени на 74-сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Республика Корея приглашается на саммиты Группы 7, а также на саммиты НАТО, она сотрудничает с большинством стран мира, налаживая тесные контакты, например, с АСЕАН, Организацией африканского единства, во множестве международных, региональных межгосударственных объединений, а также активно участвуя в мероприятиях по снижению выбросов парниковых газов, активно переходя к углеродно-нейтральным видам транспорта и производства.

На базе вышеперечисленных позиций РК в мире, для выполнения задачи превращения в центровое (ключевое) государство в решении глобальных проблем, предусматривается не просто укрепление сотрудничества с США или продление военно-политического сотрудничества на 60 лет, как это было заявлено бывшим президентом Пак Кын Хе в 2013 г., когда отмечалось 60-летие Договора о взаимной обороне между США и РК. Имеется в виду формирование «всеобъемлющего стратегического союза» между Южной Кореей и США. РК и США достигли консенсуса по расширению инвестиций и укреплению сотрудничества в области НИОКР в таких развивающихся технологических областях, как: полупроводники, аккумуляторы, чистая энергия, ис-

[10] Юн Сок Ёль. Инаугурационная речь 10.05.2022. — Администрация Президента. – URL: https://www.president.go.kr/president/greeting (дата обращения: 25.03.2024).

кусственный интеллект и вычислительная техника. РК налаживает сотрудничество с объединением AUKUS, QUAD, а также НАТО (пока на политическом уровне, принимая участие в политических мероприятиях НАТО, в частности на саммитах НАТО 2022–2024 гг.).

Это означает, что Южная Корея стремится к установлению научно-технологического, военно-технического сотрудничества с США, а также с другими союзниками по группе стран «мировой демократии». Фактически это свидетельствует о полном присоединения РК к странам Запада в политике, дипломатии и в военной, военно-технической сферах. В экономике она уже давно является составной частью экономики развитых капиталистических стран. Об этом свидетельствует также тот факт, что после проведения в 2022 г. первого «саммита мировой демократии» по инициативе президента США Дж. Байдена, были проведены ещё два «мировых саммита демократий» в 2023 и в 2024 гг. Оба раза самым активным соорганизатором и инициатором этих «крупнейших» по оценке представителей исторического Запада мероприятий выступила Республика Корея, ещё раз подтверждая её глобальную роль в борьбе за мировую демократию.

Юн Сок Ёль первым из всех президентов РК объявил Японию союзником по проблемам свободы и демократии. Он возобновил так называемую челночную дипломатию с Японией, встретившись за один 2023 г. 8 раз с премьер-министром Японии Кисидой на различных мероприятиях, а также обменявшись официальными визитами. Он решил оставить истории противоречия между двумя странами по проблемам прошлой истории, закрыв вопрос о сексуальных рабынях и принудительном труде корейских работников на военных заводах Японии в годы Второй мировой войны, считая, что расширение и укрепление связей между ними

позволит постепенно разрешить все вопросы прошлого. Такая политика привела к расширению торговли, росту туристического обмена (9,5 млн. туристов РК и Южной Кореи посетили друг друга), сокращению дефицита РК в торговле с Японией.

Вступление в союз «мировой демократии» не может не отразиться на отношении к России, которую относят к числу ведущих стран так называемой «мировой автократии». На встрече с руководителями мировых информационных агентств в рамках Петербургского международного экономического форума 5 июня 2024 г. президент России В.В. Путин отметил: «Сегодня, к сожалению, по многим направлениям нашего сотрудничества со стороны Кореи созданы известные проблемы — очень жаль. Мы работаем с другими странами, хотя продолжали бы работать и с Кореей, но это не наш выбор, это выбор корейского руководства». В то же время он отметил, что «какого-то русофобского настроя в работе руководства Республики Корея не наблюдается. Нет и прямых поставок каких-то вооружений в зону конфликта, и мы это высоко ценим». И далее подчеркнул, что Россия рассчитывает, что российско-южнокорейские отношения не деградируют, имея в виду и нашу заинтересованность в развитии двусторонних отношений применительно к Корейскому полуострову в целом»[11].

Вместе с тем, если исходить не из желаний, а из ныне существующих реалий, при нынешней администрации Республики Корея сложно надеяться, что она выберет участие в этом контуре равной и неделимой безопасности, взаимовыгодного, равноправного сотрудничества и развития на Евразийском континенте.

[11] Путин В.В. Встреча с руководителями международных информагентств // Сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/74223 (дата обращения: 08.06.2024).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники:

1. Астанинская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. 4 июля 2024 г. – URL:http://www.kremlin.ru/supplement/6163) (дата обращения: 06.06.2024).
2. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 28 июня 2000 года. – «Российская газета», № 133, 11.07.2000.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 15 июля 2008 г. (дата обращения: 16.05.2024).
4. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации 20 февраля 2013 г. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/ (дата обращения: 25.06.2024).
5. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации. 30 ноября 2016 г.) – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102416644 (дата обращения: 30.06.2024).
6. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации. 31 марта 2023 г.) – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090/page/5 (дата обращения: 30.06.2024).
7. Путин В.В. Встреча в МИД РФ. 14 июня 2024 г. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/74285 (дата обращения: 26.06.2024).
8. Путин В.В. Встреча с руководителями международных информагентств // Сайт Президента РФ. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/74223 (дата обращения: 08.06.2024).
9. Дж. Байден. Интервью журналисту ABC Джорджем Стефанопулосом на передаче «One on One» 29 марта 2024 г. – URL:https://www.yandex.ru/video/preview/9585153185060202811 (дата обращения: 20.05.2024).
10. Юн Сок Ёль. Инаугурационная речь 10.05.2022. – Администрация Президента РК. – URL: https://www.president.go.kr/president/greeting (дата обращения: 25.03.2024).
11. 윤 석열 정부120 [120 задач правительства Юн Сок Ёля, 2022]. С. 5.

Н.Э. ПОТАПОВА
PhD, доцент Университета Альфраганус (Узбекистан)

МЯГКАЯ СИЛА ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА)

Республика Корея и Узбекистан являются стратегическими партнёрами. Между странами принято свыше 170 межгосударственных, межправительственных и межведомственных документов. Подписанная в 2006 г. Совместная декларация о стратегическом партнёрстве и принятое в 2017 г. Совместное заявление о всестороннем углублении отношений стратегического партнёрства свидетельствуют о приверженности сторон к сотрудничеству, их дружбе и взаимном доверии. Страны также поддерживают друг друга в рамках ООН и других международных организаций. Узбекистан одобряет миролюбивую политику Республики Корея, которая имеет большое значение в обеспечении глобальной безопасности и направлена на укрепление взаимного согласия на Корейском полуострове.

Особое внимание уделяется публичной дипломатии. Понятие «публичная дипломатия» не имеет единого определения, поскольку существует множество подходов объяснения данной парадигмы. Публичная дипломатия – это деятельность лиц, представляющих интересы отдельно взятой страны в рамках международного пространства в целях налаживания контактов в политическом, культурном и экономическом аспекте. Публичная дипломатия отличается от официальной классической дипломатии тем, что осущест-

вляется непрофессиональными дипломатами, и методы и цели у неё несколько другие. Традиционная классическая дипломатия имеет чётко продуманные конкретные цели, и действует она в большей степени непублично, у публичной же дипломатии – более расплывчатые цели, например, создание имиджа государства, обретение «восторгающихся» граждан другой страны политикой, культурой, традициями страны принимающей. Обычно дипломатия в средствах массовой информации нацелена на краткосрочные результаты, тогда как публичная дипломатия нацелена на долгосрочные результаты [11, 65]. Акторами публичной дипломатии могут быть как правительства, органы государственной власти, так и артисты, бизнесмены, работники искусства, образования, представители всевозможных общественных организаций, журналисты, художники, фотографы; кроме того, публичную дипломатию могут осуществлять целые коллективы и организации, как правило неправительственные. Положительный эффект от публичной дипломатии настолько очевиден, что государства на сегодняшний день разрабатывают целые системы и стратегии сфер деятельности и способов осуществления публичной дипломатии.

Республика Корея поддерживает резолюции «Укрепление регионального и международного сотрудничества в целях обеспечения мира, стабильности и устойчивого развития в Центрально-Азиатском регионе» и «Просвещение и религиозная толерантность», принятые в 2018 г. Генеральной Ассамблеей ООН по инициативе Узбекистана.

Активизировались межпарламентские связи, обмен делегациями на уровне правительств, министерств и ведомств, регулярный характер обрели политические консультации между внешнеполитическими ведомствами [4].

Корейская национальная нефтяная компания, «Эксимбанк», многие ведущие компании этой страны, в числе которых «Kogas», «Lotte group», «Samsung», «Hyundai»,

«Shindong resources», принимают активное участие в реализации крупных инвестиционных проектов.

Всего по Республике в 13 вузах, 28 школах, лицеях и колледжах проводится обучение корейскому языку.

С 1999 года действует Общество дружбы «Узбекистан – Республика Корея». В настоящее время вузы Узбекистана поддерживают сотрудничество с более чем 45 университетами и научно-производственными организациями Республики Корея, которое предусматривает развитие связей в различных областях учебной и научной деятельности, обмен профессорско-преподавательским составом и студентами, а также взаимодействие в организации совместных конференций, симпозиумов, семинаров, проведение совместных научных исследований.

1 октября 2014 г. в Ташкенте открыт филиал южнокорейского Университета «Инха», который осуществляет подготовку специалистов по компьютерному и программному инжинирингу, а также логистике.

Установлены тесные связи на муниципальном уровне, в рамках которых имеются договорённости о сотрудничестве между Ташкентом и Сеулом, Ферганой и Ёджином, Наманганом и Сонгнамом, Самаркандом и Кёнджу, Ташкентской областью и провинцией Кёнсан-Пукто [26].

Южная Корея сегодня является динамично развивающейся страной, которая опирается на экспортное производство, новейшие технологии и публичную дипломатию. В феврале 2018 г. был принят закон о публичной дипломатии [26]. В 2013 г. Корея запустила Программу публичной дипломатии корейцев, которая включает в себя 4 группы: стажёры государственной дипломатии на местах в дипломатических миссиях за рубежом; молодые общественные дипломаты; проект публичной дипломатии корейских граждан; проект «Глобальные будущие художники» [27].

Корея – страна, которая ставит одной из задач своей пуб-

личной дипломатии популяризацию своей культуры. Результатом этой деятельности явилось то, что Корея была избрана членом Исполнительного совета ЮНЕСКО на период 2015–2019 гг., членом Комитета всемирного наследия с 2013 по 2017 год и Межправительственного комитета по охране нематериального культурного наследия на период 2014–2018 гг. [28]. Цель публичной дипломатии Республики Корея: под руководством корейских специалистов, сосредоточиваясь на культурных мероприятиях, реализовать видение «привлекательной Кореи», повышать авторитет национального бренда.

На сегодняшний день Южная Корея является «региональным центром» в Восточной Азии [10], это третья по величине экономика Азии после Китая и Японии и 13-я по величине экономика в мире. В сентябре 2013 г. Южная Корея, вместе с Мексикой, Индонезией, Турцией и Австралией, начала выступать в качестве нового консультативного международного органа стран – средних держав, которые стремятся выступать в качестве моста между развитыми и развивающимися странами [9, 3].

Министр иностранных дел Республики Корея Кан Гён Хуа заявила, что Корейский комитет по публичной дипломатии завершил первый базовый план публичной дипломатии. Он действовал с 2017-го до 2021 года. Предусматривается активное участие в публичной дипломатии частного сектора, который будет оказывать помощь в укреплении сетей профессионалов в области искусства [37].

Публичная дипломатия Кореи выразилась в деятельности так называемой корейской волны Халлю. Агентство по содействию торговле и торговле в Корее (KOTPA) и Корейский фонд обмена культурными отраслями (KOFICE) оценивают экономический эффект Халлю, который в 2014 г. составил 12,6 трлн. вон и 15,6 трлн. вон в 2015 г. [8].

Активизация публичной дипломатии Кореи не случай-

на, поскольку, понимая, что искусство не знает границ, национальности и языка, правительство Кореи активно реализовывает эту идею на практике. В этой стране налаживание дружественных отношений между странами с помощью публичной дипломатии поставлено на уровень государственной программы.

В Законе о публичной дипломатии Кореи даётся такое определение: публичная дипломатия – это деятельность дипломатии, посредством которой государство усиливает понимание и уверенность иностранных граждан в Республике Корея непосредственно или в сотрудничестве с местными органами власти, или частным сектором через культуру, знания, политику и т.д. Её основными принципами являются: гармоничное отражение универсальной ценности человечества и внутренние характеристики Республики Корея; политика государственной дипломатии должна быть сосредоточена на содействии устойчивому и дружественному сотрудничеству с международным сообществом[25].

Публичная дипломатия имеет свою историю развития, которая хорошо описана в работах учёных, например, таких, как «Публичная дипломатия до Гуллиона: эволюция определения» [Николас Дж. Кулл, 15], «Риторика и публичная дипломатия: анализ двухмерной связи» [Бетул Озилмас, 6, 209-225] и др. Очевидно, что зачатки публичной дипломатии можно проследить в древности, но политическое осмысление публичной дипломатии даёт Э. Гуллион, а после него уже Дж. Най вводит эту парадигму в научный оборот и довольно детально исследует.

Самое удачное, на наш взгляд, выражение, определяющее сущность публичной дипломатии: публичная дипломатия – это, прежде всего, бизнес-дипломатия [7, 5-7]. Она делится на различные подвиды – такие, как научная дипломатия, культурная дипломатия, которые, в свою очередь, по выражению Мелиссена [13], составляют уже новую

публичную дипломатию. Публичная дипломатия является производной от пропаганды, но имеет несколько другие цели, облагорожена более мягким подходом. В этом смысле неслучайно Дж. Най определяет публичную дипломатию как «мягкую силу» [14].

Политика Южной Кореи относительно развития публичной дипломатии не стоит на месте, она постоянно находится в динамике. Юн Ёнг Чо отмечает, что Южная Корея должна более эффективно внедрять современную культуру страны и публиковать её текущие события, быть доступной и совершенствоваться для народов зарубежных стран [16]. Он предлагает основные направления стратегии публичной дипломатии Кореи, которые состоят в сотрудничестве правительства с частными структурами по созданию имиджа страны как «нации, сохраняющей мир» [16, 12].

Республика Корея практикует свои специфические подходы в использовании «мягкой силы» дипломатии на международной арене: различные образовательные программы, ведущим лидером в которых является организация КОИКА (KOIKA) [12, 81], участие различных фондов в культурных, научных и кадровых обменах – здесь лидер Корейский Фонд (Korea Foundation) [28]. Поддержка различных проектов, связанных с медиасферой и прочее; неофициальные обмены, в которых участвуют неправительственные организации (НПО), университеты и частные компании, играющие определённую роль в таких областях, как научная дипломатия.

У Узбекистана и Республики Корея очень много общего в традициях, культуре, ментальности, поскольку географическая близость и, в некоторой степени, схожесть в цивилизационном аспекте на определённых исторических этапах наших стран даёт возможность поиска взаимности, похожести и как результат – продуктивности отношений во всех сферах. С экономической точки зрения, это интерес в ресурсах, газе, уране, минеральных ресурсах, а также воз-

можность, с геополитической точки зрения, иметь выход на российский энергетический рынок. Таким образом, Корея видит свои перспективы в реализации публичной дипломатии, в частности, в том, чтобы продвигать свои экономические интересы.

Узбекский и корейский народы имеют схожие культуры и менталитет. У них есть такие качества, как трудолюбие, доброта и милосердие, которые являются основой дружбы и сотрудничества между двумя странами. Культурные и гуманитарные связи играют важную роль в дальнейшем укреплении отношений между странами. Сотрудничество в области науки, образования, искусства, спорта и туризма продолжает процветать.

Дипломатические отношения Узбекистана с Республикой Корея имеют давнюю историю, в 2024 году им уже 32 года. На протяжении всех этих лет публичная дипломатия имела свои особенности. Наиболее значимыми событиями были такие, как Форум «Республика Корея – Центральная Азия», который проводится ежегодно с 2007 года. Его основная цель – укрепление и расширение сотрудничества в области экономики, культуры, образования, туризма, а также обмен опытом в области информационно-телекоммуникационных технологий [5].

В июне 1996 года КОИКА открыла своё представительство в Узбекистане в целях организации грантовой помощи, технического партнёрства и сотрудничества проектов в стране от имени корейского правительства.

Одним из конкретных результатов такого сотрудничества является создание в столице Узбекистана, Ташкенте, Сеульского парка, который быстро стал одним из популярных мест для посещения народом и гостями Ташкента. Среди учёных-искусствоведов и художников в рамках взаимного сотрудничества организуются курсы художественного мастерства. Преподаватели, профессора приезжают, чтобы

вести свои лекции и делиться мастерством. А корейские специалисты приезжают в Узбекистан и делятся своим мастерством. Вузы нашей страны сотрудничают с более чем 45 научно-исследовательскими учреждениями Южной Кореи.

Корейская диаспора в Узбекистане – одна из крупнейших в мире, играет важную роль в укреплении дружеских отношений между двумя странами. В 2014 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании и открытии Дома культуры и искусства Кореи в Ташкенте. Среди основных целей этого Дома – создание благоприятных условий для сохранения культурного наследия, традиций и искусства корейской диаспоры Узбекистана. После установления дипломатических отношений между Ташкентом и Сеулом развивается подлинное стратегическое партнёрство, и в настоящее время страны тесно сотрудничают друг с другом в дальнейшем продвижении многостороннего сотрудничества в различных областях и укреплении взаимовыгодных двусторонних отношений, которые служат интересам обеих стран.

Строительство корейского Дома культуры и искусства в Ташкенте началось в мае 2016 г., а в 2019 г. состоялось открытие Дома культуры и искусства с участием президента Кореи Мун Чжэ Ина, в рамках его официального визита в Узбекистан [19]. В свою очередь, президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев посетил Республику Корею с государственным визитом, что свидетельствует о тёплых, дружественных отношениях между странами [24].

Ежегодно проводятся мероприятия под названием Неделя культуры. На открытии Недели культуры было отмечено, что широкомасштабные культурно-гуманитарные связи двух стран и народов указывают на будущие перспективы узбекско-южнокорейского сотрудничества.

Высоко оценивая значимость публичной дипломатии, Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев в своей речи на международной конференции стран Центральной Азии

сказал: «Существенно, что необходимо укреплять культурные и гуманитарные связи, дружеские отношения и добрые отношения добрососедства между нашими государствами и народами. Это одно из основных условий активизации регионального сотрудничества в Центральной Азии. С этой точки зрения, мы выступаем за продолжение активного культурного и гуманитарного диалога, проведение творческой деятельности «Дни культуры» в наших странах на регулярной основе, развитие образовательных и туристических обменов, поскольку они являются наиболее важными инструментами «народной дипломатии». Простое и открытое человеческое общение – это самый надёжный способ укрепления климата взаимопонимания и стабильности в регионе» [17].

В Сеульском национальном университете в 2016 г. была организована выставка, посвящённая истории и культуре Узбекистана, открылась выставка узбекского национального мастерства. Изображения исторических памятников показывали важные этапы развития мировой цивилизации на протяжении веков. 17 ноября 2017 г. в Центральном выставочном зале Академии художеств состоялось открытие ретроспективной выставки корейских художников Узбекистана «Память 1937–2017», посвящённой 80-летию проживания корейцев в Узбекистане [22]. Выставка стала ярким переживанием исторического пути, который прошли корейцы Узбекистана за 80 лет. К выставке был выпущен каталог, составленный куратором выставки искусствоведом Викторией Цой, а спонсором каталога стал бизнесмен Анатолий Ким, основатель галереи «Нурон», первой галереи корейских художников; он же, вместе с клубом «Кореин», покрыл все расходы по проведению выставки. Выставку посетили и приняли в ней активное участие Президент Академии художеств Узбекистана Нуридинов Акмал Вахобжанович, заслуженный художник РУз Александр Владимирович

Ли, депутат штата Вашингтон Синди Рю (США), генеральный директор ООК Вячеслав Ким (Россия). На открытии присутствовали депутаты, члены Политического совета «Зарубежных корейцев-политиков», учёные, участники конференции «80 лет на узбекской земле», а также художники из Республики Корея и многочисленные гости, прибывшие на это мероприятие. В связи с этим инициативная группа художников Узбекистана объявила поиск коллег, среди которых оказались художники, представители корейской диаспоры в Узбекистане [29].

Особую заслугу в деятельности корейской диаспоры и в создании положительного имиджа Узбекистана и Кореи имеет официальный сайт «Корё Сарам» и её технический редактор Хан Вячеслав Викторович, который освещает жизнь корейцев в Узбекистане и, в частности, деятельность корейских художников. В.В. Хан является также председателем общественного объединения Союза корейских художников.

В Узбекистане живут и занимаются творчеством целые династии корейских художников. Династийные фамилии: Тен Дин Хо, Лим Фо-чун, Н.А. Ким, А.В. *Ли* [2, 22]. Члены семьи *Ли* занимаются живописью: отец Александр *Ли*, мать Галина *Ли*, сын Александр *Ли*, дочери Татьяна *Ли* и Мария *Ли*-Сафи. Когда в беседе я спросила Татьяну и Марию, почему они стали художниками, они ответили, что воспитывались в художественной среде, а потому и не представляли себя без живописи. Все они прекрасно пишут картины, оформляют книги, активно участвуют в международных выставках. Так, с 23 марта по 1 апреля 2019 г. Татьяна и Мария участвовали в выставке под названием «Из Ташкента с любовью» [30].

Широко известна творческая деятельность Узбекистанской художницы Шин Искры. Она – член Союза художников СССР, Почётный гражданин города Сеул, член творческого союза Академии художеств Узбекистана, награждена

серебряной медалью Академии художеств Узбекистана, лауреат Государственной премии, имеет звание Заслуженного работника культуры, участница проекта «Вена–Ташкент–Вена. Единое пространство», имела персональную выставку в Берлине, в Сеульском центре искусств, в Москве – выставка «Узбекский квадрат», в Сеуле – выставка «Художники Азии» в музее современного искусства. Её работы находятся в Государственном музее искусств, в Галерее изобразительного искусства Узбекистана, в Самаркандском государственном историко-археологическом музее-заповеднике им. А. Икрамова, в Ургенческой художественной галерее, в Дирекции выставок Министерства по делам культуры Узбекистана, в галереях Америки, Израиля, Арабских Эмиратов, Германии, Кореи [31].

Михаил Пак – известный художник, писатель, участник совместных и персональных выставок в Корее, в частности, его выставки прошли в Сеуле, в галерее «Кырин Мадан Мин», в 1993, 1995 гг. [32], последняя выставка проходила в мае 2018 г. под названием «Восток–Запад», а также презентация книги «Натюрморт с яблоками» [3].

Хегай Мирон – график, живописец, художник, член творческого объединения при Академии художеств Узбекистана, участник Республиканских и международных выставок – художник, передающий своё мастерство молодому поколению корейцев, живущих в Корее, приехавших из стран СНГ. Участник совместных выставок корейских художников Узбекистана, а также участник совместного проекта с Ан Виктором, с которым в 2006 г. они были в демилитаризованной зоне между Южной и Северной Кореей, где создавали свои работы, хранящиеся ныне в сеульском университете Кёнхи. Подобный проект сам по себе явился фактом налаживания отношений между Северной Кореей и Южной.

В беседе с Мироном мы выяснили разницу в творчестве

«узбекских» корейцев и корейцев, родившихся и проживающих в Корее.

Корейцы Узбекистана, как и всего СНГ, заканчивали местные и российские школы изобразительного искусства. Философия композиций разная, особенно если сравнивать традиционное корейское искусство и классические школы европейского, русского и узбекского искусства. Корейцы Узбекистана в своих произведениях на восточные мотивы придерживаются стиля скорее суфийских толков, нежели буддийских философских традиций, хотя и христианская философия тоже присутствует. Картины более насыщены тёплыми тонами.

2 июля 2018 г. в галерее «Нурон» в Узбекистане состоялась встреча корейских художников Узбекистана с куратором художественных выставок Музея современного искусства провинции Кёнгидо (Gyeonggi MoMA) господином Пак Бон Су. На встрече приняли участие Анатолий Ким, основатель галереи «Нурон», Анастасия Ким, куратор галереи «Нурон», Виктория Цой, искусствовед, художники Татьяна Ли, Вероника Ван, Лана Лим, Владимир Ким, фотограф Виктор Ан, доцент Университета мировой экономики и дипломатии Валерий Хан, докторант факультета изобразительного искусства Университета Хон'ик ??? (Республика Корея) Чен Сонха и др.

Говоря о публичной дипломатии, особое внимание уделяется меценатской деятельности. В этом смысле Анатолий Ким, бизнесмен, который интересуется живописью и часто занимается спонсированием проведения всевозможных мероприятий в художественной среде, оказывает помощь в проведении выставок, в опубликовании альбомов и книг по творческой деятельности художников корейской диаспоры Узбекистана.

Встреча была инициирована со стороны Gyeonggi MoMA в связи с подготовкой большой выставки, посвящённой

тысячелетию провинции Кёнгидо, в которой, по замыслу организаторов, примут участие и художники из стран расселения корейцев – Китая, Японии, России, Узбекистана и Казахстана [29].

С сентября по ноябрь 2018 г. была организована выставка «Gyenonggi» культурным центром и Gyenonggi-музеем современного искусства в Ансане, которые предоставили возможность участвовать в специальной экспедиции 25 корейским художникам из Китая, Японии, России, Узбекистана и Казахстана. Выставка называлась «Корейская диаспора – сверх дисперсии» и была посвящена мышлению и искусству корейцев, проживающих в различных странах в исторической ретроспективе [34]. Выставка служила сближению понимания между людьми, представителями и носителями различных культур, но имеющих одни корни и традиции и, если можно так сказать, один культурный код. Это ещё одно проявление публичной дипломатии Кореи, которая осуществляет политику объединения всех корейцев, проживающих в различных странах.

С 26 марта по 1 апреля 2019 г. ранее упомянутая сеульская выставка «Из Ташкента с любовью» дала возможность показать работы не только представителей корейской диаспоры, проживающих в Узбекистане, но и работы узбекских художников, таких как Н. Расулов, С. Джаббаров, Ё. Бекназаров, Ш. Шарафходжаева, Д. Бобокулов [30]. В 2018 г. в Узбекистане проходила выставка под названием «Прекрасный аккомпанемент», которая явилась 1-й выставкой современного корейского искусства, организованная при содействии Фонда развития культуры и искусства (Республика Корея) и Министерства культуры Узбекистана [35]. Это ещё одно свидетельство высокой организационной деятельности Кореи в публичной дипломатии и дружелюбного участия и открытости Узбекистана в восприятии данных действий со стороны Кореи. Художники Узбекистана и Кореи

сами являются участниками этой публичной дипломатии и действующими лицами в создании благоприятного имиджа страны, как Кореи, так и Узбекистана.

25 января 2019 г. в галерее «Bonum Factum» была открыта выставка «A Beautiful Accompany» художников современного искусства из Кореи. Организаторами выставки выступила Галерея «AB» из Южной Кореи и галерея «Bonum Factum» (Узбекистан). Ранее 23 ноября 2018 г. эти же художники выставлялись, совместно с нашими художниками, в Галерее изобразительного искусства Узбекистана (ГНБУ) [36]. Были представлены работы художников Вон Те Ли, Ён Ён Джон, Сун Ён Ян и других.

Многие выставки изобразительного современного искусства организуются Корейским культурным центром Республики Узбекистан, а также энтузиастами, людьми, которые индивидуально осуществляют эту деятельность.

Виктор Ан является самобытным художником, который профессионально занимается фотографией – вид искусства, относящийся к изобразительному искусству [1]. Его альбом под названием: «До востребования» является своеобразной историей корейской диаспоры, проживающей в Узбекистане. В 1996 г. в городах Сеуле и Тэгу проходила его персональная выставка фотокартин [1, 2]. Он продолжает принимать активное участие в подготовке и проведении выставок в Узбекистане и в Корее.

Хотелось бы упомянуть таких художников, как Кан Леонид Сергеевич, Лим Лана, Ким Георгий, Владимир и Игорь Шины, Кан Христофор, которые активно участвуют в творческой жизни Узбекистана, представляют свои персональные и коллективные выставки, вносят вклад своими картинами в создание положительного имиджа Узбекистана – страны, в которой они живут [2, 18, 35, 37].

В 2020 г. начала свою деятельность Ассоциация узбекистанцев в Южной Корее, которая была открыта в городе

Кванджу; она призвана оказывать помощь узбекистанцам, проживающим в Корее. Эта организация способствует укреплению дружбы и сотрудничеству между нашими государствами [18].

Медицина является одним из приоритетных направлений во взаимоотношениях Узбекистана и Кореи. Созданы условия для повышения квалификации отечественных специалистов в лучших медицинских учреждениях Республики Корея при поддержке Корейского агентства по международному сотрудничеству (KOICA). Налажено проведение ведущими корейскими врачами сложных операций и медицинского обследования пациентов из Узбекистана.

В 2020 г. в Яшнабадском районе Ташкента начал функционировать Национальный детский медицинский центр стоимостью более 130 млн. долларов; он построен при поддержке Республики Корея на основе проекта корпорации «Баум». Более 100 его врачей прошли стажировку в Республике Корея [20]. В данном педиатрическом учреждении предоставляются высокотехнологичные медицинские услуги и созданы возможности для проведения уникальных хирургических операций.

Республикой Корея оказывалось практическое содействие в борьбе с распространением COVID-19. Так, в 2020 г. в течение двух месяцев в Узбекистане активно работали и делились своими навыками корейские профессора Цой Чже Ук и Юн Сынг Джу. За активные усилия и практическую помощь в организации эффективной борьбы с пандемией коронавируса Цой Чжэ Ук был награждён орденом «Саломатлик» I степени [21].

Таким образом, между Узбекистаном и Кореей установлены дружеские отношения на двусторонней основе. Публичная дипломатия Кореи по отношению к Узбекистану ведётся в рамках диалога «p to p» и подписанных официальных договоров; правительство Кореи всегда проявляет

заинтересованность в Узбекистане как экономическом партнёре. А общность культур и ментальности только помогает в этом. Корея имеет заинтересованность в сырьевых ресурсах Узбекистана, а Узбекистан – в инвестициях. Заботливое отношение к корейской диаспоре, проживающей в Узбекистане, наглядно демонстрирует заинтересованность в дальнейшем сотрудничестве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ан. В. До востребования. Фотоальбом. – Алматы: Комплекс, 1999. – С. 2. [An. V. On demand. Photo album. Almaty: Complex, 1999. P. 2.; 안. 빅토르. 요청 시. 사진 앨범. 알마티: 복잡한, 1999. P. 2.; An. V. Do vostrebovaniya. Fotoal'bom. – Almaty: Kompleks, 1999. – S. 2.]
2. Еремян Р.В. Корейские художники Узбекистана. – Т.: Узбекистан, 2001. – С. 18, 22, 35, 37. [Eremyan R.V. Korean artists of Uzbekistan. – T.: Uzbekistan, 2001. P. 18, 22, 35, 37. Eremyan R.V. 우즈베키스탄의 한국 예술가들. –T.: 우즈베키스탄, 2001. P. 18, 22, 35, 37. Yeremyan R.V. Koreyskiye khudozhniki Uzbekistana. – T.: Uzbekistan, 2001. – S. 18, 22, 35, 37.]
3. Нельсон Т. https://koryo-saram.ru/otkrytie-personalnoj-vystavki-mihaila-paka-vostok-zapad-i-prezentatsiya-knigi-natyurmort-s-yablokami/ (08.05.2019) [Nelson T. 넬슨 T. Nel'son T.]
4. Элмуродов М., Жонибеков З. Отношения между Республикой Узбекистан и Республикой Корея подняты на уровень особого стратегического партнерства. http://www.uza.uz/ru/politics/otnosheniya-mezhdu-respublikoy-uzbekistan-i-respublikoy-kore-20-04-2019 (24.06.2019) [Elmurodov M., Zhonibekov Z. Relations between the Republic of Uzbekistan and the Republic of Korea have been raised to the level of a special strategic partnership. Elmurodov M., Zhonibekov Z. 우즈베키스탄 공화국과 대한민국의 관계는 특별 전략적 동반자 관계 수준으로 격상되었습니다. Elmurodov M., Zhonibekov Z. Otnosheniya mezhdu Respublikoy Uzbekistan i Respublikoy Koreya podnyaty na uroven' osobogo strategicheskogo partnerstva.]
5. Asadov Botirjon. / Uzbekistan Ambassador to South Korea. 25th Anniversary of diplomatic relations between Korea and Uzbekistan. The Asian Editor on 26 January, 2017. http://www.theasian.asia/archives/ http://www.theasian.asia/archives/97927/ [Асадов Ботирджон. / Посол Узбекистана в Южной Корее. 25-летие дипломатических отношений

между Кореей и Узбекистаном. Азиатский редактор, 26 января 2017. 아사도프 보티리온. / 주한 우즈베키스탄 대사. 한국과 우즈베키스탄 수교 25주년. 2017년 1월 26일 아시아 에디터.]

6. Betül Ozyilmaz. Rhetoric and Public Diplomacy: Analysis of a Double Dimensional Link. // Gazi Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi 16/3 (2014). – Pp. 209-225. http://dergipark.gov.tr/download/article-file/287215/ [Бетюль Озиилмаз. Риторика и публичная дипломатия: анализ двумерной связи. // Журнал факультета экономики и административных наук Университета Гази 16/3 (2014). – С. 209-225. Betül Ozyilmaz. 수사학과 공공외교: 이중차원적 연결의 분석. // Gazi Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi 16/3 (2014). – Pp. 209-225.]
7. Goodman Michael B. (2006). The role of business in public diplomacy. // Business Strategy. Vol. 27 Issue: 3. Pp. 5-7. https://doi.org/10.1108/02756660610663763; Pamela H. Smith Modern Diplomacy. (1998). https://www.diplomacy.edu/resources/general/public-diplomacy / [Гудман Майкл Б. (2006). Роль бизнеса в публичной диплома-тии. // Бизнес-стратегия. Том 27. Вып. 3. – С. 5-7; Памела Х. Смит. Современная дипломатия. (1998). Goodman Michael B. (2006). 공공외교에서 기업의 역할. // 사업 전략. Vol. 27 호: 3. Pp. 5-7; 파멜라 H. 스미스 현대 외교. 1998년.]
8. Felicia Istad. A Strategic Approach to Public Diplomacy in South Korea. December 2016. https://www.researchgate.net/publication/315738290 (29.07.2018) [Фелиция Истад. Стратегический подход к публичной дипломатии в Южной Корее. Декабрь 2016. 펠리시아 이스타드. 한국의 공공외교에 대한 전략적 접근. 2016년 12월.]
9. Fisher Rod. South Korea Country Report. Preparatory action Culture in EU External Relations. 5 March, 2014. P. 3. http://ec.europa.eu/assets/eac/culture/policy/international-cooperation/documents/country-reports/south-korea_en.pdf (26.07.2018) [Фишер Род. Страновой отчёт Южной Кореи. Подготовительные действия. Культура во внешних отношениях ЕС. 5 марта 2014. – С. 3. 피셔 로드. 한국 국가 보고서. EU 대외 관계의 준비 조치 문화. 2014년 3월 5일. – p. 삼.]
10. Hanson. F. Baked and Wired: e-Diplomacy. State, Foreign Policy Paper Series No. 30, Washington, DC: The Brookings Institution (pp. 1-41), (2012, October 25); Corneliu Bjola, Marcus Holmes. Digital Diplomacy Theory and Practice. Downloads / 9781317550204_preview.pdf (07/31/2018); Adesina. Olubukola S. Foreign policy in the era of digital diplomacy. / Richard Haas is President of the Council on Foreign Relations (USA). // Foreign Affairs, No. 3 (May–June) for 2008. Council on Foreign Relations. [Хэнсон. Ф. Бэйкт и Вайред: Электронная дипломатия. Го-

сударство: Серия документов по внешней политике № 30, Вашингтон, округ Колумбия: Институт Брукингса (с. 1-41), (25 октября 2012.) Корнелиу Бьола, Маркус Холмс. Теория и практика цифровой дипломатии. Загрузки / 9781317550204_preview.pdf (31.07.2018) Адесина. Олубукола С. Внешняя политика в эпоху цифровой дипломатии. / Ричард Хаас – президент Совета по международным отношениям (США). // Иностранные дела, № 3 (май-июнь) за 2008 год. Совет по международным отношениям. 핸슨. F. Baked and Wired: e-외교. 주, 외교 정책 논문 시리즈 No. 30, 워싱턴 DC: 브루킹스 연구소(1-41페이지), (2012년 10월 25일) Corneliu Bjola, Marcus Holmes. 디지털외교 이론과실제. 다운로드 / 9781317550204_preview.pdf (2018년 7월 31일) Adesina. Olubukola S. 디지털 외교 시대의 외교 정책. / 리처드 하스(Richard Haas) 미국 외교협회 회장 // 외교부, 2008년 3호(5월 – 6월). 외교협회.]

11. Joumane Chahine. Public Diplomacy: A Conceptual Framework. Graduate Program in Communications Department of Art History & Communication Studies McGill University Montreal August 2010. – P. 65. [Жуман Шахин. Публичная дипломатия: концептуальная основа. Аспирантура по коммуникациям, факультет истории искусств и коммуникативных исследований, Университет Макгилла, Монреаль, август 2010 г. – С. 65. 조마네 샤힌. 공공외교: 개념적 틀. 미술사 및 커뮤니케이션 연구과 커뮤니케이션 대학원 프로그램 McGill University Montreal 2010년 8월. – P. 65.]

12. Kye Woo Lee, Gi Hoon Park. From An Evaluation of Korea's 20-Year ODA, Korean Development Review Volume 29, No 2, 2013. – P. 81. [Ке У Ли, Ги Хун Парк. Из оценки 20-летнего ОПР Кореи. Обзор развития Кореи. Том 29, № 2, 2013 г. – С. 81. 이계우, 이기훈 RK. From An Evaluation of Korea 20-Year ODA, Korean Development Review Vol. 29, No 2, 2013. – P. 81.]

13. Melissen, J. The New Public Diplomacy Soft Power in International Relations.: UK.: Palgrave Macmillan, 2005. – 221 p. [Мелиссен, Дж. Новая мягкая сила публичной дипломатии в международных отношениях.: Великобритания: Palgrave Macmillan, 2005. – 221 с. Melissen, J. 국제관계에서의 새로운 공공외교 소프트파워: 영국: Palgrave Macmillan, 2005. – 221 p.]

14. Nye J. R. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. [Най Дж. Р. Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике. – Нью-Йорк: Связи с общественностью, 2004. Nye J. R. 소프트 파워: 세계 정치에서 성공하기 위한 수단. – 뉴욕: 공보, 2004.]

15. Nicolas J. Cull. “Public Diplomacy” Before Gullion: The Evolution of a Phrase. https://uscpublicdiplomacy.org/ (22.06.2018) [Николас Дж.Калл. Общественная дипломатия до Гуллиона: эволюция фразы. 니콜라스 J. 컬. 걸리온 이전의 “공공외교”: 문구의 진화.]
16. Yun Young Cho. Public Diplomacy and South Korea’s Strategies // The Korean Journal of International Studies 10-2, December 2012. http://kaisnet.or.kr/resource/down/10_2_05.pdf. P. 12 (15.04.2018). [Юн Ён Чо. Публичная дипломатия и стратегии Южной Кореи // Корейский журнал международных исследований 10-2, декабрь 2012. 조윤영 공공외교와 한국의 전략 // 국제학연구 10-2, 2012년 12월.]
17. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на международной конференции «Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания» в Самарканде. http://mfa.uz/ru/press/news/2017/11/13074/ (06.07. 2018) [Speech by the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev at the international conference “Central Asia: one past and a common future, cooperation for sustainable development and mutual prosperity” in Sa-markand. 샤브카트 미르지요예프 우즈베키스탄 대통령은 사마르칸트에서 열린 '중앙아시아: 하나의 과거와 공동의 미래, 지속가능한 발전과 상호 번영을 위한 협력' 국제회의에서 연설했다. Vystupleniye Prezidenta Respubliki Uzbekistan Shavkata Mirziyoeva na mezhdunarodnoy konferentsii «Tsentral'naya Aziya: odno proshloye i ob-shcheye budushcheye, sotrudnichestvo radi ustoychivogo razvitiya i vzaim-nogo protsvetaniya» v Samarkande.]
18. В Южной Корее состоялось официальное открытие первой Ассоциации узбекистанцев. //https://uzreport.news/politics/v-yujnoy-koree-sostoyalos-ofitsialnoe-otkritie-pervoy-assotsiatsii-uzbekistantsev (16.01.2024) [The official opening of the first Association of Uzbekists took place in South Korea. 한국에서 첫 번째 우즈베키스탄인협회가 공식적으로 출범했습니다. V Yuzhnoy Koreye sostoyalos' ofitsial'noye otkrytiye pervoy Assotsiatsii uzbekistantsev.]
19. Мун Чжэ Ин прибыл в Ташкент https://www.gazeta.uz/ru/2019/04/18/visit-korea/ (08.05.2019) [Moon Jae-in arrived in Tashkent. 문재인 타슈켄트 도착. Mun Chzhe In pribyl v Tashkent.]
20. Начал работу Национальный детский медицинский центр. //https://www.gazeta.uz/ru/2020/05/21/clinic/ (16.01.2024) [The National Children's Medical Center began operating. 국립어린이의료원이 운영되기 시작했습니다. Nachal rabotu Natsional'nyy detskiy meditsinskiy tsentr.]

21. Посол Виталий Фен: в последовательном продвижении и углублении узбекско-южнокорейских отношений ключевую роль играет регулярный диалог между лидерами двух стран. 21.01.2021. Embassy of the Republic of Uzbekistan in Seoul FB. (16.01.2024) [Ambassador Vitaly Fen: regular dialogue between the leaders of the two countries plays a key role in the consistent advancement and deepening of Uzbek-South Korean relations. 01.21.2021. 비탈리 펜 대사: 양국 지도자 간의 정기적인 대화는 우즈베키스탄-한국 관계의 지속적인 발전과 심화에 핵심적인 역할을 합니다. 2021년 1월 21일. Posol Vitaliy Fen: v posledovatel'nom prodvizhenii i uglublenii uzbeksko– yuzhnokoreyskikh otnosheniy klyuchevuyu rol' igrayet regulyarnyy dialog mezhdu liderami dvukh stran. 21.01.2021.]
22. Ретроспективная выставка корейских художников Узбекистана «Память 1937–2017». 19 ноября 2017. https://koryo-saram.ru/retrospektivnaya-vystavka-korejskih-hudozhnikov-uzbekistana-pamyat-1937-2017 [Retrospective exhibition of Korean artists of Uzbekistan "Memory 1937–2017". November 19, 2017. 우즈베키스탄 한국작가 회고전 《기억 1937–2017》. 2017년 11월 19일. Retrospektivnaya vystavka koreyskikh khudozhnikov Uzbekistana «Pamyat' 1937–2017». 19 noyabrya 2017.]
23. Сотрудничество Республики Узбекистан со странами АТР. https://mfa.uz/ru/cooperation/countries/61/ (24.06.2019) [Cooperation of the Republic of Uzbekistan with the countries of the Asia-Pacific region. 우즈베키스탄 공화국과 아시아 태평양 지역 국가의 협력. Sotrudnichestvo Respubliki Uzbekistan co stranami ATR.]
24. Узбекистан и Республика Корея углубят стратегическое партнёрство https://www.gazeta.uz/ru/2017/11/24/korea-meeting/ (08.05.2019) [Uzbekistan and the Republic of Korea will deepen strategic partnership. 우즈베키스탄과 한국은 전략적 파트너십을 심화할 것이다. Uzbekistan i Respublika Koreya uglubyat strategicheskoye partnerstvo.]
25. Public Diplomacy Act and Enforcement Decree of The Public Diplomacy Act. Date: 2016-12-16 Hit: 313http://www.mofa.go.kr/ (26.07.2018) [Закон о публичной дипломатии и Указ о введении в действие Закона о публичной дипломатии. Дата: 16 декабря 2016 г. Просмотр: 313. 공공외교법 및 공공외교법 시행령. 날짜: 2016-12-16 조회수: 313.]
26. We represent Korea: We represent Korea. Date: 2017-03-10 Hit: 578. http://www.mofa.go.kr (26.07.2018) [Мы представляем Корею: Мы представляем Корею. 10.03.2017. Просмотров: 578. 우리는 한국을 대표합니다: 우리는 한국을 대표합니다. 2017-03-10 조회수: 578.]
27. http://www.mofa.go.kr/ENG/policy/culture/overview/index.jsp?menu=m_20_150_10 (28.03.2018).

28. https://en.kf.or.kr/?menuno=3812
29. https://koryo-saram.ru/poisk-hudozhnikov-korejtsev-zhivshih-i-rabotavshih-v-uzbekistane/ (06.08.2018).
30. https://koryo-saram.ru/iz-tashkenta-s-lyubovyu/; http://picdeer.com/abgallerykorea (10.04.2019).
31. https://koryo-saram.ru/hudozhnik-iskra-shin/ (08.05.2019).
32. https://www.livelib.ru/author/1021617-mihail-pak (08.05.2019).
33. https://koryo-saram.ru/poisk-hudozhnikov-korejtsev-zhivshih-i-rabotavshih-v-uzbekistane/
34. http://www.theartro.kr/eng/artnews/news_view.asp?idx=1872&b_code=21 (14.04.2019).
35. https://koryo-saram.ru/prekrasnyj-akkompanement/ (10.04.2019).
36. http://art-blog.uz/archives/31766 (08.05.2019).
37. http://www.ifa.de/en/culture-and-foreign-policy/news-press-review/detail/news/plan-for-public-diplomacy.html

Ж.Г. СОН
Национальный исследовательский институт
«Высшая школа экономики»,
кандидат исторических наук, доцент (Россия)*

ГУМАНИТАРНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В РОССИИ

Аннотация. Доклад посвящён феномену единства языка и культуры в «мягкой силе» Республики Корея в России. Во-первых, автор показывает, что основной инструмент «мягкой силы» в культурной дипломатии Республики Корея в России – популяризация корейского языка и культуры и направлен на массовую аудиторию. Во-вторых, в работе применён транснациональный подход в изучении институтов гражданского общества и культурных организаций на примере Республики Корея как один из наиболее перспективных подходов в социологическом анализе. В-третьих, показаны динамика распространения и практическое взаимодействие языка и культуры как способа предоставления услуг в парадигме этого единства. В основе работы лежит положение о том, что культурная деятельность во внешней политике связана с проблемой суверенитета, его отстаиванием и укреплением на международной арене на фоне ракетно-ядерной программы КНДР. Методологическая модель работы базируется на концепциях «незащищённой»/«оголённой» жизни (bare life') Д. Агамбена и «незастрахованной»/«ненадёжной» жизни ('precarious life') Д. Батлера.

Проведённый полевой и онлайн-анализ корейских культурных центров и культурных центров российских корейцев позволил представить статистические данные о численности обучающихся корейскому языку и культуре, показать рост популярности корейской культуры среди россиян. Гуманитарный капитал, основанный на привлекательности национальной культуры и корейского менталитета, активно внедряется в российское общество.

* ORCID 0000-0003-0665-1624. E-mail: jannason@mail.ru

Автор утверждает, что корейская «мягкая сила» в России: 1) направлена на улучшение ситуации внешней безопасности страны посредством использования мирного и привлекательного имиджа страны; 2) способствует мобилизации международной поддержки политики безопасности; 3) оказывает влияние на образ мыслей и на предпочтения общественности других стран; 4) направлена на поддержку общественного единства страны.

Ключевые слова: гуманитарная политика, «мягкая сила», культурная дипломатия, корейский язык, корейская культура, Республика Корея, Россия.

SON, ZH.G. (Russia)

HSE University, Moscow, Russia National Research Institute High School of Economics, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

HUMANITARIAN POLICY OF THE REPUBLIC OF KOREA IN RUSSIA

Abstract. Contemporary international relations cannot be imagined without the phenomenon of "soft power" used by states seeking to strengthen their influence on the world stage. In this regard, the purpose of the article is to analyze "soft power" of the Republic of Korea and the tools that are applied to promote it in Russia.The transnational approach, one of the most effective in studying the new forms and practices of intercultural interactions, serve as a theoretical and methodological basis for the research. In addition, the work relies on the provision that the cultural policy of the Republic of Korea is largely related to the problem of sovereignty, its defense and strengthening on the world arena against the background of the DPRK's nuclear and missile program. The author, using concrete examples, shows that popularization of the Korean language and culture as the main tool of "soft power" in cultural diplomacy of the Republic of Korea in the Russian Federation is aimed at a mass audience. The analysis of activities of the Korean foundations and cultural centers in Russia makes it possible to provide statistical data on the number of students studying the Korean language, to show the growing popularity of the Korean culture among the Russians. This gives reason to conclude that human capital, based on attractiveness of the Korean national culture,

is being introduced into the Russian society actively. The results obtained in the course of the study lead to the conclusion that, in general, "soft power" of the Republic of Korea is aimed at improving the situation with ensuring external security through the use of a peaceful and attractive image; it helps to mobilize international support for security policy; it influences the way of thinking and preferences of the public of other countries; it strengthens the unity of the Korean society.

Keywords: Humanitarian Policy, Republic of Korea, "Soft Power", cultural diplomacy, Korean language, Korean culture, Russia

Введение

В эпоху глобализации современные международные отношения невозможно представить без феномена «мягкой силы», применяемой государствами, стремящимися усилить своё влияние на международной арене. Многие страны прилагают большие усилия и средства для продвижения имиджа своей страны с целью привлечения партнёров. Их достижения намного эффективнее и менее затратны, чем внешнеполитическая деятельность государств, опирающихся исключительно на парадигму жёсткой силы, т.е. военно-силовые и санкционные рычаги воздействия.

Пока Россия набирает обороты для поворота на Восток [Караганов С.А., 2014], Республика Корея уже завоевала своё место в России не только в экономической сфере. Массы россиян стали «фанатами» корейского языка, культуры, кинематографа, в особенности молодёжь, «заболевшая» K-pop индустрией [Степанова В.С., Панченко О.Л., 2019; Бураев Д.И., Гармаханов, 2014; «Мягкая сила» в азиатско-тихоокеанском…, 2016; Свинякова Д.Е., 2019; Минасян Н., 2017; Русакова О.Ф., 2013; и др.]

Историографический обзор позволил автору обратить внимание на феномен единства языка и культуры в гуманитарной политике Р. Корея. Данный аспект рассматривается впервые, результаты исследования дают возможность рос-

сийской стороне более внимательно отнестись к корейскому опыту и использовать его в российской гуманитарной политике за рубежом для улучшения имиджа среди населения Р. Корея и других зарубежных стран.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, во-первых, представить читателю один из наиболее перспективных подходов в социологическом анализе – транснациональный метод в изучении институтов гражданского общества и культурных организаций на примере Р. Корея. Во-вторых, показать, что популяризация корейского языка и культуры – основной инструмент «мягкой силы» в культурной дипломатии Республики Корея в России и направлен на массовую аудиторию. В-третьих, продемонстрировать её динамику распространения и практическое взаимодействие языка и культуры как способа предоставления услуг в парадигме этого единства.

Методологически настоящее исследование базируется на следующих важных положениях, обоснованных и описанных в монографии Е.С. Громогласовой «Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования» [Громогласова Е.С., 2018]. Во-первых, тезис «культурная дипломатия Р. Корея во внешней политике стала развиваться и приобретать значимость в постбиполярный период». Во-вторых, в формировании культурной дипломатии главная роль принадлежит международным факторам, а внутренние факторы (такие, как наследие, культурно-цивилизационная идентичность и др.) «актуализируются» каждый раз по-новому в зависимости от преобладающей в каждый определённый период времени международной гуманитарной повестки дня. В-третьих, концепция «культурная деятельность во внешней сфере уже в своих самых первых истоках была связана с проблемой суверенитета, его отстаиванием и укреплением на международной арене». Автор статьи стремится доказать, что гума-

нитарные начинания во внешней сфере, адресатом которых было «чужое» население, создавали основу для включения «новых» людей в «пул» доступных для государства ресурсов развития и фактически для установления определённых элементов своего суверенитета над ними.

Методологическая модель работы основывается на концепции «незащищённой»/«оголённой» жизни (bare life') Д. Агамбена [Агамбен Д., 2011] и концепции «незастрахованной»/«ненадёжной» жизни ('precarious life') Д. Батлера [Батлер Д., 2006]. Данные теоретические концепции дополняют методологию исследования и позволяют описать культурную дипломатию Р. Корея, установить причины и стратегические планы в международном сотрудничестве.

На фоне форсированной реализации КНДР ракетно-ядерной программы с первой половины 1990-х гг. в Р. Корея нарастало ощущение прямой военной угрозы. Попытки мирного урегулирования этой проблемы не имеют положительного результата. Для мирного воссоединения Севера и Юга Корейского полуострова Р. Корея во многом в настоящее время полагается на содействие со стороны России [См.: Азиатские соседи…, 2016].

С конца 1990-х гг. в международном пространстве стали активно проявляться многомерные политические, экономические, этнические, религиозные и культурные взаимодействия поверх государственных и территориальных границ. Дискурс о процессах глобализации мира, соприкосновениях локальных культур, размывания границ традиционных культур и формировании новых социокультурных идентичностей привёл к появлению нового направления исследований – транснационализма [Островская Е.А., 2013; Островская Е.А. Транснациональный подход…, 2013]. Феномен транснационального явления стал предметом активного изучения западными и, в последние годы, отечественными исследователями [Levit P., 2001; Religion Across…, 2002;

Шебанова М.А., 2012]. Ставится вопрос о формировании транснациональных этнических сообществ (Ким А., Тишков В., Хан В.) [Хан В.С., 2021].Транснациональный подход был применён в анализе основных составляющих странового имиджа и технологии его продвижения Республикой Корея в России.

В ходе исследования были выявлены южнокорейские «транснациональные социальные поля» социокультурных взаимодействий, не ограниченных конкретной территорией. Это религиозные конфессии, в основном протестантские церкви и культурные центры, деятельность которых направлена на распространение корейского языка, корейской культуры, корейского восточного единоборства (тхэквондо) и др. Исследование показало, что корейские транснациональные социокультурные сети гармонично вошли на территорию России и успешно развиваются на протяжении тридцати лет [Эм П.П., Сон Ж.Г., 2021].

В статье использованы данные полевых и онлайн-исследований, проводившихся в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Саратове, Волгограде, Владивостоке, Южно-Сахалинске с 15 мая по 30 июня 2020 г. Работа проводилась в рамках факультетского научного проекта (Факультет Мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ), были использованы как качественные, так и количественные методы.

Республика Корея, как и СССР до конца 80-х гг. прошлого столетия была закрытой страной, мало кто о ней знал и воспринимал её как самостоятельное государство. За последние 20 лет весь мир наблюдает трансформацию в мировоззрении мирового сообщества в отношении Республики Корея, которая не только выдвинулась на уровень стран с развитой экономикой, но и уверенно позиционирует себя как страну с особыми уникальными культурными традициями. Культурные особенности страны, в том числе тра-

диционные ценности, используются для популяризации корейской культуры в мире. Р. Корея открыта для мирового сообщества, готова к диалогу и сотрудничеству, она укрепляет свои позиции с помощью «мягкой силы». Масштаб и скорость распространения феномена под названием «Корейская волна/Халлю»[1] обуславливают появление новых исследований, посвящённых вопросам усиления и популяризации азиатской культуры [Русакова, 2012; Жидков, 2014; Горлова, 2015; Аигина, 2017].

Для улучшения имиджевой политики на мировой арене в 2010 г. правительством Р. Корея был принят к действию документ «Руководство по культурной дипломатии», где определены основные цели, приоритеты и задачи культурной политики в сфере сотрудничества с другими странами. В документе отмечено, что до 1980-х гг. политический курс Р. Корея был сфокусирован главным образом на национальную оборону и торговлю, а в XXI в. наметилась тенденция к изменению стратегических целей, и одним из главных направлений культурной дипломатии должны стать популяризация корейского языка и культуры, образование и туризм [Мунхвавегё менюоль …, 2010].

В последние годы отношения между Республикой Корея и Российской Федерацией имеют положительную динамику развития тесного сотрудничества и стратегического партнёрства. Об этом свидетельствуют различные форумы, проводимые в России и Р. Корея, направленные на улучшение климата межгосударственных отношений.

Активную деятельность проводят на межгосударственном уровне три сообщества: в 2009 г. был создан Форум гражданских обществ «Диалог Россия – Республика Корея» (ДРРК) [Форум гражданских…, 2009] на базе Санкт-

[1] В.С. Хан и Сим Хон Ёнг ставят вопрос о том, что первая волна «халлю» осуществлялась корейскими иммигрантами на территории Центральной Азии [Хан В.С., Сим Хон Ёнг, 2014].

Петербургского университета; в 2014 г. в Международном государственном институте международных отношений (МГИМО) было основано Русско-корейское общество [Русско-корейское общество, 2014]; с 2018 г. во Владивостоке проводится Российско-Корейский форум межрегионального сотрудничества [Российско-Корейский…, 2018] в рамках Восточного экономического форума при поддержке фонда Росконгресс. Среди этих форумов выделяется ДРРК своим спектром общественной деятельности: 1. Экономика, торговля и ресурсы; 2. Политика и международные отношения; 3. Образование и наука; 4. СМИ и гражданское общество; 5. Культура и искусство; 6. Молодёжный диалог [Форум гражданских…, там же].

В области культуры и образования в России активную работу проводят корейские государственные фонды, такие как Корейский фонд [Корейский фонд, 21.11.2020], Фонд зарубежных корейцев (Overseas Korea Foundation) [Фонд зарубежных… 21.11.2020]. Например, в 2019 г. общий бюджет Корейского фонда составил около $135 млн. [Бюджет…, 2019], а Национального института развития зарубежного образования (NIIED) – более $82,5 млн. [Годовые отчёты…, 2019]. Помимо этого, деятельность частных культурных фондов направлена на международную популяризацию корееведения, корейской культуры и образования. Все образовательные программы и культурные мероприятия осуществляются благодаря финансированию этих фондов.

Важная роль в популяризации корейского языка и культуры отведена Корейскому фонду (КФ), основанному в 1991 г. с целью распространения информации о Корее и поддержки общественной дипломатии для более тесного взаимодействия с дружественными странами. КФ реализует различные программы международного обмена, включая корееведение, проекты СМИ, обмен опытом международного сотрудничества, культурными и художественными

ценностями [Приветствие Президента КФ…, 21.11.2020].

До распада СССР основными центрами подготовки специалистов по Корее были Институт стран Азии и Африки при МГУ, Восточный факультет Санкт-Петербургского университета, Московский государственный институт международных отношений МИД РФ, а также университеты Иркутска, Владивостока и Хабаровска [Ванин, 2004, с. 121]. С 2000-х гг. число университетов, где преподаются корейский язык, история, экономика, культура увеличилось до 26 в Центральной части России, регионах Сибири и Дальнего Востока [Современное российское…, 2006, с. 21-111]. При поддержке Корейского фонда Российская ассоциация университетского корееведения (РАУК) и Объединение преподавателей корейского языка российских университетов (ОПКЯРУ) проводит научные конференции, семинары и другие мероприятия (РАУК).

Корейские культурные центры в Москве

Опыт корейской культурной дипломатии в популяризации языка и культуры подтверждает культурологическую гипотезу о связи между языком и культурой. Принятые в лингвокультурологии основные черты языка и культуры: 1) культура, как и язык, – это формы сознания, отображающие мировоззрение человека; 2) культура и язык существуют в диалоге между собой; 3) субъект культуры и языка – это всегда индивид или социум, личность или общество [Маслова В.А., 2001]. Феномену единства языка и культуры в «мягкой силе» Р. Корея соответствуют все вышеперечисленные характеристики, а именно язык является неотъемлемой частью культуры, основным инструментом её усвоения. Это суть корейского духа. Язык выражает специфические черты национальной ментальности. Республика Корея гармонично сочетает феномен единства языка и культуры корейской нации. Корейские культурные центры предоставляют та-

кую возможность в сочетании с корейским восточным единоборством (тхэквондо).

Важную роль в культурных контактах двух стран играет деятельность корейских культурных центров в Москве: Культурный центр Посольства Республики Корея [Культурный центр посольства…, 21.11.2020] и Культурный центр при Московском вон-буддийском храме [Корейская школа Вон Гван…, 21.11.2020].

Активная деятельность Культурного центра при Посольстве Р. Корея началась в начале 2000-х гг. в период подъёма популярности «корейской волны» во всём мире, в том числе в России. Помимо проведения концертов, выставок, кинопоказов о традиционной и современной культуре Кореи, большое внимание уделяется бесплатным занятиям по корейскому языку и культуре, сюда входят тхэквондо, традиционные танцы, самульнори (игра на корейских барабанах), танцы К-рор, бумажное искусство, танцы с масками и др. Политика продвижения корейской культуры в единстве с языком уникальна и не имеет аналогов в мировой практике; ей также свойственна общедоступность, непринуждённость в общении, свобода выбора занятий в этих кружках.

Организация и обучение корейскому языку поставлены на высокий уровень. Преподают корейский язык высококвалифицированные специалисты из московских вузов и носители языка. Число слушателей, посетивших курсы корейского языка с 2000 по 2020 гг., превышает десятки тысяч россиян. Только в 2018 г. было подано анкет на курсы корейского числа – 14 169 с учётом всех уровней обучения. В весенний семестр 2019 г. на начальный уровень поступило – 4981, на разговорный корейский – 3653 человека. В сентябре 2020 г. на начальный курс – 3405 человек [Культурный центр…, 21.11.2020].

Сотни россиян стремятся познакомиться с корейской культурой. На К-рор подано заявок в 2018 г.– 3444, в 2019 г. –

1813, а в январе 2020 г. – 1056. В 2018 г. число желающих заниматься тхэквондо было – 849, в 2019 г. – 345, в 2020 г. – 216 анкет было зарегистрировано на сайте культурного центра (Там же). Популярность корейской культуры и языка в последние годы остается устойчивой, поэтому на курсы корейского языка проводится конкурсный отбор.

Корейская школа Вон Гван при Московском вон-буддийском храме (1992) [Московский кёдан, 21.11.2020] была основана в 1993 г., и с этого времени популярность школы среди москвичей растёт. Основное направление деятельности этой школы: обучение корейскому языку, знакомство с корейской культурой (танцы, игра на традиционных корейских барабанах, тхэквондо и т.д.). В Школе Вон Гван проводятся занятия йогой, воскресные вон-буддийские службы и занятия по практике сознания, осуществляется перевод священных книг вон-буддизма на русский язык. С 1995 г. ежегодно 12 июня в День независимости РФ на стадионе ЦСКА проводится Фестиваль корейской культуры, который собирает под одной крышей многонациональную Россию, число участников достигает 5 тыс. человек [Корейская школа Вон Гван, 21.11.2020].

Корейский язык преподаётся по учебникам, составленным специалистами корейского и русского языков Школы Вон Гван: Вводный курс, Курс для продолжающих и Основной курс [Наш учебник, 21.09.2020]. 21 октября 2008 г. на базе Школы Вон Гван (см. ниже) был создан негосударственный образовательный центр «Свет Круга», а в сентябре 2017 г. ставший частным учреждением дополнительного образования образовательный центр «Свет Круга» (Там же). По информации директора школы, в 2015 г. на курсы корейского языка весной поступило 714 человек, осенью – 915; в 2016 г. – весной – 910, осенью – 951; в 2017 г. весной – 782, осенью – 748; в 2018 г. весной – 729, осенью – 776; в 2019 г. весной – 801,

осенью – 783; весной 2020 г. поступило 1001 человек[2]. Таким образом, эти данные показывают, насколько популярны корейский язык и культура в массах.

В 2008 г. в стенах Школы Вон Гван по поручению Правительства Республики Корея в лице Национального института государственного языка имени короля Седжона при Министерстве культуры и туризма был открыт первый в России Центр Седжон[3]. Его цель – обучение россиян корейскому языку и ознакомление с корейской культурой в рамках программы популяризации корейского языка в мире. В Москве Центр Седжон также функционирует при Посольстве Республики Корея и с 2020 г. – в НИУ ВШЭ на базе факультета довузовской подготовки [НИУ ВШЭ, 21.11.2020]. Слушатели курсов корейского языка имеют возможность получить сертификаты шести уровней. Успешные студенты могут на конкурсной основе получить стипендии для продолжения обучения в Корее.

Школа Вон Гван и Корейский культурный центр при Посольстве Республики Корея за 20 лет стали крупнейшими образовательными учреждениями, конкурирующими с высшими учебными заведениями Москвы, где имеются корееведческие отделения. Выпускники этих центров на российском рынке труда имеют преимущества по сравнению с выпускниками московских вузов, т.к. глубже изучают корейскую культуру, этикет и быстрее вырабатывают коммуникативные ресурсы для работы в корейских компаниях.

Общественные организации российских корейцев

После принятия Федерального закона «Об общественных объединениях» [ФЗ «Об общественных …, 25.10.2020] и Федерального закона (1996) «О национально-культурной авто-

[2] Статистические данные предоставлены директором Школы Вон Гван Михаилом Авдеевым, 17 марта 2021.

[3] Центр Седжон сопоставим с Институтом Конфуция (Китай).

номии» [ФЗ «О национальных…, 25.10.2020] в корейском сообществе России функционируют общественные организации и региональные национально-культурные автономии. В этих организациях свою деятельность осуществляют культурные центры, в компетенцию которых входит возрождение и сохранение самобытности корейской культуры среди русскоязычных корейцев.

С первых лет после установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея связующим звеном между российским и корейским сообществами были российские корейцы. Они содействовали южным корейцам в продвижении бизнеса, в налаживании контактов между Югом и Севером Корейского полуострова, а также общественной и культурной деятельности этнических корейцев в РФ. Р. Корея оказывает благотворительную помощь в проведении мероприятий, связанных с Кореей и корейской культурой, оснащением учебниками корейского языка, национальными музыкальными инструментами, костюмами и т.д.

В ходе исследования было проведено анкетирование среди этих организаций. В опросе приняли участие 22 общественные организации и национально-культурные автономии российских корейцев из разных регионов России. Респондентам было задано 15 вопросов о роли, значении и участии Р. Корея в культурно-просветительской деятельности среди российских корейцев. Оказалось, что корейский язык преподаётся практически во всех организациях (90,9%), среди преподавателей 45,5% – носители языка, также имеются кружки корейских танцев, самульнори, тхэквондо и K-POP (86,4%). Общественные институты российских корейцев продвигают язык и культуру своей исторической родины в России на безвозмездной основе. Корейские культурные центры функционируют в Санкт-Петербурге, Волгограде, Казани, Хабаровске, Владивостоке, Южно-Сахалинске,

Уссурийске, Саратове, Ростове-на-Дону, Тюмени, Томске, Иркутске и многих других городах России. Они открыты для всех желающих приобщиться к национальной культуре Р. Корея.

Вместо заключения

Транснациональный подход, использованный в качестве теоретико-методологической основы данной статьи, нацелен на изучение новых форм и практик межкультурного взаимодействия. Этот подход эффективен и при анализе «мягкой силы» Республики Корея в рамках новейшей истории российско-корейских отношений. Под воздействием транснационализма происходят определённые трансформации менталитета и образа жизни иностранных граждан, связанные с проникновением в их повседневные практики как элементов традиционной корейской культуры, так и продуктов К-рор-индустрии. Если говорить в целом, то «мягкая сила» Республики Корея направлена на улучшение ситуации с обеспечением внешней безопасности страны посредством использования её мирного и привлекательного имиджа; способствует мобилизации международной поддержки политики безопасности; оказывает влияние на образ мыслей и предпочтения общественности в других странах; укрепляет единство корейского общества. В настоящее время как внутренние, так и внешние ресурсы Республики Корея превращаются в важные инструменты её «мягкого» влияния, к которым, к примеру, относятся: 1) успешный опыт быстрой модернизации и демократизации страны; 2) создание транснациональной системы продвижения корейского языка и культуры [Korea Foundation].

К настоящему времени Республика Корея сформировала в России позитивный образ с помощью популяризации корейского языка и культуры. Это даёт основание заключить, что гуманитарный капитал, основанный на привлекательно-

сти корейской национальной культуры, активно внедряется в российское общество. Для России стратегический опыт в применении «мягкой силы» Республикой Корея может оказаться весьма полезным, во-первых, в плане улучшения имиджа собственной страны за рубежом; во-вторых, для ускорения процессов модернизации системы государственного управления, в-третьих, – для нахождения мирных способов решения актуальных политических вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агамбен Д. (2011). Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. – М.: Европа, 256.
2. Азиатские соседи России: взаимодействие в региональной среде: кол-лективная монография. (2016) [под. Ред. Г.Д. Толорая], Институт экономики РАН. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К».
3. Аигина Е.В., Новикова Е.Ю. (2017). Халлю-туризм («корейская волна») как новое направление развития туризма в Республике Корея. – Вестник РМАТ, 1, 140-145.
4. Батлер Дж. (2006). Неустойчивая жизнь: силы скорби и насилия. Verso. – Нью-Йорк, 168.
5. Бураев Д.И., Гармаханов М.Ц. (2014). Корейская волна и мягкая сила. Стратегия развития и распространения. – Вестник Бурятского государст венного университета, 8, 115-120.
6. Бюджет Министерства образования Республики Корея (Budget of the Ministry of Education of the Republic of Korea). (2019), Sejong.
7. Ванин Ю.В. (2004). Кореeведение в России: история и современность. / Серия «Российское кореeведение в прошлом и настоящем» (Том 2). Отв. ред. Ю.В. Ванин. – М.: Первое Марта, 121.
8. Годовые отчёты Корейского фонда (Annual Report KF 2019), Seogwipo.
9. Горлова И.И., Бычкова О.И. (2015). Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения. Теория и практика общественного развития, 18, 268-272.
10. Громогласова Е. С. (2018). Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования. – М.: ИМЭМО РАН, 6.

11. Жидков В.О. (2014). Элементы южнокорейской мягкой силы. Дискурс-Пи, 2-3 (15-16). – https://cyberleninka.ru/article/n/elementy-yuzhnokoreyskoy-myagkoy-sily (взято 15 октября 2020).
12. Караганов С.А. (2014). «Вперёд к Великому океану». Россия в глобальной политике. – http://www.globalaffairs.ru/print/pubcol/Vpered-k-Velikomu-okeanu-16894 (взято 11 октября 2020).
13. Корейский фонд (Korea Foundation). – http://ru.kf.or.kr/?menuno=795 (взято 11 октября 2020).
14. Корейский фонд (Korea Foundation) (КФ). Приветствие президента. – http://ru.kf.or.kr/?menuno=790 (взято 21 ноября 2020).
15. Корейская школа Вон Гван. – http://www.wonkwang.ru/ (взято 21 ноября 2020).
16. Культурный центр при посольстве Республики Корея. – http://russia.korean-culture.org/ru/6/contents/344#mnu391 (взято 21 ноября 2020).
17. Корейская школа Вон Гван. Фестиваль корейской культуры. – http://www.wonkwang.ru/festival/ (взято 21 ноября 2020).
18. Левит П. (2001). Между Богом, этнической принадлежностью и страной: подход к изучению транснациональной религии. Рабочий документ, 13. – с: http://www.transcomm.ox.ac.uk/working%20papers/Levitt.pdf (взято 26 мая 2021).
19. Маслова В.А. (2001). Лингвокультурология. – М.: Академия, 208.
20. Минасян Н. (2017). Концепция «мягкой силы» в контексте теорий международных отношений. 21-1 ВЕК, 3, 35-42.
21. Московский кёдан. – http://wonbuddhism.ru/moscow-temple/ (взято 21 ноября 2020).
22. Мунхвавегё менюоль (문화외교매뉴얼) (Министерство иностранных дел и торговли Республики Корея. Руководство по культурной дипломатии). (2010), 8-44. – https://www.korea.kr/archive/expDocView.do?docId=24724 (взято 27 мая 2021).
23. «Мягкая сила» в азиатско-тихоокеанском региональном контексте. Теоретическая адаптация и национальные практики. (2016). Монография: С.К. Песцов, А.М. Бобыло, Л.Р. Рустамова, Л.Е. Козлов, М.С. Черепанов, А.А. Бояркина, К.Ф. Лыков, М.П. Першина [науч. ред. С.К. Песцов]. – Владивосток: Дальневост. Федер. ун-т, 192.
24. НИУ ВШЭ, Факультет довузовской подготовки. – https://fdp.hse.ru/ (взято 21 ноября 2020).
25. Островская Е.А. (2013). Транснациональные пространства глобальных межкультурных взаимодействий: методология социологического изучения. Журнал социологии и социальной антропологии, XVI

(2 (67)), 168-188. – http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2013_2/Ostrovskaya_2013_2.pdf (взято 24 сентября 2020).

26. Островская Е.А. (2013). Транснациональный подход в социологическом изучении глобальных религиозно-политических пространств. Человек и религия: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 14-16 марта 2013 г., Минск, Республика Беларусь [под ред. С.Г. Карасёвой, С.И. Шатравского]. – Минск, 19-24.
27. Религия без границ: транснациональные сети иммигрантов (2002). [Редакторы Х. Эбо, Дж. Чафец]. Уолнат-Крик: АльтаМира Пресс, 224.
28. Российско-Корейский форум межрегионального сотрудничества. – https://www.interfax.ru/events/news/674120 (взято 21 сентября 2020).
29. Русакова О.Ф. (2012). «Мягкая» сила стран Азии. – Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки, 4 (108), 250-258.
30. Русско-Корейское общество. – https://mgimo.ru/about/news/departments/xvi-rossiysko-koreyskiy-forum/ (взято 21 сентября 2020).
31. Российская ассоциация университетского корееведения (РАУК). – http://www.rauk.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=9&Itemid=117&lang=ru (взято 21 сентября 2020).
32. Свинякова Д.Е. (2019). Культурно-гуманитарные отношения между Республикой Корея и Россией на современном этапе. – Казанский вестник молодых учёных. Том 3, 1 (9), 118-127.
33. Современное российское корееведение: Справочное издание. (2006). Сост. Л.Р. Концевич (Научные и учебные центры), Т.М. Симбирцева (Библиографический словарь). Серия «Российское корееведение в прошлом и настоящем» (Том 3). – М.: Первое Марта, 21-111.
34. Степанова В.С., Панченко О.Л. (2019) Корейская поп-культура в России: основные направления развития. – Казанский вестник молодых учёных, 3, 61-68.
35. Федеральный закон «Об общественных объединениях». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (взято 25 октября 2020).
36. Федеральный закон «О национально-культурной автономии». – http://base.garant.ru/135765/ (взято 25 октября 2020).
37. Форум гражданских обществ «Диалог Россия – Республика Корея» (ДРРК). – https://drrk.ru/istorija-foruma/ (взято 21 сентября 2020).
38. Фонд зарубежных корейцев (Overseas Korea Foundation) (ФЗК). – https://www.gov.kr/portal/service/serviceInfo/PTR000052175 (взято 21 сентября 2020).

39. Хан В.С., Сим Хон Ёнг. Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. – М.: МБА, 2014.
40. Хан В.С. Историография корейцев Центральной Азии: основные направления и этапы развития. – Т.: Baktria press, 2021.
41. Центр Седжон при Школе Вон Гван. – http://wonkwang.ru/ (взято 21 сентября 2020).
42. Шебанова М.А. (2012). Мировое развитие через призму транснационального подхода. Историческая и социально-образовательная мысль, 1 (11), 156-161.
43. Школа Вон Гван. Наш учебник. – http://www.wonkwang.ru/korean/textbook/ (взято 21 сентября 2020).
44. Эм П.П, Сон Ж.Г. (2021). Тигр пленяет медведя: «мягкая сила» Республики Корея в России. Азия и Африка сегодня, 3, 24-30. – doi: 10.31857/S032150750013115-8

REFERENCES

1. Agamben D. (2011). Homo Sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn' [Homo Sacer. Sovereign power and naked life]. – Moscow: Yevropa, 256.
2. Aziatskiye sosedi Rossii: vzaimodeystviye v regional'noy srede [Russia's Asian neighbors: interaction in the regional environment]: kollektivnaya monografiya. (2016) [pod. Red. G.D. Toloraya], Institut ekonomiki RAN. – Moscow: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya «Dashkov i K».
3. Aygina Ye.V., Novikova Ye.YU. (2017) Khallu-turizm («Koreyskaya volna») kak novoye napravleniye razvitiya turizma v Respublike Koreya [Hallu tourism ("Korean wave") as a new direction of tourism development in the Republic of Korea]. Vestnik RMAT, 1, 140-145.
4. Butler J. (2006). Precarious Life: the Powers of Mourning and Violence [Neustoychivaya zhizn': sily gorya i nasiliya]. Verso. New York, 168.
5. Burayev D.I., M.TS. Garmakhanov. (2014). Koreyskaya volna i myagkaya sila. Strategiya razvitiya i rasprostraneniya [Korean Wave and Soft Power. Development and distribution strategy]. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, 8, 115-120.
6. Byudzhet Ministerstva obrazovaniya Respubliki Koreya [Budget of the Ministry of Education of the Republic of Korea]. (2019), Sedzhong.
7. Em P.P, Son ZH.G. (2021). Tigr plenyayet medvedya: «myagkaya sila» Respubliki Koreya v Rossii [The tiger entices the bear: the experience of South Korean “soft power” in Russia]. Aziya i Afrika segodnya, 3, 24-30. DOI: 10.31857/S032150750013115-8

8. Federal'nyy zakon «Ob obshchestvennykh ob"yedineniyakh» [Federal Law "On Public Associations" dated May 19, 1995 (No. 82-FZ)] (Russ). Re-trieved October 25, 2020, from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/
9. Federal'nyy zakon «O natsional'no-kul'turnoy avtonomii» ot 17 iyunya 1996 goda. (№ 74-FZ) [Federal Law "On National-Cultural Autonomy" dated June 17, 1996 No. 74-FZ] (Russ). Retrieved October 25, 2020, from http://base.garant.ru/135765/
10. Forum grazhdanskikh obshchestv «Dialog Rossiya – Respublika Koreya» [Forum of Civil Societies "Dialogue Russia – Republic of Korea"]. Retrieved September 2, 2020, from https://drrk.ru/istorija-foruma/
11. Fond zarubezhnykh koreytsev [Overseas Korea Foundation]. Retrieved September 2, 2020, from https://www.gov.kr/portal/service/serviceInfo/PTR000052175
12. Gromoglasova Ye.S. (2018). Gumanitarnaya diplomatiya v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh: opyt sistemnogo issledovaniya [Humanitarian diplomacy in modern international relations: the experience of systems research]. – Moscow: IMEMO RAN, 6.
13. Godovyye otchety Koreyskogo fonda. (2019) [Annual Report KF 2019], Sogvipkho.
14. Gorlova I.I., Bychkova O.I. (2015). Kul'tura kak «myagkaya sila»: instrumenty i tochki prilozheniya [Culture as “soft power”: tools and points of application]. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya, 18, 268-272.
15. Karaganov S.A. (26.08.2014). «Vpered k Velikomu okeanu». Rossiya v global'noy politike ["Forward to the Great Ocean." Russia in global affairs]. Retrieved September 2, 2020, from http://www.globalaffairs.ru/print/pubcol/Vpered-k-Velikomu-okeanu-16894
16. Khan V.S., Sim Heon Yong. Koreitsy Tsentral’noy Azii: proshloe i nastoyashee. – Moscow: MBA, 2014.
17. Khan V.S. Istoriografiya koreitsev Tsentral’noy Azii: jsnovnye napravleniya i etapy razvitiya. – Tashkent: Baktria press, 2021.
18. Koreyskiy fond [Korea Foundation]. Retrieved September 21, 2020, from http://ru.kf.or.kr/?menuno=795
19. Koreyskiy fond. Privetstviye Prezidenta [Korea Foundation. Greetings from the President]. Retrieved September 2, 2020, from http://ru.kf.or.kr/?menuno=790
20. Koreyskaya shkola Von Gvan [Korean school Won Gwan]. Retrieved September 2, 2020, from http://www.wonkwang.ru/

21. Kul'turnyy tsentr pri posol'stve Respubliki Koreya [Cultural Center at the Embassy of the Republic of Korea]. Retrieved September 2, 2020, from http://russia.korean-culture.org/ru/6/contents/344#mnu391
22. Koreyskaya shkola Von Gvan. Festival' koreyskoy kul'tury [Korean school Won Gwan. Festival of Korean Culture]. Retrieved September 2, 2020, from http://www.wonkwang.ru/festival/
23. Levit P. (2001). Between God, Ethnicity, And Country: An Approach To The Study Of Transnational Religion [Mezhdu Bogom, etnicheskoy prinadlezhnost'yu i stranoy: podkhod k izucheniyu transnatsional'noy religii]. Working Paper, 13. Retrieved May 26, 2021, from http://www.transcomm.ox.ac.uk/working%20papers/Levitt.pdf
24. Maslova V.A. (2001). Lingvokul'turologiya [Linguoculturology]. – Moscow: Akademiya, 208.
25. Minasyan N. (2017). Kontseptsiya «myagkoy sily» v kontekste teoriy mezhdunarodnykh otnosheniy [The concept of "soft power" in the context of theories of international relations]. 21-1 VEK, 3, 35-42.
26. Munkhvavego menyuol' (문화외교매뉴얼) (Ministerstvo inostrannykh del i torgovli Respubliki Koreya. Rukovodstvo po kul'turnoy diplomatii) [Ministry of Foreign Affairs and Trade of the Republic of Korea. Cultural Diplomacy Guide]. (2010), 8-44. Retrieved May 26, 2021 from https://www.korea.kr/archive/expDocView.do?docId=24724
27. Moskva Kiodan [Moscow Kyodan]. Retrieved September 2, 2020, from http://wonbuddhism.ru/moscow-temple/.
28. «Myagkaya sila» v aziatsko-tikhookeanskom regional'nom kontekste. Teoreticheskaya adaptatsiya i natsional'nyye praktiki ["Soft power" in the Asia-Pacific regional context. Theoretical adaptation and national practices]. (2016). Monografiya: S.K. Pestsov, A.M. Bobylo, L.R. Rustamova, L. Ye. Kozlov, M.S. Cherepanov, A.A. Boyarkina, K.F. Lykov, M.P. Pershina; [nauch. Red. S.K. Pestsov]. Vladivostok: Dal'nevost. Feder. Un-t, 192.
29. NIU VSHE, fakul'tet dovuzovskoy podgotovki [NRU HSE, Faculty of pre-university training]. Retrieved September 2, 2020, from https://fdp.hse.ru/
30. Ostrovskaya Ye. A. (2013). Transnatsional'nyye prostranstva global'nykh mezhkul'turnykh vzaimodeystviy: metodologiya sotsiologicheskogo izucheniya [Transnational spaces of global intercultural interactions: methodology of sociological study]. Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii, XVI (2 (67)), 168–188. Retrieved September 2, 2020, from http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2013_2/Ostrovskaya_2013_2.pdf.

31. Ostrovskaya Ye. A. (2013). Transnatsional'nyy podkhod v sotsiologicheskom izuchenii global'nykh religiozno-politicheskikh prostranstv [Transnational approach in the sociological study of global religious and political spaces]. Chelovek i religiya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 14-16 marta 2013 g. – Minsk, Respublika Belarus' [pod red. S.G. Karasovoy, S.I. Shatravskogo]. Minsk, 19-24.

32. Religiya bez granits: transnatsional'nyye seti immigrantov [Religion Without Borders: Transnational Immigrant Networks]. (2002). [Edd. Kh. Ebo, Dzh. Chafets]. Uolnat-Krik: Al'taMira Press, 224.

33. Rossiysko-koreyskiy forum mezhregional'nogo sotrudnichestva [Russian-Korean Forum of Interregional Cooperation]. Retrieved September 2, 2020, from https://www.interfax.ru/events/news/674120.

34. Rusakova O.F. (2012). «Myagkaya» sila aziatskikh stran ["Soft" power of Asian countries]. Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, gumanitarnyye nauki, 4 (108), 250-258.

35. Russko-koreyskoye obshchestvo [Russian-Korean society]. Retrieved September 2, 2020, from https://mgimo.ru/about/news/departments/xvi-rossiysko-koreyskiy-forum/

36. Rossiyskaya assotsiatsiya universitetskikh koreyevedov [Russian Association of University Korean Studies]. Retrieved September 2, 2020, from http://www.rauk.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=9&Itemid=117&lang=ru

37. Shkola Von Gvan. Nash uchebnik [Won Gwan School. Our tutorial]. Retrieved September 2, 2020, from http://www.wonkwang.ru/korean/textbook/

38. Sovremennoye rossiyskoye koreyevedeniye: Spravochnoye izdaniye [Modern Russian Korean Studies: A Reference Book]. (2006). Sostavitel' L. Kontsevich (Nauchno-obrazovatel'nyye tsentry), T. Simbirtseva (Bibliograficheskiy slovar'). Seriya «Russkoye koreyevedeniye v proshlom i nastoyashchem» (Tom 3). – Moscow: Pervoe Marta, 21-111.

39. Svinyakova D.Ye. (2019). Kul'turno-gumanitarnyye otnosheniya mezhdu Respublikoy Koreya i Rossiyey na sovremennom etape [Cultural and humanitarian relations between the Republic of Korea and Russia at the present stage]. Kazanskiy vestnik molodykh uchenykh. Tom 3, 1 (9), 118-127.

40. Shebanova M.A. (2012). Mirovoye razvitiye cherez prizmu transnatsional'nogo podkhoda [World development through the prism of a transnational approach]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl', 1 (11), 156-161.

41. Stepanova V.S., Panchenko O.L. (2019) Koreyskaya pop-kul'tura v Rossii: osnovnyye napravleniya razvitiya [Korean pop culture in Russia: main directions of development]. Kazanskiy vestnik molodykh uchenykh, 3, 61-68.
42. Tsentr Sedzhon shkoly Von Gvan [Sejong Center at Won Gwan School]. Retrieved September 2, 2020, from http://wonkwang.ru/
43. Vanin YU.V. (2004). Koreyevedeniye v Rossii: istoriya i sovremennost'. [Korean Studies in Russia: History and Modernity] YU.V. Vanin otv. ed., Seriya «Russkoye koreyevedeniye v proshlom i nastoyashchem» (Tom 2). – Moscow: Pervoe marta, 121.
44. Zhidkov V.O. (2014). Elementy yuzhnokoreyskoy myagkoy sily [Elements of South Korean soft power]. Diskurs-Pi, 2-3 (15-16). Retrieved September 21, 2020, from https://cyberleninka.ru/article/n/elementy-yuzhnokoreyskoy-myagkoy-sily

ТЕН ЕН СУН (ТЕН ЖАННА)
Ph.D (정영순, Республика Корея),
Инчхонский Национальный университет

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПОДХОДЫ К ЯЗЫКОВОЙ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ КОРЁИНОВ В ШКОЛАХ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ (на примере Республики Корея)

Abstract.Recently, the Republic of Korea has faced a sharp increase in migration flows, necessitating a review of existing educational strategies for the integration of migrant children. Traditional methods, based on full assimilation and monolingual education, have proven ineffective and created numerous problems for students. This article examines alternative approaches to education and language adaptation aimed at the successful integration of more than 120,000 Russian-speaking Koreans. It discusses the difficulties these children face: low academic performance, lack of bilingual teachers, insufficient support, and their parents' misunderstanding of the school system.

The article presents examples of existing alternative schools and educational programs, such as bilingual schools and schools with the International Baccalaureate (IB) program, and proposes the implementation of the CLIL (Content and Language Integrated Learning) program to create balanced bilingual education.

The conclusion emphasizes the importance of transitioning from multiculturalism to interculturalism, developing inclusive strategies, and creating a supportive educational environment to ensure equal access to education and successful integration of all migrant children into Korean society.

Keywords: 고려인, 고려사람, 고려인교육, koryoin, koryo-saram, integration, multicultural education, integration, CLIL, корёин, коре-сарам, интеграция, языковая адаптация, мультикультурное образование,

Введение

В последние десятилетия Республика Корея столкнулась с резким увеличением миграционных потоков, что привело к необходимости пересмотра существующих образовательных стратегий, направленных на интеграцию детей мигрантов. Традиционные подходы, предполагающие полную ассимиляцию и одноязычное образование, часто оказываются неэффективными и создают множество проблем для учащихся. Это требует внедрения альтернативных методов языковой адаптации, которые учитывают разнообразие культурных и языковых особенностей мигрантов и способствуют успешной интеграции.

В этом контексте нас интересует положение русскоязычных корейцев в Республике Корея и государственная политика Кореи по отношению к ним. Русскоязычные корейцы в Корее – сравнительно новое явление, академических статей по ним немного, и тема больше обсуждается на конференциях и в СМИ (см.: Список литературы).

Проблемы русскоязычных корейцев

Более 120 тысяч русскоязычных корейцев приехали на постоянное место жительства в Корею, и незнание языка создаёт серьёзные сложности в адаптации как для взрослых, так и для детей. Республика Корея не была готова к приёму и успешной интеграции этнических возвращенцев. Местное общество зачастую не знает историю переселения и культурный бэкграунд корейцев, вернувшихся из стран СНГ. Их правовой статус имеет дискриминационный характер, а миграционная политика государства по отношению к этническим корейцам из стран СНГ оставляет желать лучшего. Мало информации по теме этнических корейцев из СНГ в публичном поле, отсутствует информация об их реальном положении в Корее для соответствующих государственных инстанций.

Языковая адаптация детей корёинов

Языковая адаптация детей корёинов является одной из самых острых проблем. В школе они испытывают большие трудности: низкая успеваемость и сложность в адаптации, отсутствие билингвальных учителей и менторов, программы подготовки билингвальных учителей и достойные условия труда для них. Недовольство со стороны корейских родителей большим количеством детей, не являющихся носителями корейского языка, усиливает напряжённость. Незнание корейского языка самими родителями корёинов и непонимание системы школьного образования и взаимодействия с администрацией школы также добавляют трудностей. Эти факторы приводят к разочарованию в школьной жизни, низкой самооценке, психологическому и эмоциональному стрессу, кризису самоидентификации и полному непониманию своего будущего в Корее. В некоторых школах Ансана, Инчхона, Асана, Кванджу, Кенджу больше половины детей – это русскоязычные дети, а в Чхонджу – 80%. Это усиливает отток корейских семей из этих школ, что автоматически снижает уровень преподавания и успеваемость русскоязычных детей, и в последствии толкает их на самую низшую ступень социальной лестницы. Таких «семилингвистичных», то есть не владеющих уже родным и всё ещё не владеющих языком среды становится с каждым годом всё больше и больше. И проблема эта никак не связана с их интеллектуальными или когнитивными способностями, а объясняется лишь отсутствием полноценной поддержки в языковой адаптации в школах.

Необходимость альтернативных подходов

Все эти проблемы требуют разработки и внедрения альтернативных подходов к обучению и языковой адаптации, которые учитывали бы специфические потребности детей корёинов и способствовали бы их успешной интеграции

в корейское общество. Внедрение гибких и инклюзивных стратегий, а также создание благоприятной образовательной среды играют ключевую роль в успешной интеграции мигрантов.

Для обеспечения равного доступа к образованию и успешной интеграции детей корёинов необходимо продолжать поиск и внедрение новых, более эффективных подходов к обучению и языковой адаптации. В пределах существующих государственных школ могут быть реализованы следующие меры:

– обеспечение постоянной языковой поддержки по всем предметам на двух языках;

– выведение менторских программ, где опытные учителя и старшеклассники помогают новичкам адаптироваться в новой среде;

– улучшение условий найма и подготовки учителей, владеющих двумя языками, чтобы обеспечить качественный доступ к знаниям;

– обеспечение перевода всей школьной документации и информации для родителей на два языка для эффективной коммуникации.

Альтернативные школы и программы обучения

В Корее также начали появляться альтернативные образовательные учреждения и программы, направленные на удовлетворение образовательных потребностей детей корёинов и других мигрантов.

Альтернативные школы: школы Родем (Кенгидо) и Секкум (Кванджу), где обучаются исключительно дети корёинов по корейской образовательной программе. С одной стороны, такие школы обеспечивают нахождение в благоприятной среде среди таких же детей; с другой стороны, это существенно снижает академическую планку образования и ограничивает возможности для интеграции в местное

общество. В результате, дети могут испытывать трудности при поступлении в вузы и на рынке труда, а также иметь недостаточные навыки межкультурного общения, что может препятствовать их полноценному участию в жизни общества.

Русские школы: образовательные учреждения (хагвоны), где дети обучаются по российским образовательным программам. Эти школы позволяют детям корёинов, прибывшим из стран СНГ, продолжать обучение на родном языке. С одной стороны, они овладевают полноценно необходимым объёмом знаний по школьной программе; с другой же стороны, они обрекают детей на вечную участь «иностранцев», так как ограничивают их возможности для изучения корейского языка и погружения в корейскую культуру. В результате отсутствие социального капитала, необходимого для успешной интеграции в корейском обществе, приводит к изоляции детей корёинов, препятствует их полноценному участию в социальной и профессиональной жизни страны и ограничивает их возможности для карьерного роста и построения крепких социальных связей.

Международные школы: учебные заведения, работающие по программе International Baccalaureate (IB), которые принимают детей из различных культурных и языковых бэкграундов. Эти школы предлагают многоязычную и мультикультурную образовательную среду с приоритетным обучением на корейском языке, способствующую развитию глобального мышления и толерантности. На сегодняшний день такая школа уже открыта в Сихыне (군서미래국제학교) и несколько классов при школе «Ханури» в Инчхоне планируется перевести на такую программу обучения.

Программа CLIL («Предметно-интегрированное обучение»)

Как ещё один вариант, который продвигается общественной организацией АКРК, является создание билингвальной

корейско-русской школы на основе образовательной технологии CLIL (Content and Language Integrated Learning). Эта методика успешно зарекомендовала себя в развитых странах с большим количеством мигрантов. «Предметно-интегрированное обучение» (CLIL) может стать вариантом полноценного сбалансированного билингвального образования с сохранением идентичности и прав ребёнка на образование на родном языке с возможностью овладения языком среды на уровне носителя.

Заключение

Гарантированное право на равный доступ к образованию в Корее требует создания условий, при которых все дети, независимо от их культурного и языкового происхождения, смогут получать качественное образование и успешно интегрироваться в общество. Переход от мультикультурализма к интеркультурализму [10; 11] и разработка новых методов обучения и адаптации, учитывающих культурные и языковые особенности детей мигрантов, являются ключевыми шагами на пути к достижению этой цели. Внедрение гибких и инклюзивных стратегий, поддержка родного языка и культуры, а также создание благоприятной образовательной среды будут способствовать успешной интеграции и развитию всех учащихся в Корее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриева М. О., Троякова Т. Г. Корейцы Узбекистана в поисках новой идентичности в Республике Корея // Известия Восточного института. № 2 (50), 2021. – С. 50-61.
2. Сон Диана. Есть ли место для корё сарам в Корее? // Корё ильбо. 04.07.2024.
3. Jeong Yeongsun. At home among strangers: Russian-speaking koreans in South Korea // Global Diaspora Network Forum. 2021.11.25-26, pp. 173-189.

4. Тен Ж. Возвращение на родину предков. Часть 1 // Газета «Российские корейцы» № 215, декабрь, 2021 г. – С. 6-7. – https://arirang.ru/archive/rk/2021/RK.2021.215.pdf
5. Тен Ж. Возвращение на родину предков. Часть 2. Газета «Российские корейцы» № 216, январь, 2022 г. – С. 6-7. – https://arirang.ru/archive/rk/2022/RK.2022.216.pdf
6. Тен Ж. Я за билингвальность и поликультурность // Газета «Се Корё синмун» от 14.10.22. – https://arirang.ru/archive/sks/2022/SKS.14.10.2022.pdf
7. Тен Ен Сун Жанна Владимировна (정영순). Консолидация и права корё сарам в Корее: новый взгляд на старую проблему // Материалы научно-практической конференции «Российские корейцы на перекрестке культур: традиции и современность. К 160-летию с начала добровольного переселения корейцев в Россию». 7 июня 2024 г. – М., 2024. – С. 20-26.
8. Тен М. Трудовая миграция корейцев Узбекистана в Республику Корея. – http: // www.koreana.ru/?pg=2&id=151061&type=9&page=0
9. Хан В.С. К миграционно-демографической характеристике корейцев СНГ // Материалы научно-практической конференции «Российские корейцы на перекрестке культур: традиции и современность. К 160-летию с начала добровольного переселения корейцев в Россию». 7 июня 2024 г. – М., 2024. – С. 30-33.
10. Khan V. Multiculturalisme ou interculturalisme: vers une nouvelle politique ethnique en Asie centrale // OUTRE-TERRE. Revue Européenne de Géopolitique. № 48, Nov. 2016. – Jan. 2017, pp. 92-111.
11. Валерий Хан о мультикультурализме в Центральной Азии // https://www.caa-network.org/archives/10832

LITERATURE

1. Dmitrieva M. O., Troyakova T. G. Korejtsy Uzbekistana v poiskah novoj identichnosti v Respublike Koreya // Izvestiya Vostochnogo instituta. № 2 (50), 2021. – S. 50-61.
2. Son Diana. Est li mesto dlya koryo saram v Koree? // Koryo ilbo. 04.07.2024
3. Jeong Yeongsun. At home among strangers: Russian-speaking koreans in South Korea // Global Diaspora Network Forum. 2021.11.25-26, pp. 173-189.
4. Ten Zh. Vozvrashenie na rodinu predkov. Chast 1 // Gazeta «Rossijskie korejtsy» № 215, dekabr, 2021 g., str.6-7. https://arirang.ru/archive/rk/2021/RK.2021.215.pdf

5. Ten Zh. Vozvrashenie na rodinu predkov. Chast 2. Gazeta «Rossijskie korejtsy» № 216, yanvar, 2022 g., str. 6-7. https://arirang.ru/archive/rk/2022/RK.2022.216.pdf
6. Ten Zh. Ya za bilingvalnost i polikulturnost // Gazeta «Se Kore sinmun» ot 14.10.22. https://arirang.ru/archive/sks/2022/SKS.14.10.2022.pdf
7. Ten En Sun Zhanna Vladimirovna (정영순). Konsolidatsiya i prava koryo saram v Koree: novyj vzglyad na staruyu problemu // Materialy nauchno-prakticheskoj konferentsii «Rossijskie korejtsy na perekrestke kultur: traditsii i sovremennost. K 160-letiyu s nachala dobrovolnogo pereseleniya korejtsev v Rossiyu». 7 iyunya 2024 g. M., 2024. – S. 20-26.
8. Ten M. Trudovaya migratsiya korejtsev Uzbekistana v Respubliku Koreya. – http: // www.koreana.ru/?pg=2&id=151061&type=9&page=0
9. Khan V. S. K migratsionno-demograficheskoj harakteristike korejtsev SNG // Materialy nauchno-prakticheskoj konferentsii «Rossijskie korejtsy na perekrestke kultur: traditsii i sovremennost. K 160-letiyu s nachala dobrovolnogo pereseleniya korejtsev v Rossiyu». 7 iyunya 2024 g. M., 2024. – S. 30-33.
10. Khan V. Multiculturalisme ou interculturalisme: vers une nouvelle politique ethnique en Asie centrale // OUTRE-TERRE. Revue Européenne de Géopolitique. № 48, Nov. 2016 – Jan. 2017, pp. 92-111.
11. Valeriy Khan o multikulturalizme v Tsentralnoy Azii // https://www.caa-network.org/archives/10832

KHAN, O.V.
Dr. of Visual Sciences and Arts (Uzbekistan)
Visiting Fellow, Seoul National University Asia Center*

COMPARATIVE ANALYSIS OF RELATIONSHIP BETWEEN MOTHER-IN-LAW AND DAUGHTER-IN-LAW IN UZBEK AND KOREAN CINEMA

The portrayal of everyday culture is an essential element of television series across different countries. In South Korean TV series, showcasing the culture of everyday life is of particular importance as it mirrors the surrounding reality by employing certain themes, narratives, and archetypes, and draws attention to the unique qualities and specificity of Korean culture [1, 192]. According to multiple publications, Korean series gain popularity by portraying the daily routine of ordinary people on screen, thereby allowing viewers to easily empathize with the characters who encounter relatable intra-family challenges, for instance, complex relationships between mothers-in-law and daughters-in-law [2, 140].

This paper's comparative analysis focuses on Korean TV series rather than feature films due to the notable similarities between K-dramas and Uzbek films, whereas Korean artistic cinema exhibits distinct aesthetics and conceptual approaches. While some Central Asian film scholars view modern Uzbek film production as mimicking the aims and characteristics of Indian Bollywood,[1] another popular opinion suggests that Korean

* ORCID: 0000D0002D3185D248X.

[1] According to Bollywoodization concept, quantity is prioritized over quality, however, this description more likely characterizes the film production phenomenon known as "khon-takhta" (chopping board) – commercial entertainment films of poor quality made by private companies.

dramas greatly influence Uzbek cinema. It is not solely due to the shared Asian worldview, behavioral code, and cultivation of Confucian values, but also the overall impact of the Asian entertainment industry, Hallyu, and high popularity of East Asian films and television shows. [3, 26]. Uzbek cinema primarily focuses on important subjects corresponding to local mentality and adheres to national traditions, with Uzbek cultural code remaining dominant. However, many popular topics exploited in Uzbek films are similar to Korean cinema's products, dealing with personal drama, family conflict, societal and gender injustice, and investigation of the nation's historical past. Moreover, the importance of respect for elders and age hierarchy, as well as the tradition of multiple generations of relatives living together, are frequently demonstrated in the South Korean series, which is also reminiscent of Uzbek culture.

In Uzbekistan and South Korea, marital cinema, in which household power struggles collide with oppressive patriarchal societal standards and entrenched class prejudice, secures viewer interest and emotional engagement. Plots about daughters-in-law are quite popular in both countries, many films and TV series address the issue of daughters-in-law in traditional families, reflecting the expectations of how a newlywed bride should behave towards her husband's relatives. Old Korean films tended to reinforce traditional gender roles and patriarchal norms of the conventional marriage; however, such classical films as "The Girl Raised As A Future Daughter-in-law" (민며느리, 1965) challenge these norms and provide an attempt to inspire female solidarity. Mother-in-law, Mrs. Kim, agrees to cede some of her power in treating her daughter-in-law as more of an equal while making space to welcome her mother, another mother-in-law, into her home [4]. An analogous example in Uzbek cinema is the comedy "Revolt of Daughters-in-law" (Kelinlar Qo'zg'oloni, 1985), where the matriarch Farman-bibi controls a large family consisting of seven sons, their wives, and twenty grandchildren.

When all daughters-in-law rebel against mother-in-law's despotic rule, the woman demonstrates wisdom and solidarity by appealing to the city council for the allocation of individual flats for everyone.

The Mother-in-law/Daughter-in-law Dynamic

Complicated relationships between mother-in-law and daughter-in-law are repeatedly exploited by filmmakers from both countries; yet, Uzbek cinema tends to address this topic more often – daughter-in-law or *kelin*[2] is the most widely covered of all archetypal female images. In Uzbek films, diligent daughters-in-law are usually portrayed in a positive light, while mothers-in-law often adopt antagonist roles – except for a few images of mothers-in-law, who are depicted as benevolent, they are usually portrayed as heartless, manipulative, and cruel. The despotic nature of the on-screen mother-in-law is often attributed to the shifting dynamics of power and position within a family structure, as women in traditional societies do not achieve full social status until they have seen all their children married off and become mothers-in-law. It is believed that control of household chores and daughter-in-law is the sole means of attaining self-respect and significance; elder women exploit their authority over their sons' wives, finally taking revenge for what they underwent as daughters-in-law themselves. Such Korean dramas as "Marriage Not Dating" (연애 말고 결혼, 2014), "No, Thank You" (며느라기, 2020-2021) and Uzbek films as "Superbride" (Superkelinchak, 2008), "Consequences" (Oqibat, 2012) suggest that ill-treatment of daughters-in-law is a form of repayment to the system, a facet of the tradition passed down through the generations; such an attitude is often fueled by the fact that the son is still regarded as a child, whilst the future daughter-in-law is only given a transitional position within the family hierarchy. For example,

[2] Kelin – daughter-in-law in Uzbek.

in "Superbride," Uzbek mother-in-law relishes her sense of power by shifting the entire household chores to her daughter-in-law's shoulders, as is customary in Central Asian families, arguing that she was treated similarly in her younger ages. In "Marriage Not Dating" TV series, one of the protagonists, Miss Shin, claims that all the kitchen duties are performed solely by women. However, by "women" she specifically refers to herself as the eldest daughter-in-law and her son's future wife; Miss Shin's sister-in-law and mother-in-law, on the other hand, were spared from cooking due to family status and instead went to get massages.

The Korean mother-in-law is often portrayed in cinema as a helpless victim of patriarchal systems, often unaware of her own oppression. This is exemplified by the popular documentary "Myeoneuri: My Son's Crazy Wife" (B-급 며느리, 2018), which poses questions about the deep-rooted conflicts between mother-in-law and daughter-in-law in Korean society. It explores the inherent challenges of maintaining strong bonds within an extended family, highlighting how individuals can unknowingly establish rigid boundaries that are difficult to overcome. During one scene, on the director's request to elaborate on the family hierarchy, the elderly woman, Miss Cho, asserts that attending the father-in-law's birthday in the first place, followed by the mother-in-law's birthday is *myeoneuri's*[3] primal responsibility. "Why do you believe that mother should be placed second?" Miss Cho's son inquires. "This is an order," the woman responds. "It was always like this in our family." However, when the son continues to question the system's logic, Miss Cho is unable to explain her position further and asks for their prior discussions to be deleted. Although the English name of the documentary is "Myeoneuri: My Son's Crazy Wife," the original title is "B-Grade Daughter-in-Law,"

[3] Myeoneuri – daughter-in-law in Korean.

and points to young, individualistic women, who resist the old patriarchal system by refusing to follow the steps of A-grade daughters-in-law, who are expected to fully dedicate themselves to serving their in-laws.

Thus, the image of a bitter mother-in-law in both cultures represents a never-ending circle of payback for women's youthful trauma, where the process of women passing on their knowledge to each other not only as a longstanding tradition but also out of resentment is reinforced in the scenes where daughters-in-law are treated as unpaid housekeepers by their in-laws. Furthermore, while Uzbek films depict fathers-in-law refraining from intervening in conflicts between women or expressing support to their daughters-in-law, Korean father-in-law usually aligns with mother-in-law against their son's wife.

Similarities and Differences

In Korea, 'familialism' is considered a fundamental principle that prioritizes the importance of the family over the individual members, hence excluding their independence [5, 103]; similarly, in Central Asia, each member of the clan belongs to the family due to the system of extended kinship relationships. Consequently, Korean and Uzbek married women still carry the sense of the system's righteousness, feeling obligated to fulfill their "job" as good daughters-in-law, even when in-laws are hardly performing their duties by willfully mistreating them. However, while Uzbek films are still quite far from breaking the established system, Korean films more and more often question the validity of the traditional system within families. Such dramas as "No, Thank You" (2020–2021) explore the challenges that daughters-in-law experience when dealing with their in-laws and their expectations. The plot revolves around a young woman, Min Sa Rin, who recently got married. She makes numerous attempts to please her husband's

relatives, but the unfair distribution of labor and neglect by in-laws further complicate the process of adjusting to the new family. Min Sa Rin, in particular, faces misunderstandings from her mother-in-law, who lived and served her entire life as a *myeoneuri* and eventually imposes this paradigm on her sons' wives. The drama introduces the term *"myeoneuragi,"* which literally means "phase of a daughter-in-law" and indicates a period when a woman overworks herself in an attempt to win the affection and praise of her in-laws. The entire first season of the series focuses on the issue of discrepancies between the bride's expectations and post-wedding reality, delving into women's fears arising from interactions with new relatives, professional challenges, and motherhood. "No, Thank You" advocates for family values, while simultaneously depicting an unavoidable evolution of the Korean family model. But if in Korean films 'myeoneuragi' might last from 1 to 10 years, or even forever, depending on the woman's personality, Uzbek daughters-in-law are usually given only the last option. In comparison with the myeoneuragi – must-come-to-an-end phase, the liminal phase of Uzbek *kelin* ends with full adoption of the updated status, that is, integrating into her husband's family and abandoning previous habits.

In Uzbek films, mother-in-law and daughter-in-law function as two binary oppositions of private space, while the husband acts as an intermediary link or negotiator. In Korean dramas, the husband still acts as a mediator, but the daughter-in-law might be considered a "person-in-the-family" or a "person-outside-of-the-family." This can be explained by Korean daughters-in-law's less dependent position since women's emancipation is significantly higher and most of them work on an equal footing with men – it gives women the confidence to speak up against a deep-rooted traditional system. Meanwhile, Uzbek women face a less optimistic situation due to pressing factors such as limited economic opportunities, male-line inheritance

of family property, gender segregation, low female status, economic dependence, the importance of extended families, and nation-building, which make it challenging for them to resist patriarchal oppression. Even if young women from the Korean series bravely oppose patriarchal norms, ask the elders not to interfere in their relations, or refuse to serve their husbands' families alone at various events, they remain not only main protagonists but also positive characters. Whereas an outspoken Uzbek daughter-in-law who openly expresses her opinion or discontent is usually presented as an antagonist. However, such films as "Lover's Quarrels" (Turmush Musht, 2011) challenge traditional family values and the division of family labor. The main protagonist, Maftuna, is a boxer who faces pressure to give up her training in order to fulfill her role as an obedient kelin after marriage. Unwilling to quit her career, Maftuna initiates a progressive dialogue on the justification of traditions in an attempt to improve the patriarchal expectations of women. In contrast, her husband, Aziz—although he strictly separates women's and men's duties—handles all housework for the sake of keeping the family together. The film demonstrates an optimistic end, with Maftuna making concessions for family peace and her husband willing to compromise as well. K-drama "No, Thank You" also presents modern men in a different way, who transform by becoming more empathetic, understanding, and embracing the principles of equality. Thus, it illustrates the steady evolution of Korean society from a vertically hierarchical structure to a society of horizontal equality between men and women [6, 51].

Regardless of the daughter-in-law's portrayal—whether she is bold or obedient—the classical image of a mother-in-law shedding tears for the future of her son, who in her opinion has already become a henpecked husband, is a common visual technique in both Korean and Uzbek films. This not only reflects the mother-in-law's maternal jealousy but also illus-

trates how Asian melodramas manipulate daily conflicts and personal mistakes, (re)presenting them as a tragedy. Usually what begins as a tale of patriarchal cruelties, ends with a deliberate compromise and the mother-in-law developing a positive relationship with her daughter-in-law, or the daughter-in-law completely forgets her wishes and "dissolves" in the husband's family.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ерохина Т. И., Сандросян Д. С. Культура повседневности как система кодов массовой культуры в корейской дораме // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 1 (106). – С. 191-198.
2. Янг Сун Ен. Корейская дорама как культурное событие // Аналитика культурологии. 2015. № 3 (33). – С. 138-141.
3. Арабова Ш. Кинематограф в странах Центральной Азии: состояние, тенденции и потенциал развития. – Бишкек: Региональный Институт Центральной Азии, 2018.
4. Scanlon H. Daughter-in-law (민며느리, Choi Eun-hee, 1965). URL: https://windowsonworlds.com/2021/05/17/daughter-in-law-민며느리-choi-eun-hee-1965/
5. Пак Се Хиун. Семья как феномен театра в Корее // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2010. № 4. – С. 102-116. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semya-kak-fenomen-teatra-v-koree (дата обращения: 26.04.2024).
6. Нам Ын Кен. Система ценностей современных корейских женщин через призму исторического женского образа – Син Саимдан (на основе «Саимдан, дневник света») // Кореееведение в России: направление и развитие. 2021. № 3. – С. 46-53.

REFERENCES

1. Eroxina T., & Sandrosyan D. (2019). Kul`tura povsednevnosti kak sistema kodov massovoj kul`tury` v korejskoj dorame [Culture of Daily Occurrence as a System of Popular Culture Codes in the Korean Dorama]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], (1), 191-198.

2. Young Sun Yong. (2015). Koreiskaya dorama kak kul'turnoe sobytie [Korean drama as a cultural event]. *Analitika kul'turologii* [Analytics of Cultural Studies], 3 (33), 138-141.
3. Arabova, Sh. (2018). *Kinematograf v stranax Central`noj Azii: sostoyanie, tendencii i potencial razvitiya* [Cinema in Central Asian countries: state, trends and development potential]. Bishkek: Regional Institute of Central Asia.
4. Scanlon, H. (2021, May 17). *Daughter-in-law* (민며느리*, Choi Eun-hee, 1965)*. Retrieved from https://windowsonworlds.com/2021/05/17/daughter-in-law-민며느리-choi-eun-hee-1965/
5. Pak Se Hiun. (2010). Sem`ya kak fenomen teatra v Koree [Korean Family Values – An Introspection Through the Theatre]. *Teatr. Zhivopis`. Kino. Muzy`ka.* [Theatre. Fine Arts. Cinema. Music.], 4, 102-116. Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/semya-kak-fenomen-teatra-v-koree/
6. Nam Eun-Kyung. (2021). Sistema cennostej sovremenny`x korejskix zhenshhin cherez prizmu istoricheskogo zhenskogo obraza – Sin Saimdan (na osnove "Saimdan, dnevnik sveta") [The values system of modern Korean women through the prism of historical female image – Shin Saimdang (based on "Saimdang, diary of light")]. *Koreevedenie v Rossii: napravlenie i razvitie* [The Journal of Direction and Development of Korean Studies in Russia], 2 (3), 46-53.

М.О. ДМИТРИЕВА
Кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (Россия)

РОЛЬ АССОЦИАЦИИ КОРЕЙСКИХ СТУДЕНТОВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ В ПОДДЕРЖАНИИ ДРУЖЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

В Приморском крае РФ существует множество различных организаций корейцев. Самыми известными являются Ассоциация корейских организаций Приморского края (АКОРП), Национально-культурные автономии корейцев городов Уссурийск, Артём, Находка, Большой Камень, Партизанск.

АКОРП была учреждена 17 марта 2008 года. Она объединяет общественные организации корейцев, созданные во Владивостоке, Артеме, Уссурийске, Находке, Партизанске, Большом Камне, Спасске-Дальнем, Арсеньеве. Ассоциация строит и осуществляет свою деятельность в рамках укрепления культурных, гуманитарных и деловых связей, усиления взаимопонимания и добрососедских международных отношений [3].

Цели национально-культурных автономий корейцев различных городов в целом схожи. Их можно обозначить следующим образом:

– объединение этнических корейцев, а также молодёжи других национальностей, интересующейся корейской

культурой, для содействия защите их прав и законных интересов;

– популяризация Корейской культуры на территории Приморья;

– сохранение традиций и передача их младшим поколениям;

– содействие повышению интереса к корейской культуре в определённом городском округе и на территории Приморского края в целом;

– содействие социальному становлению, культурному патриотическому и духовно-нравственному развитию молодёжи, максимальному раскрытию потенциала молодёжи в интересах развития общества, реализации общественно полезных инициатив;

– содействие дружбе, взаимопониманию и взаимодействию между молодёжью России, стран СНГ и других государств;

– сохранение самобытности, развитие языка, образования, национальной культуры корейского народа, развития и укрепления межнациональных связей и дружбы между всеми народами [5].

Помимо этих организаций, существует Ассоциации корейских студентов Приморского края, которая объединяет корейских студентов, обучающихся на постоянной основе или по обмену в вузах Приморского края. Здесь каждый студент может заявить о себе, познакомиться с другими студентами из Кореи и почувствовать себя как дома в кругу друзей и близких.

Члены Ассоциации принимают активное участие в мероприятиях, которые организует Генеральное консульство Республики Корея во Владивостоке, направленных на ознакомление и популяризацию корейской культуры, содействие развитию корейских предприятий во Владивостоке и Приморье и укрепление дружбы между странами.

Одним из самых значимых таких мероприятий является Фестиваль корейской культуры. В этом году он прошёл уже в двенадцатый раз в стенах Дальневосточного федерального университета. Студенты кафедры корееведения и кафедры международных отношений представили 46 номеров: исполняли песни на корейском языке и танцевальные каверы на K-pop-хиты (к танцевальным номерам присоединились учащиеся большинства школ ДВФУ), ставили сценки по мотивам корейских сказок и легенд, демонстрировали перевод мультфильмов и собственные видеоролики о студенческой жизни кореведов ДВФУ. Гостей фестиваля также ждали традиционный кофе-брейк, где угощали кимпапом и приглашали принять участие в корейских играх, и масштабная лотерея, завершившая мероприятие. Фестиваль корейской культуры в ДВФУ имеет длинную историю. В нынешнем формате мероприятие проходит 13 лет. Но его цели остаются неизменными – фестиваль призван сплотить студентов на основе любви к корейскому языку и культуре, поддержать их творческие амбиции, помочь научиться создавать интересные и креативные номера [1].

Важным мероприятием стал тур по историческим местам для зарубежных корейских студентов. Ребята съездили в г. Уссурийск, Славянка и Краскино, где они узнали много нового об истории Кореи в Приморском крае. История Приморья неразрывно связана с корейцами – как проживавшими здесь до 1937 года, так и живущими ныне. Истории известны моменты, когда корейское население здесь было преобладающим. К началу революции и гражданской войны на Дальнем Востоке проживала крупная корейская диаспора. Массовое переселение корейцев началось ещё до присоединения этой территории к Российской Империи. Главными причинами миграции являлись климатические факторы, делавшие невыгодным ведение сельского хозяйства на севере Корейского полуострова, а также налоговое

бремя властей. В 1860 г., когда Приморье стало российской территорией, 5 130 чел. (761 семья) уже фактически проживали на её территории. Чиновники правящей династии Чосон препятствовали переселению крестьян в Приморский край, но российская сторона не ограничивала переселение, рассматривая корейскую диаспору как важный источник людских ресурсов для освоения региона. К моменту заключения дипломатических отношений в 1884 г. и подписания совместного договора о торговле со сроком действия до 1894 г., на территории Приморья уже проживали 1 845 семей – около 9 000 чел. Поскольку они переселились до 1884 г., то смогли получить российское гражданство. Несмотря на ограничения на миграцию корейцев, вводимые по инициативе Приамурского генерал-губернатора барона А.Н. Корфа, число корейцев в Российской империи только возросло [2].

Молодёжные организации играют важную роль в развитии международного сотрудничества. Они способствуют укреплению дружеских связей между молодёжью разных стран, обмену опытом, знаниями и культурными ценностями.

Национально-культурные объединения российских корейцев как один из устойчивых и открытых институтов гражданского общества обладают большим потенциалом для развития межкультурного диалога как на региональном, так и на международном уровнях [4, 237].

В условиях, когда отношения России и Республики Корея находятся на спаде, работа Ассоциации корейских студентов Приморского края помогает простым людям не прибегать к агрессивной риторике, а поддерживать нормальные человеческие отношения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. В ДВФУ состоялось главное событие Дальнего Востока, посвящённое корейской культуре // Сайт ДВФУ. – URL: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/news/v_dvfu_sostoyalos_glavnoe_sobytie_dalnego_vostoka_posvyashchennoe_koreyskoy_kulture/
2. Корейские партизаны // Музей-заповедник истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева. – URL: https://arseniev.org/story/korejskie-partizany/
3. О нашей организации // Ассоциация корейских организаций Приморского края. – URL: https://akorp.org/?page_id=51
4. Троякова Т.Г. Роль общественных организаций российских корейцев в Приморском крае в развитии отношений России с Республикой Корея и КНДР // Россия и Корея в меняющемся мировом порядке – 2018: VII Международная корееведческая конференция, 17-18 мая 2018 г. : тезисы и доклады / отв. ред. И.А. Толстокулаков. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. – 288 с.
5. Цели и виды деятельности автономии // Национально-культурная автономия корейцев г. Уссурийска и Приморского края. – URL: http://primorkkc.ru/o-nas/celi-i-vidy-dejatelnosti/

REFERENCES

1. V DVFU sostoyalos' glavnoe sobytie Dal'nego Vostoka, posvyashchennoe korejskoj kul'ture // sajt DVFU. URL: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/news/v_dvfu_sostoyalos_glavnoe_sobytie_dalnego_vostoka_posvyashchennoe_koreyskoy_kulture/
2. Korejskie partizany // Muzej-zapovednik istorii Dal'nego Vostoka imeni V.K. Arsen'eva. URL: https://arseniev.org/story/korejskie-partizany/
3. O nashej organizatsii // Associatsiya korejskih organizatsij Primorskogo kraya https://akorp.org/?page_id=51
4. Troyakova T.G. Rol' obshchestvennyh organizacij rossijskih korejtsev v Primorskom krae v razvitii otnoshenij Rossii s Respublikoj Koreya i KNDR // Rossiya i Koreya v menyayushchemsya mirovom poryadke – 2018 : VII Mezhdunarodnaya koreevedcheskaya konferenciya, 17–18 maya 2018 g. : tezisy i doklady / otv. red. I.A. Tolstokulakov. – Vladivostok : Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta, 2018. – 288 s.
5. Tseli i vidy deyatel'nosti avtonomii // Natsional'no – kul'turnaya avtonomiya korejtsev g. Ussurijska i Primorskogo kraya. URL: http://primorkkc.ru/o-nas/celi-i-vidy-dejatelnosti/

В.С. ХАН
Доктор исторических наук, кандидат философских наук,
доцент Университета мировой экономики и дипломатии
(Узбекистан)*

РУССКОЯЗЫЧНАЯ КОРЕЙСКАЯ ДИАСПОРА В КОРЕЕ: ИДЕНТИЧНОСТЬ, ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ

Аннотация. Во второй половине 19-го века началась масштабная миграция с Корейского полуострова на российский Дальний Восток. В 1937 г. всё корейское население Дальнего Востока было переселено в Среднюю Азию. После смерти И.В. Сталина корейцы расселились по всему СССР (другие Республики Центральной Азии, Москва, Северный Кавказ, Ростов на Дону, Украина, Дальний Восток и т.д.). После распада СССР наблюдается возвратная миграция корейцев (корё сарам) в Корею, напоминающая гегелевскую спираль согласно закону отрицания отрицания.

В связи с этим понятие «историческай родина» начинает приобретать иной смысл, нежели в советский период. Если для советских корейцев исторической родиной была Корея, то для корё сарам в Корее таковой выступает СССР (и независимые страны СНГ). Возникает феномен «чужих среди своих». Какие вызовы возникают для корё сарам в Корее и какие перспективы?

В Корее образуется Ассоциация корё сарам в Республике Корея, что создаёт предпосылки для возникновения общественно-политического движения корё сарам. В связи с этим возникает параллель с Израилем и Германией, где проживают большие русскоязычные еврейская и немецкая диаспоры.

Ключевые слова: корё сарам, корейская диаспора, идентичность, Южная Корея.

На многих конференциях и в научных работах, посвящённых отношениям Узбекистан – Корея, как правило,

* URL: http://tarix.academia.edu/ValeriyKhan. ORCID: 0000D0003D3755D0324.

обсуждаются макро-факторы узбекско-корейских отношений: экономические, политические, культурные. Однако есть ещё антропологический, мало обсуждаемый фактор, относящийся к категории «мягкой» силы и влияющий на узбекско-корейские отношения. Одним из таких факторов является корейская диаспора в Узбекистане (корё сарам), которая проживает здесь уже 85 лет. А с начала 2000-х появился новый феномен – диаспора корейцев СНГ (корёинов) в Республике Корея, большую часть которых составляют корейцы Узбекистана.

Известно, что истоки корейской диаспоры СНГ уходят во 2-ю половину XIX в., когда корейцы из северных провинций Кореи в массовом порядке мигрировали на российский Дальний Восток. К 1930-му году здесь осело около 180-200 тыс. корейцев[1]. Именно эти переселенцы и их потомки образовали в дальнейшем корейскую диаспору Центральной Азии.

Первые корейцы появляются в Центральной Азии ещё в XIX в.[2] Но собственно корейская диаспора как массовое явление в Центральной Азии образуется в 1937 г., когда, согласно постановлению Сталина-Молотова, более 172 тыс. корейцев переселили в Казахстан и Узбекистан.

В Центральной Азии завершается становление новой субэтнической общности – корё сарам (этот процесс начался ещё в царской России). Корё сарам стали существенно отличаться от корейцев полуострова по:

→ языку;

[1] По вопросу иммиграции корейцев в царскую Россию существует обширная дореволюционная, советская и современная литература, основанная на огромном массиве архивных источников (Сон Ж.Г., Пак Б.Д., Бугай Н.Ф, Ким Ен Ун, Петров А.И., Кузин А.Т. и др.).

[2] См. [*Кан Г.В.,* 1995] История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. Г.В. Кан первым обнаружил пребывание корейцев на территориях современного Узбекистана, Казахстана и Киргизстана, зафиксированных первой всеобщей переписью населения Российской империи 1897 г. См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Спб., 1904-1905. Т. 81, 85, 86, 89.

→ образованию и менталитету;

→ мировоззрению, идеалам, ценностям;

→ поведению;

→ обычаям.

Их культурный фонд соткан из различных культур – корейской, русской, европейской, советской и центральноазиатской, будучи их синтезом, а их идентичность подверглась серьёзной трансформации.

Сегодня корёины – часть складывающейся корейской *мета-нации* [*Хан В.С.*: 2001, 2007; Khan V.: 2011, 2014, 2018]. *Мета-нация* – это интегральная совокупность генетически родственных, исторически принадлежащих к одной нации, но проживающих в различных государствах, этнических общностей (материнского этноса и субэтнических образований), чьи культуры сочетают общие и особенные черты и чья институциональная деятельность направлена на поддержание (а в идеале – укрепление) вертикальных и горизонтальных связей внутри этой совокупности[3].

Можно говорить и о формировании *наднациональной корейской общности*, мета-нации: корейцы Севера + корейцы Юга + корейские диаспоры. Конечно, принципиальным условием возникновения такой общности является улучшение отношений между Севером и Югом.

До конца 1990-х, говоря о корейской диаспоре Узбекистана, имелась в виду корейская диаспора в Узбекистане. Однако с начала 2000-х начинается миграция узбекистанских корейцев в Корею – брачная, образовательная, трудовая, сначала по визе H-2, потом и по другим визам. На сегодняшний день в Корее обосновались более 100 000 корёинов, преимущественно узбекистанских корейцев[4]. Ко-

[3] Данное определение – в последней редакции [*Хан В.С.* 2021, с. 64].

[4] По данным Министерства юстиции Республики Корея, численность русскоязычных корейцев в 2024 г. составила 112 634 человек, это каждый четвёртый корё сарам.

рейцы Узбекистана становятся не только частью корейской мета-нации, но и *транснациональной* общностью – людьми, живущими на два «дома», считающими и Узбекистан, и Корею своим домом.

Этот феномен ещё недостаточно осмыслен как в науке, так и на политическом уровне. В XX веке диаспоры были отколовшимися частями, проживавшими за пределами исторической родины и знавшими о ней только по воспоминаниям отцов и дедов. Сегодня же, в результате появившихся возможностей передвигаться и пересекать международные границы, бывшие эмигранты становятся частыми гостями на бывшей родине. Некоторые этнические сообщества равномерно распределены между несколькими государствами. В мире всё больше насчитывается людей, живущих на два дома и две страны [Минасян Л., 2006]. Миллион азербайджанцев, или полмиллиона армян, или сотни тысяч грузин, постоянно курсирующих между Россией и своими родинами, живущих по большей части «на два дома» – «это новая по своей природе диаспора, которая, возможно, заслуживает нового названия» [Арутюнов С.А., Козлов С.Я., 2005].

Такие общности с недавнего времени стали называть *транснациональными* (А.С. Ким, В.А. Тишков, Г. Шеффер). В.А. Тишков пишет: «На горизонте мы уже видим принципиально новые явления, которые невозможно осмыслить в старых категориях. Одно из таких явлений – это формирование транснациональных общностей за привычным фасадом диаспоры» [Тишков В., 2002, с. 60]. Это понятие «отражает явление, обнаружившееся в связи с изменением характера пространственных перемещений, новыми транспортными средствами и коммуникативными возможностями, а также характером человеческих занятий» [Там же].

О политических аспектах деятельности диаспор и создаваемых ими трансгосударственных сетей и систем коммуникаций говорит и Г. Шеффер [Шеффер Г., 2003, с. 166-167].

А.С. Ким различает этнические сообщества, включённые в глобальные миграционные процессы и не включённые. У тех, кто включён, появляется совокупность новых свойств – *транснациональность* [Ким А., 2006, с. 27]. Это:

– трансмобильность (пространственная мобильность, способность к различным видам транснациональной миграции);

– транскультурность (бикультурность, межкультурная коммуникация);

– трансгосударственность (трансгосударственные сети, объединяющие этнические общины диаспоры и сам государственнообразующий этнос);

– трансграничность (диаспоральное пересечение государственных границ и проживание на трансграничных территориях) [Там же, с. 31].

В связи с этими свойствами автор вводит понятие «пространство диаспоры». «Последнее, – пишет А.С. Ким, – включает в себя не только всю совокупность связанных генеалогий расселения, но и тех, кто остался на исторической родине, формируя тем самым трансгосударственные сети, объединяющие этнические общины диаспоры и сам государственнообразующий этнос» [Там же].

Так что же с корейцами? Уже более 100 тысяч из 500 тысяч курсируют туда-сюда. Пройдёт ещё некоторое время, и все корейцы СНГ превратятся в перекати-поле. Как их назвать – диаспорой? Тогда диаспорой чего они являются, находясь в Корее, и диаспорой чего они являются, находясь в Узбекистане или Казахстане?

В связи с этим встаёт вопрос об *исторической родине* корё сарам (корёинов).

Что касается самого понятия «историяеская родина», В.А. Тишков справедливо указывает на размытость данного понятия: «Обычно под "родиной" имеется в виду регион или страна, где сформировался историко-культурный об-

лик диаспорной группы и где продолжает жить основной культурно схожий с ней массив. Это своего рода штатная ситуация, но и она при ближайшем рассмотрении оказывается сомнительной» [Тишков В.А., 2002, с. 48]. И далее: «Одна и та же группа в зависимости от ситуации может считать "родиной" несколько мест, вернее, государств. <…> Главное – это сам момент ситуативности, т.е. определённого выбора в определённый исторический момент» [Там же].

Есть над чем подумать. Корейцы Центральной Азии единодушны в том, что их историческая родина – Корея. Но которая из двух? Абсолютное большинство корё сарам – потомки переселенцев из северных провинций неразделённой Кореи. Однако, их миграция сегодня в Южную Корею в поисках работы представляется как возвращение блудного сына – исторической родиной вдруг объявляется Южная Корея.

Если не вдаваться в этот нюанс, для корё сарам, проживающих в СССР/СНГ, Корейский полустров (Корея) был исторической Родиной. Но если они уже по 15-20 лет проживают в Корее, их дети ходят в детские сады и школы, то для них, родившихся в Узбекистане, а ныне живущих в Корее, *что является исторической Родиной*? Особенно в контексте того, что в Корее они как бы «чужие среди своих»? Не СССР ли и страны СНГ? И как назвать узбекистанских корейцев, ныне живущих в Корее? Думаю, корейской *диаспорой* (корё сарам, корёины) в Корее.

Известны русскоязычная еврейская диаспора в Израиле, диаспора русскоязычных немцев в Германии. Они даже стали там важной политической силой.

Несколько лет тому назад корейцы СНГ создали и зарегистрировали в Корее «Ассоциацию корё сарам (корёин) в РК», которая работает с различными государственными структурами. Как отмечает Ж.В. Тен, председатель Ассоциации коре-сарам в Республике Корея: «АКРК уже явля-

ется организацией с представительскими функциями, которую приглашают на диалоги на самом высшем уровне». [*Тен Ж.*, Российские корейцы. № 243, апрель, 2024, с. 5.]. В самой Корее принят Закон о зарубежных корейцах, а в 2023 г. создано Агентство по делам зарубежных корейцев (동포청) [*Тен Ж.*, Российские корейцы. № 241, февраль, 2024, с. 3.]. Каково отношение правительства Кореи и правительства Узбекистана к своим *соотечественникам*, корёинам (Корея), и к своим *согражданам* (Узбекистан)? Каково отношение Узбекистана и Кореи к *этническим узбекам*, находящимся в Корее, которые при определённых условиях могут оформиться в *диаспору*? И станут ли эти отношения частью межгосударственных отношений и внешнеполитических стратегий?

В 1990-х годах корейцы, проживавшие в Узбекистане, часто были мостом между двумя странами. Сегодня эту роль всё чаще выполняют не только они, но и корейцы Узбекистана, уже проживающие в Корее. Когда-то корё сарам занимали заметные позиции в советском обществе. Мне представляется, у них появилась возможность занять определённое место и в современном южнокорейском социуме. История (и миграция) корё сарам движутся по гегелевской спирали.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнов С.А., Козлов С.Я. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс // Независимая газета. 23 ноября 2005 г.
2. Кан Г.В. История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995.
3. Ким А.С. Транснациональность диаспоральных процессов // Научная мысль Кавказа. 2006. № 4.
4. Минасян Л. Сергей Арутюнов: «В мире всё больше людей, живущих на два дома и две страны» // Ноев Ковчег № 03 (97). Март 2006 года. [Электронный ресурс]. – URL: http://old.noev-kovcheg.ru/article.php?n=96&a=38 (13.06.2020).

5. Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2002. № 2.
6. Тен Жанна: у нас общий культурный бэкграунд // Российские корейцы. № 243, апрель, 2024 г.
7. Тен Ж. Встреча в интересах корё сарам // Российские корейцы. № 241, февраль, 2024 г.
8. Хан В.С. К вопросу об этнической идентичности корейцев: на пути к мета-нации // Материалы международной конференции «Корейская диаспора в ретро и перспективе». 13-15 июля, 2007, Алматы, 2007.
9. Хан В.С. Международное корейское сообщество: утопия или перспектива? // International Journal of Central Asian Studies. 2001. Vol. 6; Хан В.С. Историография корейцев Центральной Азии: основные направления и этапы развития. – Ташкент: Бактрия Пресс, 2021.
10. Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1.
11. Khan V. On the Way to a Korean Meta-Nation: Identity, Globalism and Glokalism // Glokal Culturalism in Neo-Northeast Asia. May 16-17, 2014. Chung-Ang University, Seoul, 2014.
12. Khan V. Korean Meta-Nation and the Problem of Unification // Research Methodology on the National Commonality. Proceedings of International Conference. – Seoul: The Research Center of the Humanities for Unification at Konkuk University, 2011.

LITERATURE

1. Arutyunov S. A., Kozlov S. Ya. Diaspory: skrytaya ugroza ili dopolnitelnyj resurs // Nezavisimaya gazeta. 23 noyabrya 2005 g.
2. Kan G. V. Istoriya korejtsev Kazahstana. – Almaty, 1995.
3. Kim A. S. Transnacionalnost diasporalnyh processov // Nauchnaya mysl Kavkaza. 2006. № 4.
4. Minasyan L. Sergej Arutyunov: «V mire vsyo bolshe lyudej, zhivushih na dva doma i dve strany» // Noev Kovcheg N 03 (97). Mart 2006 goda. [Elektronnyj resurs]. – URL: http://old.noev-kovcheg.ru/article.php?n=96&a=38 (13.06.2020).
5. Tishkov V. A. Istoricheskij fenomen diaspory // Etnograficheskoe obozrenie. 2002. № 2.
6. Ten Zhanna: u nas obshiy kulturnyj bekgraund // Rossijskie korejtsy. №243, aprel, 2024 g.

7. Ten Zh. Vstrecha v interesah koryo saram // Rossijskie korejtsy. №241, fevral, 2024 g.
8. Khan V. S. K voprosu ob etnicheskoj identichnosti korejcev: na puti k meta-nacii // Materialy mezhdunarodnoj konferencii «Korejskaya diaspora v retro i perspektive». 13-15 iyulya, 2007, Almaty, 2007.
9. Khan V. S. Mezhdunarodnoe korejskoe soobshestvo: utopiya ili perspektiva? // International Journal of Central Asian Studies. 2001. Vol. 6. Khan V. S. Istoriografiya korejcev Centralnoj Azii: osnovnye napravleniya i etapy razvitiya. – Tashkent: Baktriya Press, 2021.
10. Sheffer G. Diaspory v mirovoj politike // Diaspory. 2003. № 1.
11. Khan V. On the Way to a Korean Meta-Nation: Identity, Globalism and Glokalism // Glokal Culturalism in Neo-Northeast Asia. May 16-17, 2014. Chung-Ang University, Seoul, 2014;
12. Khan V. Korean Meta-Nation and the Problem of Unification // Research Methodology on the National Commonality. Proceedings of International Conference. – Seoul: The Research Center of the Humanities for Unification at Konkuk University, 2011.

СЕССИЯ 1:

ИСТОРИЯ

А.В. СОЛОВЬЁВ
Приглашённый преподаватель, департамент международных отношений, НИУ «Высшая школа экономики»,
заместитель главного редактора журнала «Россия в глобальной политике» (Россия)

«САМГУК САГИ» КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ: К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Летопись «Самгук саги (Исторические записи трёх государств)», составленная группой придворных историографов государства Корё под руководством видного царедворца, военачальника, дипломата и интеллектуала Ким Бусика (1075–1151) в середине XII в., описывает события на Корейском полуострове и вокруг него с I в. до н.э. по IX в. и во многом определяет сегодняшнее восприятие древней и раннесредневековой истории и культуры Кореи. Важность и аутентичность её как исторического источника уже практически не оспаривается, предметом дискуссии остаётся лишь уровень достоверности событий, сообщаемых летописцем, иными словами – степень его объективности.

Вообще, объективность любой истории (и как исторического нарратива, и – в меньшей степени – как инструмента познания прошлого) довольно давно ставится под сомнение. Известное высказывание историка-марксиста Михаила Николаевича Покровского о буржуазной историографии как «политике, опрокинутой в прошлое» [10, 5-6][1] стало крыла-

[1] Не известно, знал ли М.Н. Петровский о высказывании британского историка Эдварда Фримена (Edward Augustus Freeman) с тем же смыслом («History is past politics, and politics present history» – история есть политика прошлого, а политика – история настоящего), прозвучавшего в его вступительной речи на собрании Исторического общества в Бирмингеме 18 ноября 1880 г., а в его печатных трудах употреблявшегося и ранее [см. 19, 437-438].

тым и используется в отечественном кореееведении как самообъясняющий маркер политизированного (мифологизированного) исторического нарратива – не только модернного [см., например 3, 94], но и средневекового: «Историки [государства Корё] почти не сомневались, что политика и история – это одно целое: политика – это история настоящего, а история – это политика прошлого» [14, 334].

Однако параллельно сохраняется и другое, несколько стереотипное, сформировавшееся ещё в 50-80-х гг. XX в., и при этом внутренне противоречивое представление о конфуцианской историографии. С одной стороны, она понимается как процесс создания текста, претендующего на абсолютную историческую достоверность (с почти обязательной апелляцией к известному афоризму Конфуция «я излагаю, а не создаю»), а с другой – как тенденциозный нарратив, отражающий политические интересы господствующего класса или социальной группы. В рамках устоявшихся в отечественном востоковедении подходов это противоречие неразрешимо, и текст любой летописи всегда будет в той или иной мере априори недостоверным, а задача исследователя будет сводиться к работе детектива – разоблачению фальсификаций и восстановлению умолчаний.

Оба этих тезиса в отношении «Самгук саги» воспроизводятся в кореееведении который десяток лет: «…рациональное изложение [истории] Ким Бусиком в *Самгук саги*» [16, 9], «…сухой[2] конфуцианский рационализм *Самгук саги*» [9, 27], «…рациональная, политизированная *Самгук саги*» [22, 4][3].

[2] Лапидарным (*terse*) называет «нарратив Ким Бусика» и Ричард МакБрайд [21, 528], однако это определение имеет иную коннотацию: terse – это не только «лаконичный», но и «выразительный», а в прошлом – ещё и «изящный».

[3] Правда, во вступительной статье к англоязычному переводу «Основных записей Силла», вышедшей через 8 лет после цитируемой статьи, он вместе со своим коллегой Кан Хиуном (более известным по своему англоязычному имени Hugh H. W. Kang) оценивает «Исторические записи» иначе, оперируя теми же терминами, что и Кьяра Боттичи: «[Нечто куда] большее, чем просто "конфуцианско-рационалистическая" история, «Самгук саги» ***передаёт ощущение трагизма***

Вполне вероятно, что этим консенсусом мы обязаны ещё Гегелю, который определял конфуцианский летописный канон (и, соответственно, традиционное представление об истории в Китае) как текст объективистский, «обнимающий собой лишь совершенно определённые факты без всяких суждений и рассуждений» [1, 176].

Это противоречие усугубляется тем, что в конфуцианской историографии сама постановка задачи представить историю как своего рода морально-этический камертон политических решений прошлого для применения в настоящем делает – якобы – такое изложение необъективным [21, 503].

Эдвард Шульц называет «Самгук саги» «политизированной» историей [22, 4]. М.Н. Пак – «тенденциозным произведением», в котором предвзятый подход автора выражается как содержательно, так и структурно: «Несмотря на кажущуюся объективность, "Исторические записи трёх государств" – произведение тенденциозное, проникнутое идеологическими устремлениями, выраженными не только в авторских отступлениях, …но и всем построением этого сочинения» [8, 11][4]. Другой выдающийся отечественный

жизни (выделение моё – *А.С.*). Ким Бусик обладал ***чутьём к драматическому*** (выделение моё – *А.С.*), пониманием быстротечности жизни (ведь он был буддистом) и неизменным сочувствием к человеческой судьбе. Хотя мы часто можем сомневаться в абсолютной точности описаний Ким Бусика (он редко ссылается на свои источники) там, где другие истории предлагают лишь «пыль и кости» и лишены человеческого драматизма, «Основные записи Силла» дают ощущение ***человеческой значимости*** (выделение моё – *А.С.*) Древней Кореи» [23, 8–9]. Ремко Брёкер же считает, что оценка Ким Бусика как «рационального конфуцианца» грешит редукционизмом [14, 324].

[4] Правда, во вступительной статье ко второму тому «Самгук саги» выдающийся отечественный кореевед утверждает (применительно к комментарию Ким Бусика о необходимости сохранять доконфуцианскую титулатуру корейских ванов в летописи) нечто почти противоположное: «Ким Бусик не хотел искажать историю даже во имя конфуцианских принципов» [9, 20]. Это замечание предполагает, что конфуцианский историографический канон не просто не был позитивистским и объективистским, но, напротив, даже предполагал намеренно искажённое изложение истории. А кроме того, оно иллюстрирует наш тезис о том, что вне феноменологической оптики мифа подобные противоречия неизбежны и неразрешимы.

кореевед Дмитрий Дмитриевич Елисеев утверждал (вслед за корейском исследователем Чо Донилем), что Ким Бусик «вольно или невольно исказил и смысл, и букву первоисточников» [2, 79], «исправляя» и редактируя более ранние исторические сочинения (прежде всего «Старую историю Трёх государств») «в связи и в соответствии с насущными идеологическими задачами своего времени» [2, 76].

Однако есть и не менее авторитетные противоположные мнения. Так, Ричард МакБрайд замечает, что сама структура «Ши цзи» (на которую – как и на принципы составления «Синь Тан шу» – во многом опирался Ким Бусик), обеспечивает достаточно высокий уровень объективности, недостижимый при этом в рамках «чистой» хроники. Ключевым элементом этой структуры, обеспечивавшим объективность изложения, становилась возможность сопоставлять информацию, изложенную в разных разделах летописи: «…Сыма Цянь часто освещал одно и то же историческое событие с разных точек зрения различных персонажей, связанных с этим событием, так что внимательный читатель получал более полное и нюансированное представление об истории» [21, 503]. Уверен в надёжности и общей объективности официального летописания в Корё и Ремко Брёкер: «Официальные истории, созданные теми, кого можно назвать профессиональными историками, основывались на надёжных, проверенных временем и эмпирически обоснованных методах и опирались на авторитетные источники…» [15, 58]. Вместе с тем он же, опираясь на положения Джона Армстронга о конструирующих политических мифах – «мифомоторах» [12], утверждает, что между историографией и мифом существует неразрывная взаимообусловленность: «Историография Корё оказала сильное влияние на формирование и развитие идеологий Корё и связанных с ней мифомоторов, одновременно подвергаясь их влиянию» [14, 322; 15, 84].

До абсолюта доводит тезис об объективизме японский историк и культуролог Сато Масаюки: «…восточноазиатская историография на феноменологическом уровне была привержена объективистскому методу историописания, который требовал "описывать прошлое таким, каким оно было"» [20, 219].

Представляется, что разрешить такое противоречие можно как раз на феноменологическом уровне, приняв за основу философскую концепцию политического мифа, разработанную итальянским философом Кьярой Боттичи.

Если понимать историю не только как последовательность (или хронологический ряд) исторических событий, а историографию – не только как рассказ об этом ряде (то есть текст), но как исторические (общественно-политические) *процессы*, то и политический миф также можно представить не только как повествование, но как процесс. Именно этот шаг сделала Кьяра Боттичи, опираясь на концепцию Ханса Блюменберга (и существенно доработав её) о «работе над мифом» (*Arbeit am Mythos*). Боттичи выделяет четыре фундаментальных особенности этой работы, которые одновременно являются её признаками и её содержанием: «1) миф оперирует образными средствами; 2) он не ограничен определённым набором содержания; 3) он развивается вокруг повествования (нарратива); 4) он обеспечивает то, что Блюменберг назвал "значимостью"» [13, 12–13].

Следовательно, для выяснения уровня сопряжения «Самгук саги» с политическим мифом, необходимо: 1) выявить образные средства, которые используются в летописи; 2) показать, что содержание «Самгук саги» не ограничено определённым набором (методом, каноном)[5]; 3) показать особенности исторического нарратива «Самгук саги»; 4) выявить, что из того, что было значимо для корейцев в период Трёх госу-

[5] Или же продемонстрировать, что историографический канон не отторгает миф.

дарств посчитал значимым Ким Бусик). При этом нельзя забывать, что политический миф как работа над мифом – это не объект, не исторический текст, а процесс работы над этим текстом. Если само создание конфуцианского исторического текста – и его дальнейшее использование (прочтение, применение, обсуждение, критика и т.д.) – могут быть описаны как работа над мифом, то в самом тексте должны сохраниться следы этой работы, поскольку «Самгук саги» хотя и самая древняя из дошедших до нас корейских летописей, летописная традиция на Корейском полуострове сложилась за несколько веков до Ким Бусика, и он, разумеется, пользовался её плодами. Более того, если в тексте (и в процессе составления) «Самгук саги» обнаружатся признаки работы над мифом, то не будет ли это означать, что эта работа началась ещё до Ким Бусика – и он просто продолжил её?

Здесь мы сконцентрируемся прежде всего на особенностях нарратива «Самгук саги» и на тонкостях интерпретации историографического канона.

Важной особенностью мифа (любого, не только политического) является его полифония (Ботттичи называет её «политеистической природой» [13, 243]). Во-первых, работа над мифом предполагает участие множества субъектов, представления о значимости у которых могут различаться в разных обстоятельствах места-времени: «Люди нуждаются в именах, чтобы ориентироваться в мире, но они также нуждаются в значимости, чтобы жить в мире, менее безразличном к ним» [13, 131]. Во-вторых, мифы могут состоять (и часто состоят) из разрозненных мифологем, воплощающих различные образы, мечты и сюжеты. Эта множественность «историй может обернуться признанием того, что не существует общей истории, которую можно было бы рассказать» [13, 242]. Но миф – именно в силу своей полифоничности – также способен «переплавить», переосмыслить эти разрозненные сюжеты в единое повествование (в котором

полифония будет сохраняться). «Самгук саги» – это сплав как минимум трёх историй, каждая из которых рассказывает свою версию событий.

Эта способность мифа объединять – при определённых условиях и на определённое время – разрозненные повествования в единый нарратив и разные представления о значимости в общий порыв к действию делает миф одной из возможных основ групповой идентичности. «Миф… может быть одним из средств, с помощью которых единый нарратив, объединяющий все различные элементы, составляющие общую идентичность, признаётся и принимается множеством живых, действующих, повествующих тел. Миф – это нарратив, который может сконцентрировать и обеспечить *значимость*…» [13, 243] для определённой социальной группы в определённом месте и времени[6].

Если подобная плюралистическая (разнородная, полифоническая, но гармоничная в своей разнородности и поэтому единая) идентичность складывалась в период Трёх государств и – по убеждению Ремко Брёкера – сложилась в Корё [14], то этот процесс (или его следы) неминуемо должен был отразиться в тексте «Самгук саги». И если её признаки удастся обнаружить в тексте, это будет свидетельствовать о том, что «Самгук саги» была и результатом, и средством (и процессом) работы над мифом.

Боттичи имплицитно и эксплицитно постулирует, что работа над мифом как реакция на изменения окружающей группу политической, культурной или экономической среды сопровождается формированием ***новых*** запросов, которые и воплощаются в политическом действии, направленном на изменение социально-политических условий су-

[6] Это означает также, что исторический текст при каких-то обстоятельствах может становиться мифом, а при каких-то – нет; такие обстоятельства необходимо попытаться выявить, исходя из представлений о том, что было значимым для корейцев в тот или иной период и насколько это отражалось в тексте.

ществования этой группы: «Именно в свете постоянных изменений своих текущих условий люди вынуждены возвращаться к своим политическим нарративам, пересматривать их в свете ***новых потребностей и требований*** (выделение моё – *А.С.*) в процессе их восприятия или, если это невозможно, отказываться от них» [13, 179]. Но политическое действие как реакция на изменившиеся обстоятельства может быть направлено не только на изменение политического положения или политических условий – но и на восстановление прежних (или даже на сохранение текущих, если изменившиеся обстоятельства только *угрожают* изменить эти условия и эта угроза осознаётся).

Разумеется, в попытках сохранить или восстановить традицию социальная группа также может меняться (даже если целью политического действия было противодействие переменам и сохранение текущего статуса). Этот процесс можно объяснить тем, что работа над мифом может вестись как сознательно и целенаправленно, так и неосознанно: «Концепция значимости избегает большинства дихотомий, созданных мышлением эпохи Просвещения: "миф" против "рационального разума"; "страсть" против "рассудка"; "сознательное" против "бессознательного". Мифы могут быть усвоены как путём сознательного обучения, так и путём бессознательного взаимодействия с ними» [13, 137]. Боттичи не даёт строгого определения значимости, в некотором смысле воспроизводя приём А.Ф. Лосева, который он использовал для определения мифа в «Диалектике мифа»: она последовательно отсекает то, что значимостью не является и уточняет или распространяет то, что может иметь к ней отношение, начиная с основной функции мифа – поименования мира. Таким образом, первый атрибут значимости – обозначение того, что прежде обозначено не было.

Поименование дотоле неизведанного вызывает к жизни целую сеть смыслов – контекст: «Назвать неизвестное

означает не только сделать незнакомое знакомым. Это ещё и способ обеспечения ориентации. Имена – это смыслы, а смыслы – это смыслы в контексте смыслов; они напоминают о других смыслах и, таким образом, создают целую сеть, которая направляет действие» [13, 117]. Имена, заполняя существовавшую до них пустоту неизвестности, придают чувство уверенности в постоянно изменяющихся обстоятельствах, которые требуют под них подстраиваться [13, 118][7]. Миф, таким образом, позволяет противостоять «абсолютизму реальности» (то есть хаосу) [13, 122] или «безразличию окружающего мира» [13, 125]. Иными словами, значимость – своего рода ингибитор страха перед окружающим миром, способ определить своё место в нём и модальность отношений с ним.

В рамках этой контекстной сети человек обретает способность к интерпретации, поскольку «люди не только изменяют, по крайней мере в определённой степени, условия своего существования, но и ставят их под сомнение. Именно из этих вопросов проистекает потребность в значимости и возникает работа над мифом» [13, 124]. Сомнение требует, чтобы его разрешили (иначе ни о каком чувстве уверенности не может быть и речи).

Как справедливо заметил антрополог Джонатан Фридман, история – даже самая объективистская, в духе Леопольда фон Ранке – создаётся «в определённом контексте и является проектом особого рода» [18, 194][8]. Эта мысль созвучна идее Алексея Фёдоровича Лосева: «Историческое зрение обобщает… факты и видит их *in specie* (в частности, т.е. –

[7] Это любопытный пример характерного для дальневосточной философии доведения понятия до своего предела, при котором происходит его обращение в собственную «противоположность».

[8] Впрочем, для Ремко Брёкера «объективизм» историографии в том смысле, в котором его использовали последователи фон Ранке, является искажением; с его точки зрения, для конфуцианских историографов такая концепция историописания была бы бессмысленной [14, 62].

специфическим образом). Этот подвижной «специес» (иными словами – партикуляризм, специфичность – *А.С.*) и есть подлинный предмет истории» [6, 263]. Внимание к фактам и опора на факты сами по себе не могут гарантировать абсолютное отсутствие искажений, поскольку «само понятие факта всегда подразумевает процесс отбора, выбора и организации, так что становится трудно определить, где начинается искажение и могло ли оно не произойти» [13, 217–218]. Развивая эту мысль, Кьяра Боттичи уточняет, что профессиональный историк (современный, во всяком случае), в своей работе опирается на метод – набор более или менее стандартизированных правил и приёмов, которые определяют, насколько корректно воспринят, интерпретирован и изложен материал [13, 217]. Это, с её точки зрения, отличает историка от мифотворца, поскольку «никакого "мифологического метода" не существует и не существовало» [13, 218]. Иными словами, мифотворец творит миф свободно, не руководствуясь (по крайней мере, целенаправленно) предустановленными лекалами, историк же – как и хроникёр, летописец и историограф – в той или иной мере ограничен.

На первый взгляд, это опровергает саму возможность применения философии политического мира к оценке конфуцианской историографии, которая опиралась на метод историописания, разработанный самим Конфуцием.

Одним из важнейших элементов этого канона является, безусловно, ритуал, призванный упорядочить хаотичный мир, привнести в него иерархию и мораль. Боттичи уделяет этому вопросу особое внимание, разделяя миф и ритуал как в феноменологическом, так и в функциональном смысле. «Мифы, – пишет она, – это действительно признак работы над мифом, которую стимулирует необходимость обеспечить значимость в постоянно меняющихся обстоятельствах, и поэтому она должна быть постоянно доступна для пересказывания. Ритуалы, напротив, – это буквально то, что "сде-

лано верно" или "по правилам" – от латинского *rite*. Поэтому, чтобы быть эффективными для сплочения социальной группы, миф и ритуал должны действовать в противоположных направлениях: ритуалы должны оставаться неизменными, в то время как мифы должны постоянно меняться» [13, 129]. Чуть дальше она добавляет: «Проще говоря, политический миф выражает себя через варианты, политический ритуал – через фиксированные правила» [13, 158].

Ритуал – и конфуцианский в том числе – действительно имеет формализованный и нормативный характер. Однако нормативность конфуцианского ритуала даже в феноменологическом смысле не означает его статичности (как это видится у Боттичи): «…ритуал непременно укоренён в великом едином. [Оно] делится и созидает Небо и Землю, вращается и создаёт *инь* и *ян*, изменяется [во взаимном переходе противоположностей] и создаёт четыре времени года, разделяется и создаёт души и духов. Им (ритуалом) сниспускаемое [с Неба] называется судьбой, подражает он (ритуал) Небу» [5, 114]. «Подражая Небу», ритуал не столько противополагается изменчивости, сколько постоянно и неразрывно взаимодействует с ней.

Важным отличием традиционного дальневосточного ритуала от «правил-ритуалов» европейской античности представляется соотношение между «внешним» и «внутренним» действием. «Конфуцианство настаивало на публичности морального действия, так что ревностные его поклонники, даже находясь в одиночестве, "держались так, словно принимали почётных гостей". Но его отличает акцент на интериоризации морального идеала, "глубоком уединении" идеального человека» [7, 12]. Интериоризация и есть внутренняя работа, которую вполне можно отождествить с высшей формой недеяния, признаваемой и уважаемой в конфуцианстве: "Управляющий [Поднебесной] при помощи недеяния *у вэй*, // Не Шунь ли это?.."» [4, 313].

Справедливости ради, Кьяра Боттичи упоминает особое условие, частный случай, при котором происходит своего рода сопряжение мифа и ритуала. Такое случается, когда миф – в интерпретации Мирчи Элиаде, развивающей тезис Ницше, – отождествляется с идеей о вечном возвращении [17]. Такой миф «подобно ритуалу, фиксирует образец для каждого человеческого поступка, чтобы обеспечить аисторическую и атемпоральную модель. К этой модели общество может обращаться каждый раз, когда встречается с тем, для чего эмпирический опыт не дал ориентиров» [13, 128].

Действительно, фундаментальная основа конфуцианской морально-этической системы (и конфуцианской историографии) – чжоуский ритуал, а ключевая цель и задача – его восстановление или возврат к нему: «Оценивая все добавления и упущения [в обрядах] эпох Инь и Ся, Конфуций сказал: "По ним можно познать [состояние обрядов] за сто следующих поколений, когда выходят [на первый план] то внешняя форма, то подлинная суть. Всё лучшее, что было в обрядах двух предыдущих эпох – Ся и Инь, – восприняла династия Чжоу. Поэтому столь блестяща в них внешняя форма! Я следую обрядам чжоуской династии"» [11]. Однако аисторическим и атемпоральным (то есть неизменно готовым к применению в устоявшейся форме в любой момент времени без учёта контекста) чжоуский ритуал остаётся разве что в идеальном толковании «Лунь юй». В идейной реальности китайской философии этот догмат едко высмеивается, например, в «Чжуан-цзы», где приверженность Конфуция отжившей и более неактуальной традиции аллегорически уподоблялась фетишизму [7, 148], ведь «ритуалы, законы, понятия долга и меры меняются со временем» [7, 148].

Вообще, область нравственного, морально-этического – наиболее благоприятная среда для сопряжения исторического нарратива и мифа. В отличие от хрониста, фиксировавшего, с опорой на ритуальные нормы, события по мере их происхождения, летописец уже знал итоги предшество-

вавшего ему правления и стремился объяснить этот известный ему исход, оперируя материалом хроник. Для того, чтобы такое объяснение дать, он опирался на морально-этическую систему добродетелей и пороков. Таким образом, сама задача составления летописи подразумевала выделение ключевых героев, организацию сюжета со всеми его необходимыми структурными элементами, необходимость её завершения и – обязательно – выведения морали. «Требование завершённости исторического повествования – это, полагаю, запрос на моральный его смысл, запрос на оценку последовательности реальных событий с точки зрения их *значимости* как элементов *моральной драмы*» [24, 21]. Хейден Уайт имел в виду европейские исторические нарративы XIX в., но это описание вполне подходит и для дидактических конфуцианских летописей, центральными персонажами которых были правители, царедворцы, герои, философы, поэты, узурпаторы, мятежники, убийцы и другие яркие личности, а моральная драма всегда (или почти всегда) составляла идейную основу сюжета.

Подходит оно и для описания «Самгук саги». «Я бы сказал, – деликатно замечает Ричард МакБрайд, – что Ким Бусик и его команда допускали значительные литературные вольности, не позволяя фактам помешать рассказать хорошую историю с доброй моралью» [21, 502]. В этом свете «Исторические записи Трёх государств» предстают не такими уж «сухими» и «рациональными».

В принципе, Боттичи принимает, что в некоторых случаях[9] сопряжение политического мифа и исторического нар-

[9] Существуют и более радикальные обобщения. Так, Джонатан Фридман считает любую историю (историческое сочинение) мифологическим конструктом, в котором репрезентация прошлого подчинена утверждению идентичности в настоящем. Так, «объективистская история обязательно должна создаваться в контексте определённого типа самосознания, основанного на радикальном отделении субъекта от любой конкретной идентичности; такое самосознание объективирует и текстуализирует реальность» [18, 194]. И в этом смысле разницы между мифом и историей нет: «общепринятое понимание истории как потока событий или временного континуума, эмпирическое существование которого

ратива возможно: «Если политические мифы – это работа над нарративом, отвечающим на потребность в значимости, а исторический нарратив также отвечает на "запрос на оценку последовательности реальных событий с точки зрения их значимости как элементов моральной драмы", то, кажется, между ними нет никакой разницы» [13, 213]. Полному совпадению политического мифа и исторического нарратива в случае с конфуцианским летописанием препятствует, пожалуй, то, что политический миф требует конкретных «внешних» действий здесь и сейчас, а конфуцианский канон предполагает более нюансированную, «внутреннюю» работу над мифом через самосовершенствование. В дальневосточной политической культуре складывается «оппозиция канона и толкования» [7, 4], за счёт разрешения которой и происходит работа над мифом, одну из ключевых ролей в которой играет летописец, всегда остающийся интерпретатором.

Подводя промежуточный итог обсуждению соотношения между конфуцианским летописным каноном и мифом, можно сделать несколько наблюдений. Представляется, что тезис Сато Масаюки о феноменологическом объективизме дальневосточного канона по своему духу тождественен обобщению Фридмана о том, что любая история является мифологическим конструктом. В обоих случаях происходит абсолютизация характера историографии (у Сато – объективистского, у Фридмана – партикуляристского), отбрасывающая многие важные нюансы. В результате мифологизируется сам тезис.

Если история, как полагает Сато, и воспринималась на традиционном Дальнем Востоке как неизменная основа бытия, то не потому, что неизменным оставался текст сам по себе, сколько потому, что неизменными в основе своей

не вызывает сомнений, становится, в свою очередь, мифологией – или, скорее, своеобразным мифом Западного общества» [18, 206]. Боттичи справедливо указывает, что Фридман универсализирует на основе всего двух примеров, в которых исторические и мифические нарративы действительно совпадают [13, 214].

должны были оставаться добродетели, которые он описывал. Более того, подобный ригоризм, как уже указывалось, вряд ли был свойственен очень полифоничной и синкретической философии раннеимперского Китая. Если такой подход и утвердился, то, скорее всего, много позже – в XII-XIII вв. с оформлением и утверждением ригористского и авторитарного неоконфуцианства.

Та же полифония (политеизм), что отобразилась в тексте «Самгук саги», позволяет скорректировать и утверждённую Кьярой Боттичи (вслед за Блюменбергом) максиму о том, что «никакого «мифологического метода» не существует и не существовало» [13, 218]. Скорее, стоит говорить о том, что не существует единого, универсального метода создания («сочинения») политического нарратива, который одновременно является средой бытования мифа, движителем и полем для работы над мифом. Однако, сохраняя оптику политического мифа, мы можем изучать способы создания исторического нарратива, в котором антропологические и культурные мифологемы, легенды и предания, не обязательно имеющие политическую природу, взаимодействуют друг с другом, с историографом и его читателями (то есть с обществом), «историзируясь» и политизируясь. Таким образом, исторический нарратив, исторический текст становится одновременно средой бытования мифа, движителем и полем для работы над мифом.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Гегель Г. Лекции по философии истории. – СПБ.: Наука, 2000. Hegel G.W.F. Lektsii po filosofii istorii [Lectures on Philosophy of History]. St.-Pb, Nauka. 2000.
2. Елисеев Д.Д. Заметки о Ким Пусике // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 2, СП6. 1997. Eliseev D. Zametki o Kim Pusike [Notes on Kin Pushik]. Proceedings of the Center for Korean Language and Culture. Issue 2. St.-Pb. 1997.

3. Иванов К.В. История колониальной Кореи: политика, опрокинутая в прошлое // Корейский полуостров в эпоху перемен. – М.: ИДВ РАН, 2016. – С. 94-103. Ivanov K.V. Istoriya kolonial'noj Korei: politika, oprokinutaya v proshloe [The History of the Colonial Korea: Politics Projected into the Past] // KOREAN PENINSUALA IN THE EPOCH OF CHANGES. Moscow, IFES RAS. 2016.
4. Конфуций. Лунь Юй. Суждения и беседы / Пер. с кит. В.В. Башкеев. – М.: АСТ: ОГИЗ, 2023. Confucius. Lunyu (Analects). Russ. Transl. by V.V. Baskkeev. Moscow. AST: OGIZ. 2023.
5. Лукьянов А.Е. «Ши цзин»: архетип конфуцианской культуры и философии // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. – 2014. – Т. 1, № 4. – С. 109-130. Lukyanov A.E. «Shi czin»: arhetip konfu-cianskoj kul'tury i filosofii [Shijing: an archetype of Confucian culture and philosophy] // Chelovek I kultira Vostoka. Issledovaniya i perevody. 2014. Vol 1, No. 4. Pp. 109–130.
6. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: АСТ, 2023. – 448 с. Losev A.F. Dialektika mifa [Dialectics of Myth]. Moscow: AST. 2023.
7. Малявин В.В. Мудрость «безумных речей». Предисловие к: Чжуан-цзы. Ле-цзы / Пер. с кит., вступ. ст. и примеч. В.В. Малявина. – М.: Мысль, 1995. – 439 с. Malyavin V.V. Mudrost' "bezumnyh rechei" [Wisdom of "mad speeches"]. Preface to: Zhuang-tzu. Le-Tzu / Transl. from the Chinese, intro. and notes by V.V. Malyavin. – Moscow: Mysl, 1995. – 439 p.
8. Пак М.Н. Предисловие к: Ким Бусик. Самгук саги. Летописи Силла. / Изд. текста, пер., вступ. ст. и коммент. М.Н. Пака. – М.: Вост. Лит., 1959, 2001. Pak M.N. Introduction to: Kim Busik. (2001(1959)). Samguk sagi. Annals of Silla. Trans., introduction and annotations by Mikhail N. Pak Moscow: Vost. Lit.
9. Пак М.Н. Ким Бусик как историк. Вступ. ст. в: Ким Бусик. Самгук саги. Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы. / Изд. текста, пер., вступ. ст. и коммент. М.Н. Пака. – М.: Вост. Лит., 1995. Pak M.N. Kim Busik kak istorik [Kim Busik as a historian]. Introduction to: Kim Busik. Samguk sagi. Chronicles of Goguryeo. Chronicles of Baekje. Chronological tables. / Ed. text, per., intro. and comment. M.N. Pak. – Moscow: Vost. Lit., 1995.
10. Покровский. М.Н. Общественные науки в СССР за десять лет. Доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г. // Вестник Коммунистической академии. Книга XXVI (2). – М., 1928. Pokrovsky. M.N. Obshchestvennye nauki v SSSR za desyat' let [Social sciences in the USSR for ten years]. Report at the Conference of Marxist-Leninist Institutions on March 22, 1928 // Bulletin of the Communist Academy. Book XXVI (2), M., 1928.

11. Сыма Цянь. Исторические записки, Том VI. М. Восточная литература. 1992. – URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Syma_Tsjan/Tom_VI/frametext47.htm (дата обращения: 22.10.2023). Sima Qian. Historical Notes, Vol. VI. Moscow. Oriental Literature. 1992.

In English

12. Armstrong, John. Nations before nationalism. Chapel Hill: University of Carolina Press, 1982.
13. Bottici Ch. A Philosophy of Political Myth. Cambridge University Press, 2007.
14. Breuker, Remco E. Establishing a Pluralist Society in Medieval Korea, 918-1170. History, Ideology, and Identity in the Koryŏ Dynasty. Brill's Korean Studies Library. 2010.
15. Breuker, Remco E. Writing History in Koryŏ: Some Early Koryŏ Works Reconsidered. Korean Histories 2, no. 1 (2010): 57–84.
16. Ch'oe, Yŏng-ho. 1980. An Outline History of Korean Historiography. Korean Studies, Vol. 4.
17. Eliade, M., 1954. The Myth of the Eternal Return, or Cosmos and History. Princeton, Princeton University Press.
18. Friedman, J., 1992. Myth, History, and Political Identity // Cultural Anthropology, 7, 2.
19. Herman Paul, 'History is past politics, and politics present history': When Did E. A. Freeman Coin This Phrase? // Notes and Queries, Vol. 62, Issue 3, September 2015. – https://doi.org/10.1093/notesj/gjv069
20. Masayuki Sato. The Archetype of History in the Confucian Ecumene // History and Theory. – May, 2007. – Vol. 46, No. 2. – Pp. 218-232. – doi: 10.1111/j.1468-2303.2007.00403.x
21. McBride Richard D., II. The Structure and Sources of the Biography of Kim Yusin // Acta Koreana. – 2013. – Vol. 16. – No. 2, P. 528.
22. Shultz, Edward J. 2004. An Introduction to the Samguk Sagi. // Korean Studies 28: 1-13.
23. Shultz, Edward J., and Hugh H. W. Kang, trans. 2012. The Silla Annals of the Samguk sagi. Introducion.
24. White, H. The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1987.

Н.Э. КАРИМОВА
Доктор исторических наук, профессор, Ташкентский государственный университет востоковедения (Узбекистан)

К ИСТОКАМ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОРЕЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Аннотация. В статье исследуется история становления государственного образования для девочек и молодых женщин в Корее в конце XIX – начале XX вв. В Корее в конце XIX в. впервые в истории страны в протестантских миссионерских школах было организовано образование для девочек и женщин. Школы продолжали играть ключевую роль в образовании корейских женщин в первой половине XX в. Если в Китае к началу XX в. всё же были образованные женщины, которые могли принять участие в публичных выступлениях и других национальных мероприятиях, то число образованных женщин в Корее оставалось очень небольшим на протяжении всей колониальной эпохи.

Ключевые слова: Корея, миссионеры-протестанты, протестантские школы, колониальный период, государственные школы, реформа образования, женское образование.

Annotation. The article examines the history of the formation of public education for girls and young women in Korea in the late XIX – early XX centuries. In Korea at the end of the XIX century for the first time in the history of the country, education for girls and women was organized in Protestant missionary schools. Schools continued to play a key role in the education of Korean women in the first half of the twentieth century. If in China by the beginning of the XX century, however, there were educated women who could take part in public speeches and other national events, the number of educated women in Korea remained very small throughout the colonial era.

Keywords: Korea, Protestant missionaries, Protestant schools, colonial period. public schools, education reform, women's education.

В Корее во времена династии Чосон (1392–1910), хотя небольшое число женщин, в основном из высшего класса, занималось писательской деятельностью, число образованных женщин было незначительным, и не было никакой формальной системы образования для девушек и женщин[1].

В протестантских миссионерских школах в конце XIX в. впервые в истории Кореи было организовано образование для девочек и женщин, и, что более важно, школы продолжали играть ключевую роль в образовании корейских женщин в первой половине XX в.[2]

В отличие от Китая, в Корее связь христианства и женского движения была исключительно тесной. Большинство феминисток в Китае не были христианами, более того, в этих странах христианство иногда упоминалось как консервативная сила, которая препятствовала феминистскому движению.

В Корее же, наоборот, большинство женщин получили образование в христианских миссионерских школах, и позднее они сформировали ряды первых профессиональных женщин в Корее, став таким образом символом современных корейских женщин.

Прибытие американских протестантских миссионеров в Корею в 1885 г. совпало с периодом *Просвещения* в Корее. Последующее взаимодействие между миссионерами и корейскими интеллектуалами, ориентированными на Просвещение при проведении институциональных реформ, имело решающее значение для корейских женщин в области образования, семьи и их занятости.

Корейцы рассматривали американских миссионеров как

[1] Chon Sin-yong. Han'guk ui kyubang munhwa (Внутренняя культура Кореи). – Seoul: Pagijong, 2005.

[2] Choi Hyaeweol. Gender and Mission Encounters in Korea: New Women, Old Ways. – Berkeley-Los Angeles, California: University of California Press, Ltd., 2009. – P. 9.

потенциальных союзников в антияпонском движении, что открывало миссионерам особые возможности для их миссионерской деятельности.

Американские женщины-миссионеры искренне полагали, что христианство было главной причиной «продвинутого» статуса женщин на Западе. С их точки зрения, жизнь «языческих» корейских женщин была весьма плачевной, и жёсткая критика жалкой и «отсталой» жизни женщин в Корее базировалась, в основном, на низком уважении со стороны мужчин и общества в целом, отсутствии элементарной гигиены и на невозможности получения образования.

Консервативные взгляды миссионеров на гендерные отношения неожиданно позволили завоевать доверие и поддержку со стороны корейской общественности, которая боялась, что миссионеры могут вестернизировать корейских девушек, а те, в свою очередь, станут игнорировать местные обычаи. С другой стороны, подобная гендерная политика также препятствовала усилиям «новых» корейских женщин, активно стремившихся покончить с традиционными гендерными стереотипами.

Всё же миссионеры внесли значительный вклад в появление первого поколения образованных женщин в Корее. Уже в 1910-х гг. появилась значительная группа образованных корейских женщин, выдвинувших свои новые представления о современной корейской женщине.

После того, как Китай был побеждён Японией в китайско-японской войне и подписал Симоносекский договор, официально положивший конец подданническим отношениям между Китаем и Кореей, существовавшим веками, господство китайской цивилизации начало рушиться в глазах корейцев[3].

Постепенно Запад становился для Кореи новым центром

[3] Schmid Andre. Korea between Empires, 1895-1919. – New York: Columbia University Press, 2002. – P. 55-100.

цивилизации. Децентрализация Китая в этот конкретный исторический момент имела серьёзные последствия для старых и новых гендерных отношений. Реформа 1894 г. была одной из первых политических попыток повысить роль корейских женщин[4]. Печатные СМИ сыграли важную роль в пересмотре существовавших традиционных представлений о роли мужчин и женщин в корейском обществе. Постепенно идеи о гендерном равенстве, образовании женщин и роли женщин в обществе вне семьи стали приобретать всё большую актуальность.

Одной из самых шокирующих реалий, с которым первые миссионеры столкнулись в Корее, было «уединение» женщин. Как выразилась миссионерка Джулда Хейнинг, «молодые женщины Кореи заметны своим отсутствием» в публичном пространстве[5].

Для миссионеров широко распространённая в Корее практика разделения полов была яркой иллюстрацией шокирующе угнетающего образа жизни, который вели корейские женщины. Они отмечали, что «все корейские дамы (кроме танцующих девушек) находятся в строжайшем уединении, а женские покои закрыты с передней стороны дома и имеют двойные ставни для окон[6].

Ещё во время династии Корё (918–1392) женщины могли свободно ходить в совместные с мужчинами походы, посещать в буддийские храмы, общаться с мужчинами на улицах. Только династия Чосон (1392–1897) ограничила мобильность женщин и запретила прямые контакты с мужчинами, за исключением членов семьи. Эта недавно построенная гендерная граница была частью «конфуцианской трансформации Кореи» во времена династии Чосон, которая приня-

[4] Choi Hyaeweol. Gender and Mission Encounters in Korea: New Women, Old Ways... – P. 14.
[5] Там же. – P. 45.
[6] Choi Hyaeweol. Gender and Mission Encounters in Korea: New Women, Old Ways... – P. 46.

ла и институционализировала неоконфуцианство как свою государственную идеологию[7].

Идея разграничения между мужчинами и женщинами привела к ежедневной практике «внутреннего правила». Это означало, что женщины не должны видеть или разговаривать с мужчинами, которые не являются членами семьи, и должны оставаться во внутренних камерах[8].

Для американских миссионеров, которые привыкли к общественным встречам и случайным прогулкам, где женщины могли свободно участвовать без каких-либо особых ограничений или уступок, секвестрированная жизнь женщин была ничем иным, как символом языческой отсталости.

В период с 1884 по 1910 гг. в Корею прибыло 247 американских женщин-миссионеров. После того, как эти женщины прибыли в Корею, они занимались тремя основными видами работы – образовательной, медицинской и просветительской.

Статистические данные показывают, что в период с 1884 по 1910 гг. Корею прибыло 419 американских протестантских миссионеров всех конфессий. Из них 247 (59%) составляли женщины, а 172 – мужчины (41%). К 1936 г. женщины-миссионеры в Корее составляли 63% протестантских миссионеров[9].

Именно женщины-миссионерки основали первые в истории Кореи школы для девочек в то время, когда ни корейское правительство, ни частные лица не уделяли никакого внимания женскому образованию. Эти школы предлагали обучение грамоте на китайском, корейском и английском языках, а также таким предметам, как география, арифметика, физиология и музыка, подготавливая таким образом

[7] Там же. – P. 47.
[8] Там же. – P. 22.
[9] Choi Hyaeweol. Gender and Mission Encounters in Korea: New Women, Old Ways... – P. 58.

первые кадры профессиональных корейских женщин в области медицины, образования, искусства и литературы.

Школа Ewha была первой школой для девочек в Корее, основанной в 1886 г. Мэри Ф. Скрэнтон, миссионеркой из Соединённых Штатов. Вначале в школе была всего одна ученица. Но постепенно корейцы начали доверять школе, особенно после того, как увидели, что ученицы счастливы и с ними хорошо обращаются. Они даже признали пользу, которую получали их дочери. К 1895 г. школа Ewha уже не могла вместить всех желающих учиться. В 1900 г. было возведено новое двухэтажное кирпичное здание в западном стиле. С ростом числа учащихся школа Ewha смогла перейти от предоставления бесплатного образования к платному образованию. В результате, к 1910 г. большинство студентов оплачивали либо все свои расходы, либо часть их на обучение и общежитие. К 1910 г. число учащихся достигло 177[10].

В течение четверти века школа Ewha превратилась из чего-то похожего на детский дом, предоставляющий еду, одежду и жильё для бедных или брошенных детей, в самое известное корейское учебное заведение для женщин, буквальный и символический центр новых женщин в стране. Первая школа Ewha для девочек выпустила многих выдающихся писателей и других специалистов, которые стали активными в 1920-х гг. и после.

Сейчас женский Университет Ewha в Сеуле стоит в ряду известнейших высших учебных заведений Южной Кореи. Половина всех женщин министров Южной Кореи окончили этот университет. Отсюда вышли первые в Корее врачи, адвокаты, судья, премьер-министр. Он по праву считается самым масштабным женским высшим учебным заведением в мире и входит в число самых престижных университетов мира.

[10] Там же. – P. 92.

Таким образом, одним из основных факторов, отличающих корейский опыт от китайского, является колонизация Кореи Японией – незападной и нехристианской имперской державой. Хотя протестантизм часто ассоциировался с западным империализмом в Китае, американские протестантские миссионеры, в целом, воспринимались корейцами довольно позитивно, поскольку не были связаны с проявлениями колониализма, а также потому, что их деятельность в областях медицины и образования сыграла важную роль в процессе модернизации Кореи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bailey P. Reform the People: Changing Attitudes Towards Popular Education in Early Twentieth Century China. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1990.
2. Choi Hyaeweol. Gender and Mission Encounters in Korea: New Women, Old Ways. – Berkeley-Los Angeles, California: University of California Press, Ltd., 2009.
3. Chon Sin-yong. Han'guk ui kyubang munhwa (Внутренняя культура Кореи). – Seoul: Pagijong, 2005.
4. Schmid Andre. Korea between Empires, 1895-1919. – New York: Columbia University Press, 2002.

Д.Е. ГРИШИНА
PhD, доцент (Россия), Школа востоковедения ФМЭиМП
НИУ «Высшая школа экономики»;
Восточный факультет, Государственный академический
университет гуманитарных наук

ВНУТРИ- И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СОЗДАНИЯ КОРЕЙСКОГО ПОСОЛЬСТВА В ТОКИО, 1887 Г.

Подписание 26 февраля 1876 года договора с Японией стало переломным моментом в истории королевства Чосон, ознаменовавшим начало новой эры дипломатии для государственности на Корейском полуострове. Во второй статье этого соглашения стороны договорились об обмене постоянными посланниками, что предоставило Чосон возможность интегрироваться в международные дипломатические процессы западного типа. Японская сторона без промедлений воспользовалась этим правом – в конце ноября 1877 года Министерство иностранных дел в Токио назначило своего первого поверенного в делах в Чосон. Однако, корейская сторона, даже несмотря на многочисленные аналогичные договоры, заключённые как с западными, так и с азиатскими странами, вплоть до 1887 года не испытывала ни интереса, ни потребности в дипломатической репрезентации ни на японской, ни на какой-либо ещё земле.

Легко предположить, что традиционная зависимость от Китая была ключевым фактором, затруднявшим участие правителя Чосон Коджона в глобальной дипломатии. Тем не менее, в контексте корейско-японских отношений того периода важными предоставляются и антияпонские на-

строения, распространённые на Корейском полуострове. В начале 1880-х годов череда волнений, подогреваемых подозрениями в отношении Японии, набравшими популярность среди граждан Чосон на фоне попыток японского правительства укрепить своё присутствие на Корейском полуострове[1], охладила отношения между двумя странами.

Однако к середине 1880-х годов геополитическая ситуация вокруг Корейского полуострова значительно усложнилась: помимо региональных держав, заинтересованных в Чосон – Китае и Японии, территория Корейского полуострова привлекла внимание и западных неоколониальных держав – Великобритании: 16 апреля 1885 года флот Её Величества оккупировал острова Комундо, расположенные на юго-западе полуострова [13, 58]. Решение о захвате территории Чосон было спровоцировано обострением англо-российского соперничества на Ближнем Востоке[2], и, по сути, свело интересы двух держав: и Китай, и Великобритания, находясь в сложных отношениях с Российской империей[3], стремились использовать геополитическую ситуацию для того, чтобы если и не нейтрализовать, то хотя бы ослабить российское присутствие в северо-восточной Азии. 21 апреля 1885 года в беседе с британским консулом в Тяньцзине Ли Хунчжан, курировавший политику Китая в отношении Корейского полуострова, заявил, что «было бы лучше, если бы Англия взяла… [Комундо], а не русские», подтвердив тем самым, что Китай не будет возражать против временного захвата территории Чосон [12, 508]. Положительная реакция Ки-

[1] Восстание солдат в Сеуле года Имо (1882) и попытка государственного переворота года Капсин (1884).

[2] Большая игра – геополитическое соперничество между Британской и Российской империями за господство в Центральной Азии в XIX – начале XX века.

[3] Айгунский (1858) и Пекинский (1860) договоры отторгли у Китая в пользу России часть его северо-восточных территорий (российский Уссурийский край и Дальний Восток), Илийский кризис (1871–1881 гг.) хоть и разрешился в пользу Китая, в целом закрепил опасения китайских политиков в отношении агрессивного территориального курса России в северо-восточной Азии.

тайского правительства придала британским чиновникам уверенности: они не только попытались заключить с правительством в Пекине письменное соглашение в отношении корейских островов Комундо [12, 493][4], но и, наконец, проинформировали о своих действиях правительство в Сеуле [13, 59].

Когда новость о действиях британцев достигла российских дипломатических представителей в регионе, было принято спешное решение отправить в Чосон наблюдателя. Командируемому в полуофициальном качестве[5] Алексею Шпейеру было приказано следить за переговорами по вопросу Комундо и противодействовать попыткам англичан завладеть этими островами на временной или постоянной основе. Кроме этого, Шпейер должен был оставаться в Чосон до прибытия Карла Вебера, назначенного российским полномочным посланником в Сеуле. В задачи Шпейера входили также переговоры с правительством Чосон о приёме на работу российских военных инструкторов – идея, которая обсуждалась на полуофициальном уровне ещё с начала 1885 года, – однако, чтобы избежать столкновения с Китаем или Японией, инструкцией специально было обозначено, что вступить в такие переговоры российской наблюдатель может только в том случае, если правительство Чосон первым заявит о своём желании нанять русских инструкторов [4, 153]. Несмотря на это ограничение, 18 июня 1885 года Шпейер проявил инициативу и напрямую обратился к правительству Чосон, заявив, «что они должны немедленно остановить приезд американских офицеров... и нанять на работу вместо них русских» [5, 472].

Заявление Шпейера встревожило британского консула

[4] 28 апреля проект этого соглашения, подготовленный МИД Великобритании, был передан китайскому посланнику в Лондоне.

[5] Шейеру не были выданы соответствующие верительные грамоты, подтверждающие его статус как официального представителя Российского правительства.

в Сеуле, который увидел в риторике российского наблюдателя попытку российской стороны усилить своё влияние в Чосон и тем самым не только выдавить англичан из Комундо, но и усилить своё присутствие в регионе. Британская сторона приступила к оперативным контрмерам. Уже на следующий день, 19 июня, британский дипломат объяснил корейскому правительству, что захват Комундо на самом деле был следствием попыток русско-корейского сближения конца 1885 года [9, 52]. А уже через неделю, 26 июня, британский дипломат объявил о желании правительства Её Величества освободить острова, если Чосон откажется от попыток сближения с Россией [10, 79]. Стремясь отстоять территориальную целостность своей страны, Коджон исполнил требования англичан: коммуникация с российским наблюдателем была прервана, и 13 июля Шпейер покинул Сеул, не достигнув ни одной, из поставленных перед ним МИД Российской империи целей.

Отступление российской дипломатии естественным образом ослабило её позиции на Корейском полуострове. Вкупе с этим, на фоне англо-китайского сближения и продолжающейся оккупации островов Комундо (британский флот покинет их только в начале 1887 года), Коджон, пожалуй, впервые с 1876 года осознал необходимость поиска новых региональных партнёров. В этот момент у него не было никакого другого выбора, кроме как обратиться к Японии.

Несмотря на болезненные воспоминания о попытке переворота года Капсин (1884 г.), отмеченной участием японских дипломатов, 5 марта 1886 года Коджон заявил, что прошло много времени с тех пор, как его страна установила дипломатические отношения с Японией, и поскольку двусторонние отношения подразумевают обсуждение широкого ряда вопросов, в Токио необходимо отправить дипломатического представителя [2, 23.1.30 갑자, статья 2]. В тот

день был назначен первый временный посланник Чосон в Японии – Ли Хонъён. Однако эта инициатива правителя провалилась. Вступление Ли Хонъёна в должность затянулось до середины лета 1886 года, 3 июля правительство сообщило о его отстранении в связи с «болезнью», не назначив при этом преемника [8, 287-288].

Провал инициативы Коджона по созданию дипломатической миссии Чосон в Японии можно объяснить геополитической ситуацией, окружавшей Корейский полуостров летом 1886 года. К июлю, на фоне очередной эскалации англо-российской напряжённости в регионе, подогреваемой всё ещё нерешённым вопросом Комундо, российскими угрозами в отношении территориальной целостности Чосон [12, 582-583] и инцидентом в Порт-Лазареве[6], давление Цин на правительство Чосон возросло [12, 689]. В свете упомянутых выше антияпонских настроений, уравновешенных набиравшими силу при корейском дворе прокитайскими политическими идеями, можно предположить, что болезнь Ли Хонъёна, не позволяющая ему занять пост представителя страны в Токио, может быть, по крайней мере в некоторой степени, результатом отказа государственных чиновников Чосон поддержать проект Коджона на фоне провала его попыток сблизиться с Россией.

Возможно, именно поэтому, не назначив сменщика Ли Хонъёну, Коджон вскоре вновь попытался заручиться поддержкой правительства в Санкт-Петербурге. 5 августа высокопоставленный государственный чиновник Чосон нанёс визит российскому посланнику в Сеуле Карлу Веберу. Во время этой встречи чиновник Чосон рассказал Веберу, что правитель «убеждён, что Китай не сможет защитить [Чо-

[6] В середине июля 1886 года российское судно было замечено недалеко от Вонсана (Порт Лазарефф) на восточном побережье Корейского полуострова, что породило слухи о тайном сближении России и Чосон.

сон]… если возникнут какие-либо серьёзные проблемы», и что захват британцами Комундо – яркий пример, доказывающий беспомощность Китая [1, лист 109]. Поэтому, продолжил корейский сановник, правитель теперь намерен искать у российского правительства «помощи в укреплении независимости Чосон» [1, лист 109]. В подтверждение этих намерений вскоре в российское посольство было доставлено письмо с просьбой о военной защите Корейского полуострова за подписью правителя Коджона [1, лист 109].

Несмотря на все усилия, вскоре китайскому посланнику в Сеуле стало известно о тайных действиях корейского правителя. Заявив, что «он точно знает о письменном соглашении с королевской печатью, результатом которого была полная передача Кореи под защиту России», китайский дипломат сообщил корейским сановникам, что Китай намерен отправить 75 000 солдат для того, чтобы воспрепятствовать русско-корейскому сближению и наказать правителя Чосон за его своевольные действия [10, 151]. В свете публичного характера сделанного китайским посланником заявления Коджону пришлось денонсировать сближение с русскими, объявив написанное им письмо подделкой. Российская сторона, в свою очередь, так же опасаясь ухудшения отношений с Цин, заявила, что никакого письма вовсе не получала, но заверила, что если таковое будет обнаружено, то к нему отнесутся как к подделке [10, 151].

В очередной раз загнанный в угол, правитель Чосон снова попытался сблизиться с Японией. Однако, в свете неоспариваемого дипломатического доминирования Китая, эта попытка носила деликатный и довольно ограниченный характер. 23 августа 1886 года Ли Вонгынъ был назначен временным корейским посланником в Токио. Его миссия носила полуофициальный характер. Так, перед Ли Вонгыном стояла задача покупки земли в Токио для размещения

будущей корейской дипломатической миссии и получение займа для этих целей. Кроме этого, Ли должен был договориться об экстрадиции зачинщиков попытки переворота года Капсин, которые с конца 1884 года находились под протекцией японского правительства [8, 288-289].

30 августа 1886 года Ли Вонгынъ прибыл в Токио. Ему не удалось достичь ни одной из поставленных перед ним задач (Коджон не снабдил своего посланника письменным подтверждением его полномочий) [8, 288-289], однако показательным было отсутствие критики со стороны Цин: контролируя политические процессы в Чосон, Китай более не опасался, что внешнеполитическая деятельность Коджона поставит под угрозу региональный авторитет Цин.

Однако в Поднебесной всё ещё опасались возможности возникновения нового геополитического партнёра Чосон из числа западных неоколониальных держав. Поскольку Великобритания выступала на стороне Цин, а влияние России на полуострове было ограничено провальной попыткой сближения в августе 1886 года, единственной западной державой, которая могла бы представлять угрозу для гегемонии Китая, являлись Соединённые Штаты. По иронии, дипломатические представители этой страны – первой западной державы, с которой Чосон заключил договор нового типа при непосредственном участии Цин, представляли, по мнению китайского посланника в Сеуле, наибольшую угрозу. Поэтому в конце 1886 года, надеясь купировать потенциальную опасность и зафиксировать международный статус Чосон как подчинённого Китаю государства, в Цин инициировали кампанию по дискредитации бывшего поверенного в делах США, доверенного лица Коджона американца Джорджа Клейнота Фолка.

В качестве предлога для начала упомянутой кампании были использованы отрывки секретного доклада Фолка

своему правительству о событиях попытки переворота года Капсин, опубликованные иностранной газетой в Шанхае в конце 1886 года. В конце декабря министр иностранных дел Чосон сообщил американскому дипломату, что «Фолк опубликовал три статьи, в которых обсуждались дела [Чосон] …в которых он [пытался]… установить, что предатели (или заговорщики против) [Чосон]… являются лояльными подданными, выдавая истинные утверждения за ложные; и очерняя дворянство [Чосон] таким образом, чтобы ослабить дружеские отношения между… двумя странами» [11, 56-57].

В то же время, встревоженный возможным отъездом Фолка, Коджон в конце января 1887 года выразил надежду на то, что он останется в Чосон хотя бы в полуофициальном статусе [11, 62]. Одновременно с этим начали распространяться слухи о том, что Коджон решил нанять американского экс-дипломата в правительство Чосон [11, 67]. Как только эти новости достигли Цин, в Поднебесной снова перешли к имплементации антикризисных мер. В середине мая 1887 года китайский посланник в Вашингтоне донёс до американского правительства информацию о том, что «Фолк в сговоре с некоторыми злонамеренными лицами из [Чосон]… планирует восстание против Китая» [11, 78]. Поскольку такое заявление вывело ситуацию на уровень международного дипломатического конфликта, рискующего рассорить США и Китай, давление со стороны Цин дало благоприятные для империи результаты. 15 июня из Министерства военно-морского флота США пришёл приказ, предписывающий Фолку покинуть Корейский полуостров [11, 78].

Успех китайской дипломатии подчеркнул международный статус Чосон как зависимого государства, что неизбежно нашло отражение в изменении геополитического климата вокруг Корейского полуострова в начале лета 1887 года: на фоне «ужесточения контроля Китая над правительством

[Чосон] и его королём» британский посланник в Сеуле стал «весьма откровенным в своём заявлении, что [Чосон] …является вассальным государством, совершенно неспособным к самоуправлению» [11, 11].

На фоне этих событий международная дипломатическая репрезентация Чосон стала как никогда актуальной.

6 июля 1887 года Коджон указал, что отсутствие полномочного посланника Чосон в Японии вредит «дружественным отношениям между соседними странами» [2, 24.5.16 임신, статья 2]. В тот же день Мин Ёнъджун был назначен представлять интересы Чосон в Токио, Ким Гаджин был выбран в качестве его заместителя [2, 24.5.16 임신, статья 2]. Коджон поспешно назначил Мина и Кима, стремясь ограничить вмешательство Цин во внутренние и внешние дела страны за счёт укрепления её международного статуса. Чтобы добиться успеха, правителю требовался кандидат на роль посланника, чей политический авторитет был бы непререкаемым. На эту должность Коджон выбрал племянника своей жены, королевы Мин. Очевидно, однако, что Мин Ёнъджун не был особенно близок с Коджоном лично, поэтому заместителем Мина был назначен Ким Гаджин – доверенное лицо правителя и участник попытки русско-чосонского сближения в 1886 году [8, 297].

Таким образом, нетрудно сделать вывод, что план заключался в том, чтобы после завершения процедур, связанных с открытием дипломатической миссии Чосон в Токио, отозвать Мин Ёнъджуна обратно и перепоручить курирование дел посольства Ким Гаджину. Каким бы сложным ни был этот план, судя по всему, никто из его участников не собирался держать его подробности в секрете: в интервью японской газете, данном 30 августа, Мин Ёнъджун открыто заявил, что планирует вернуться в Чосон сразу после завершения официальной процедуры создания посольства.

Примерно в то же время в японских печатных СМИ вышли публикации про Ким Гаджина. Авторы этих публикаций отводили центральную роль в посольстве Чосон именно ему [8, 298]. Даже китайский посланник в Сеуле открыто комментировал действия Коджона, но никак не мог на них повлиять [6].

Вслед за стремительным назначением последовала не менее стремительная подготовка, и 1 августа японское правительство было официально уведомлено о прибытии посланников Чосон, а Мин и Ким получили свои верительные грамоты. Двумя днями позже, 3 августа, Мин Ёнъджун, Ким Гаджин и члены дипломатической миссии Чосон отправились в Японию [7, 351].

На следующий день после прибытия в Токио, 17 августа, Мин и Ким посетили МИД Японии, очевидно, для вручения верительных грамот [8, 293]. Вероятно, именно в этот момент в документах делегатов были обнаружены ошибки. О проблеме было незамедлительно сообщено в Сеул, однако новые верительные грамотны были доставлены лишь 15 сентября. 20 сентября документы, наконец, были представлены японскому правительству [8, 295]. Сообщается, что на следующий день, 21 сентября, Мин Ёнчжун уехал из Токио в Сеул, оставив Ким Гаджина исполнять обязанности своего заместителя [3, Ref.B18010362100].

Поскольку подготовка и отправка членов посольства Чосон в Японию прошли гладко, были незамедлительно предприняты дальнейшие действия, направленные на укрепление отношений Чосон с другими трактатными державами. 18 августа Коджон назначил посланников в США и пять европейских держав (Англию, Германию, Россию, Италию и Францию) [2, 24.6.29을묘, статья 1]. Однако, в отличие от отправки постоянного посланника в Японию, которая не вызвала никакой реакции со стороны

китайского правительства, назначение Коджоном дипломатических представителей Чосон в США и Европу столкнулось с противодействием со стороны Цин. Результатом давления стал набор инструкций, составленный для корейских дипломатических представителей Цинским правительством [11, 441-442]. Эти требования со стороны Китая сделали невозможной проведение Чосон независимой дипломатии. Однако в них была лазейка: директивы Цин были ориентированы на государственных чиновников в ранге посланников и не содержали никаких указаний о регламентировании деятельности их заместителей. Таким образом, поскольку Ким Гаджин действовал в качестве заместителя Мин Ёнчжуна, никаких изменений в его профессиональном поведении не потребовалось, что позволило дипломатической миссии Чосон в Токио сохранить видимость полностью функционирующего дипломатического объекта. Этот статус-кво продлился до 17 ноября 1888 года, когда, очевидно под давлением, Коджон повысил дипломатический статус Ким Гаджина, сделав его полноправным дипломатическим посланником в рамках предложенной Цин системы рангов [2, 25.10.14 임진, статья 2]. Это решение поставило на паузу деятельность дипломатической миссии в Токио.

В настоящем докладе были представлены и проанализированы основные внутри- и внешнеполитические причины создания дипломатического представительства Чосон в Японии в конце XIX века. Очевидно, что решение Коджона об учреждении постоянной миссии в Токио не было следствием естественного хода событий, предопределившего интеграцию Чосон в глобальные дипломатические процессы. Отправка постоянного посланника в Токио ставила своей целью ограничение влияния Китая на Корейском полуострове за счёт манифестации независимого статуса

Чосон на международном уровне. Подобный ограниченный подход со стороны корейского правительства демонстрирует непонимание им законов и практик дипломатии западного типа, что, в конечном счёте, сильно снизило эффективность деятельности посольства Чосон в Токио в конце XIX века.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

1. Архив Внешней Политики Российской Империи, Фонд № 150 «Японский стол», 493, 1, К1, 1885-1887, Донесения поверенного в делах и генерального консула Сеула и разная переписка о положении дел в Корее, об отношениях оной к Китаю и о сношениях Кореи России и других держав, дело № 36.
2. Чосон Ванджо Силлок. 조선왕조실록. – URL: https://sillok.history.go.kr/main/main.do
3. Японский центр азиатских исторических записей. Japan Center for Asian Historical Records. URL: https://www.jacar.archives.go.jp

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

4. Пак Б.Д. Россия и Корея. – М.: ИВ РАН, 2004. Park B.D. Rosiya I Korea [Russia and Korea] – M: IV RAN, 2004.

In Korean

5. 김원모. 알렌의 日記. 서울: 檀國大學校出版部, 1994.
6. 이해인. “조선은 독립국이다” 동농 항의에 청나라•일본 외교관이 움찔했다. 아주경제, 2019. – URL: https://www.ajunews.com/view/20190123173454788
7. 한국 의 대외 관계 와 외교사: 근대 편. 동북아역사재단, 한국외교사편찬위원회, 2018.
8. 한철호. 개화기(1887～1894) 주일 조선공사의 파견과 외교 활동. 한국문화, Vol.27, 2001.

In English

9. Lensen, George Alexander. Balance of intrigue: international rivalry in Korea & Manchuria, 1884-1899. University press of Florida, 1982.

10. McCune, George M., Harrison John A. ed. Korean-American relations. Documents pertaining to the Far Eastern diplomacy of the United States, volume 1, the Initial period, 1883-1886. Berkeley: Univ. of California Press, 1963.
11. McCune, George McAfee, Harrison, John A., Harrison, John Arnold. Korean-American Relations: documents pertaining to the Far Eastern diplomacy of the United States, volume II: the period of growing influence, 1887-1895. University of California Press, 1951.
12. Pak, Il-gŭn. Anglo-American diplomatic materials relating to Korea, 1866-1886. Sin Mun Dang Publishing Company, 1982.
13. Royle, Stephen A. Anglo-Korean Relations and the Port Hamilton Affair, 1885-1887. Routledge, 2017.

СЕССИЯ 2

КОРЕЙСКАЯ ДИАСПОРА

В.М. КИМ
Младший научный сотрудник, Институт философии, политологии и права Национальной академии наук Таджикистана (Республика Таджикистан)

КОРЕЙЦЫ СНГ: НАЧАЛО КОНЦА ИСТОРИИ КОРЁ САРАМ?

2024 год – это юбилейный год в истории российских корейцев. Исполняется 160 лет проживания корейцев в России. По историческим меркам, это короткий миг во временном пространстве, маленький эпизод, который может в какой-то момент забыться и исчезнуть из памяти, начав новую страницу уже с новым поколением.

Даты начала истории российских корейцев в разных источниках у разных авторов разные, но в основном эти даты привязаны к 1863 и 1864 годам. Но встречаются и более ранние, например, 1857 год – первые сведения о корейских переселенцах в районе Южного Уссури [1, 19]. В итоге, окончательно в качестве официальной даты начала истории российских корейцев определили 1864 год.

160 лет проживания корейцев в России – это история российских корейцев. Будет ли это продолжением общей истории для всех корейцев стран СНГ (Содружества Независимых Государств), которые вот уже более 30 лет проживают в других независимых государствах? В 2003 году впервые вышла Энциклопедия корейцев России, под редакцией Цой Брони, в честь 140-летия проживания корейцев в России, где впервые была сделана попытка осветить историю корейцев не только России, но и СНГ [2, 16].

Сегодня это будет восприниматься как риторический вопрос, так как мы, корейцы на постсоветском пространстве, всё ещё ощущаем в своей памяти единство общей истории, тогда как реальные процессы говорят об обратном.

За прошедшие 160 лет одна и та же корейская диаспора пребывала в разных государственных образованиях, при разном общественно-политическом строе, в разных национальных государствах, и все эти процессы происходили в пределах одной и той же территории и пространства:

1) Российская империя (1721–1917 гг.);
2) Российская Республика (1917–1918 гг.);
3) РСФСР (1918–1922 гг.);
4) СССР (1922–1991 гг.);
5) государства-участники СНГ (1991 – наст. время).

После распада единого Союза ССР в 1991 году и с образованием новых независимых государств начался медленный процесс распада когда-то единой корейской диаспоры («советские корейцы») и «суверенизации» корейских диаспор в границах новых независимых государств. Этот вопрос в своё время поднял В.С. Хан в статье под названием «Корейцы на постсоветском пространстве: диаспора или диаспоры»: «Политическая и социокультурная адаптация в рамках новых государств ведут к тому, что постсоветские корейцы могут потерять своё лицо как единая субэтническая общность и начнут трансформироваться в новые субэтнические образования – корейцы Узбекистана, корейцы Казахстана, корейцы Кыргызстана, корейцы Прибалтики и т.д. Иначе говоря, проблема выживания советских корейцев трансформировалась в проблему конструирования новой идентичности согласно новой геополитической реальности» [8, 52].

В историческом плане, за отправную точку начала историй своих диаспор начинают принимать 1937 год. Яркими примерами здесь выступают крупные диаспоры корейцев в Казахстане и в Узбекистане, а также в Кыргызстане. В

Энциклопедии корейцев Казахстана, которая была издана к 80-летию проживания корейцев в Казахстане, авторы приводят данные о проживании корейцев в Казахстане ещё в 1897 году [3, 9]. Такой же подход мы наблюдаем и в Узбекистане [4, 8] и в Кыргызстане [5, 17] – попытку отделить свои «поместные» истории от российского начала и за основу взять 1937 год.

Юбилейные даты – это, как правило, закрепление прошедшего периода, подведение итогов достижений, новые планы и перспективы на будущее, показывающие неразрывность истории развития. Предстоящая юбилейная дата – 160 лет проживания корейцев в России – может стать переломной в общей истории корейцев стран СНГ. И стать началом новой истории корейцев Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана и так далее.

История корейцев стран СНГ, на первый взгляд, ясна и понятна; за 30 последних лет опубликовано достаточно много разнообразной информации о корейцах СНГ. Но это на первый взгляд.

Ещё сохраняется огромный пласт не исследованных страниц, и наличие нерешённых проблем в исследовании связано, прежде всего, с методологическими подходами. То есть актуальным становится вопрос: история корейцев стран СНГ – это общая история или раздельная история? А далее вопросы, на которые уже нет однозначного ответа, возникают по нарастающей.

Проблема истории корейцев СНГ. Сохранится ли общность или преемственность 160-летней истории для всех корейцев стран СНГ или это будет продолжением истории только для российских корейцев?

Корейские диаспоры в других странах СНГ откажутся от преемственности общей истории корейцев, начало которой официально привязано к 1864 году, или будет новая история, начиная с 1937 года?

Проблема этнонима корейцев или самоназвания корейцев стран СНГ. А также проблема социального портрета корейцев стран СНГ.

До 1991 года был единым этнонимом было – «советские корейцы».

После 1991 года единое самоназвание корейцев стран СНГ не определилось и по настоящее время. Попытки ввести в научный оборот, а затем и в практическую жизнь такие новые самоназвания как «корё сарам» и «корёин» не закрепились в общественном сознании бывших советских корейцев.

В России закрепилось – «российские корейцы», «русскоязычные корейцы». В остальных странах СНГ, прежде всего в странах Центральной Азии, идёт медленная тенденция закрепления таких самоназваний как «узбекские корейцы», «казахские корейцы», «кыргызские корейцы»[1].

В этом ряду исключением являются корейцы Таджикистана. То есть в Таджикистане корейцы, осознанно самоопределяются только как «корейцы Таджикистана» и применяют самоназвание «корейцы». Также сохраняют свою преемственность к общей 160-летней истории корейцев, которая отмечается в 2024 году.

Проблема этнонима и социального портрета корейцев СНГ из множества изданных публикаций, к сожалению, очень мало отражена в этих публикациях. Есть первые, но интересные брошюры писателя и поэта Бориса Пак [6] и российского учёного философа Герасима Югая [7], изданные ещё в 1990 году. Из современных изданий серьёзное внимание привлекает к себе объёмная монография учёного историка В.С. Хана, где описывается не только идентич-

[1] Об этнониме «корё сарам» и его генезисе, а также соотношении понятий «корё сарам», «советские/постсоветские корейцы», «корейцы СНГ», «русскоязычные корейцы», «евразийские корейцы», «кореин» подробно см. в монографии В.С. Хана [9, Гл. III. Новая субэтническая общность].

ность, этноним и социальный портрет корейцев СНГ, но и зарождение новой корейской субэтнической общности [9, 118].

Декларирование и реальная практика. Если мы говорим об общности или преемственности 160-летней истории для всех корейцев стран СНГ, то нужно отметить декларирование и практическую реальность. Они могут присутствовать раздельно или, в идеале, дополнять друг друга.

На уровне декларирования с каждым годом мы этого не замечаем.

Реальная практика с каждым годом подтверждает медленный процесс формирования «суверенных» корейских диаспор в странах СНГ.

Основные центры влияния на единство общности. Сложились три основных центра на пространстве СНГ:

1) Россия,

2) Казахстан,

3) Узбекистан.

Первый, основной центр – Россия; является родоначальником и продолжателем истории корейцев стран СНГ. Здесь с 1864 года начиналась новая история корейцев.

Второй центр – Казахстан; это хранитель культурного достояния корейцев стран СНГ. Здесь сохранились и действуют корейский театр и корейская газета, 100-летие которой праздновалось в 2023 году.

Третий центр – Узбекистан; это хранитель культурного кода, традиций, обычаев корейцев стран СНГ.

Взаимосвязанность трёх основных центров влияния. Мы можем говорить о наличии в слабой степени взаимодействия трёх основных центров. Но нет пока реаль-

ных признаков того, что процесс вышел на уровень взаимосвязанности.

В то же время, если первые два центра – Россия и Казахстан – успешно развиваются независимо друг от друга, то в третьем центре – Узбекистане – можно наблюдать медленное размывание культурного кода, традиций и обычаев корейцев.

Начало конца истории корё сарам. Основные признаки или факторы, подтверждающие конец общей истории корейцев СНГ.

Отсутствие взаимосвязанности трёх основных центров влияния на единство общности корейцев СНГ. Все три основные центры влияния действуют самостоятельно, автономно и в рамках интересов, прежде всего, страны нахождения без привязки к общей истории корё сарам.

Основные культурные объекты – корейский театр, корейская газета – перестали быть общим культурным достоянием и культурными центрами для всех корейцев СНГ.

Задача сохранения культурного кода, традиций, обычаев корейцев стран СНГ не стала актуальным и объединяющим фактором.

Последняя точка в общей истории корейцев стран СНГ. Празднование юбилейной даты – 160-летие проживание корейцев в России – станет определяющим в сохранении и преемственности общей истории корейцев или станет началом новой истории корейцев странах СНГ.

Общая история – это последнее звено, которое может скреплять единство корейской диаспоры на постсоветском пространстве, независимо от государственных границ, которые физически разделяют пространство и территории нахождения корейской диаспоры, начало истории которой начинается с 1864 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи. – Москва, 1993. Pak B.D. Koreans v Rossiskoy imperii // Moscow, 1993.
2. Ли Г.Н., Цой А.Д., Цой Б., Чен В.С., Югай Г.А. Энциклопедия корейцев России. – Москва, РАЕН, 2003. Lee G.N., Choy A.D., Choy B., Chen V.S., Yugay G.A. Encyclopedia koreans Rossiay // Moscow, 2003.
3. Ажгалиева Г.Л., Алимбаева Ж.Н., и другие. Энциклопедия корейцев Казахстана. – Алматы, 2017. Ajgalieva G.L., Alimbaeva G.N., I drugie. Encyclopedia koreans Kazahstan // Almaty, 2017.
4. Ким П. Корейцы Республики Узбекистан. – Ташкент, 1993. P. Kim, Koreans Republic Uzbekistan // Tashkent, 1993.
5. Ли Г.П. Мы – кыргызстанцы. – Бишкек, 2017. Lee G.P. Mi – kirgizstanti // Bishkec, 2017.
6. Пак Борис. Потомки страны белых аистов. – Ташкент, 1990. Boris Pak, Potomki strain belikh aistov // Tashkent, 1990.
7. Югай Г.А. Советские корейцы: социально-психологический портрет своего поколения. – Ташкент, 1990. G.A. Ugay. Sovetskie koreatsy: sotialyno-psikhologicheskiy portret svoego pokoleniya // Tashkent, 1990.
8. Хан В.С. Корейцы на постсоветском пространстве: диаспора или диаспоры? // 1937 год: прошлое, настоящее и будущее. Корейцы как часть Русского мира / отв. ред. Ж.Г. Сон, М.И. Ким. – Москва: Аквариус, 2017.
9. Хан В.С. Историография корейцев Центральной Азии. – Ташкент, 2021. V.S. Khan. Historiography of Koreans of Central Asia // Tashkent, 2021.

С.Н. ПАК
Кандидат педагогических наук, доцент психологии Института педагогики и психологии, Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ КОРЕЙЦЕВ КЫРГЫЗСТАНА

Изучение роли этнического самосознания открывает новые теоретические возможности в системе этносов и позволяет прогнозировать динамику межэтнических взаимоотношений. Только во взаимодействии различных культур возможно сознание и самосознание культуры, т.к. идёт выход за пределы своего этноса в межкультурное пространство, в иные спектры ценностных определений.

В психологии сегодня имеется ряд исследований в изучении проблем самосознания (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, И.С. Кон, В.С. Мухина и др.). Интерес к проблемам этнического самосознания усилился к 80-м гг. XX века, который способствовал росту эмпирических исследований (Л.М. Дробижева, Н.М. Лебедева, Н.Г. Панкова, Г.У. Солдатова и др).

С 90-х годов в психологии предметом исследований, кроме этнического самосознания, стали этническая идентичность, этничность, ментальность этноса.

Часто термины «этническое самосознание» и «этническая идентичность» используются как синонимы, но здесь необходимо обозначить значение и смысл этих терминов. Этническое самосознание имеет более широкий смысл, чем этническая идентичность. Этническая идентичность входит в понятие этнического самосознания и является его частью [7].

Анализ исследований становления ментальности российских корейцев достаточно сложен и имеет противоречивый характер[1]. Это сложный процесс, когда человек достигает совместимости с новой культурной средой, принимая её традиции и действуя в соответствии с ними.

Р.Ш. Джарылгасынова отмечает, что главными факторами, повлиявшими на становление ментальности корейцев на ранних этапах этногенеза, явились понимание и утверждение единства исторической традиции, моноэтничность, предельная закрытость территории [1].

В этой связи особое значение для формирования ментальности российских корейцев имели история их иммиграции на Дальний Восток и особенности аккультурации в условиях межэтнического взаимодействия с русскими, в результате которой корейцы подвергались языковой и культурной ассимиляции в условиях межэтнического взаимодействия с русскоязычным этносом [3]. Как отмечает В.С. Хан, некоторые черты новой субэтнической общности стали формироваться ещё в царской России: русский язык, принятие православия, изменение элементов культуры. Однако большинство корейцев проживало компактно, сохраняя идентичность. Не прекращается миграция из Кореи носителей корейской идентичности. Поэтому о новой идентичности можно говорить лишь в терминах *начального становления* [9].

После 1937 г., оказавшись в экстремальных условиях и в новой иноязычной среде, корейцы были вынуждены выбирать стратегии выживания и адаптации. «С 1937 г., с переселением в ЦА, – пишет В.С. Хан, – начинается новый этап в трансформации идентичности корё сарам, их окончательное становление как *советских корейцев*. …Идентичность корё сарам становится всё более смешанной. Кроме того, она под-

[1] Калинченко О.В. «Особенности этнического и морального самосознания корейцев в условиях межэтнического взаимодействия с русскими», 2004 г.

вергается всё большей *советизации*» [Там же]. Желание корейцев выжить, несмотря на трудности, подталкивали их к ассимиляции, с другой – ориентировали на достижение общественного положения и экономических успехов.

В работах В.П. Левкович, Л.В. Мин указывается, что корейцам, проживающим в Казахстане, удалось сохранить этническое самосознание и этническую идентичность. Основными факторами оказались национальная кухня, соблюдение традиционных семейных обычаев [4].

В контексте рассмотрения вопроса об этническом самосознании мы провели небольшое исследование корейцев, проживающих в Кыргызстане.

Нашей целью было рассмотреть формирование этнического самосознания корейцев не только на основе кухни и соблюдения традиций, а в процессе межэтнического взаимодействия, т.к. в контексте социальных условий есть тенденция быть поглощёнными в эпоху интеграции.

По мнению швейцарского психолога Жана Пиаже, который изучал стадии психического развития человека, этническое самосознание формируется на определённых этапах психического развития ребёнка.

Таким образом, по Пиаже, формирование этнического сознания проходит несколько стадий. Вначале формируется когнитивный уровень этнической идентичности, затем – чувственный уровень.

1. Когнитивный компонент – это знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя её членом на основе этнодифференцирующих признаков.

2. Эмоциональный (аффективный) – эмоциональные чувства либо установки, возникающие по отношению к своему членству в определённой этнической группе.

3. Поведенческий (с чем не все учёные согласны) – соблюдение определённых обычаев, традиций, норм этноса.

Важное значение здесь имеет среда, в котором находится

ребёнок, т.к. именно в детстве происходит формирование этнического самосознания. Если до 6 лет знания об этнической идентичности у ребёнка отсутствуют, то он может идентифицировать себя со своей этнической группой с 8 лет, а с 10 лет этническая идентичность формируется в полном объёме [8].

Так, постепенно, с развитием познавательных способностей, повышается способность ребёнка воспринимать, интерпретировать этнические признаки. Он включает в этот ряд всё новые элементы – общность предков, исторической судьбы, традиций, религию и т.д.

Опираясь на концепцию Пиаже, мы провели анкетирование по методике Н.М. Лебедева «Шкала экспресс–оценки, связанная с этнической принадлежностью», которая показывает оценивающую установку по отношению к собственной этнической идентичности, и проанализировали специфику формирования этнического самосознания корейцев, проживающих в Кыргызстане.

Таблица 1.
Результаты анкетирования «Оценивание своей этнической идентичности»

	Позитивное оценивание	**Нейтральное оценивание**	**Негативное оценивание**	**Всего**
Городские жители	139	2	1	142
Сельские жители	28	3	3	34
	167	5	4	176

Большинство респондентов дали позитивные оценки этнической идентичности (гордость, спокойная уверенность). Большинство таких респондентов – активные участники мероприятий, проводимых ООККР (представители разных возрастных групп).

Позитивная этническая идентичность даёт повышение

самооценки, самоуважения, чувства психологической защищённости, стабильности. Это важная социально-психологическая составляющая этнического самосознания – то, что даёт удовлетворение в социальном объединении.

Наряду с позитивными установками встречались единично негативное отношение к собственной этнической группе, чувство униженности, ущемлённости, предпочтение других групп в качестве референтных (от 20 до 40 лет). Отсутствовало и владение языком.

5 человек выразили нейтральную установку (никаких чувств), это в основном представители 1-й и 2-й групп (см. Табл. 2), не являющиеся жителями г. Бишкек, или живущие на юге республики (г. Ош, Джалал-абад, Кара-балта). Возможно, это объясняется оторванностью от культурно-социальной жизни своей этнической группы.

Для удобства определения уровней мы условно разделили респондентов на 4 возрастные группы (возрастные группы не имеют чётких границ; результаты являются большинством показателей респондентов).

Рассмотрим стадии формирования самосознания на примере корейцев, рождённых уже на постсоветском пространстве.

Таблица 2.
Стадии формирования самосознания корейцев Кыргызстана

	1 группа от 20-39 лет	**2 группа от 40-59 лет**	**3 группа от 60-79 лет**	**4 группа свыше 80 лет**
Когнитивный уровень	фрагментарно и не имеют систематический характер	сформирован частично	сформирован в большей степени	сформирован в полном объёме
Эмоциональный/аффективный уровень	сформирован	сформирован	сформирован	сформирован
Поведенческий уровень	частично	сформирован	сформирован	сформирован

Результаты показали, что у корейцев в возрастной группе от 80 лет этническое самосознание сформировано в полном объёме, т.к. их переселённые родители имели этническую идентичность и самосознание. Детство прошло в моноэтнической среде. Самыми важными следует признать этническую осведомлённость, включающую объективные знания о своей этнической группе. Они имеют положительные чувства или установки, возникающие от принадлежности к своей этнической группе, желание принадлежать ей, гордость за достижения своего народа. Есть вовлечённость в социальную жизнь этнической группы (использование языка, активная поддержка и участие в Ассоциации корейцев Кыргызстана, Корейском доме, поддержание культурных традиций), что часто рассматривается в качестве индикатора этнической идентичности индивида. Частично сохранились и корейские имена.

В возрастной группе от 60 лет – этническое самосознание сформировано в большей степени, т.к. детство её представителей проходило в местах с компактным проживанием корейцев. Язык сохранился частично, у некоторых есть полное его понимание, т.к. рядом было старшее поколение (бабушки, дедушки). Но утрачивается корейское имянаречение.

Эти две группы характеризуются соблюдением обычаев, традиций, норм этноса.

В возрастной группе от 40 лет этническое самосознание сформировано частично. Её представители имеют этническую осведомлённость и этническую самоидентификацию. Есть частичное понимание языка, слабое владение или отсутствие владения.

В возрастной группе от 20 лет этническое самосознание фрагментарно и имеет не систематический характер, т.к. детство и юность прошли в полиэтническом социуме, начиная с детского сада, где языком общения был русский. Здесь важным следует признать этническую осведомлён-

ность, включающую объективные знания и субъективные социальные представления об этнических группах – своей и чужих, их истории и традициях, а также различиях между ними, и этническую самоидентификацию. Отсутствуют собственные знания и субъективные социальные представления о своей группе.

Особый интерес вызывает этническое самосознание молодёжи. Анализ позволяет сделать выводы: чем моложе поколение, тем слабее выражено этническое самосознание, несмотря на позитивное отношение к своей этнической группе.

Поведение в основном регулируется не национально-групповыми интересами, а индивидуально-личностными мотивами.

Отличаясь высокой сенситивностью к социальным изменениям, это поколение во многом определяет направление развития межэтнических отношений – об этом говорит и тот факт, что большая часть молодёжи может общаться на английском языке.

Мы видим, что в настоящее время корейский язык выступает скорее в роли символа социокультурной традиции, которая сходит на нет. Утрата языка, имянаречения также приравнивается к утрате национальности, так как он определяет и другие компоненты национального самосознания, такие как культура и психология. На данный момент молодёжь не говорит на корейском, язык общения – русский.

До сих пор под вопросом остаётся наличие устойчивой связи между тем, кем себя человек считает, и как он действует в реальной жизни, т.е. между этнической самоидентификацией и этнической вовлечённостью.

Создаётся психологическая граница между собой и группой, формируется амбивалентная идентичность – в разных ситуациях человек испытывает различную этническую идентичность, различные эмоции.

Именно новые условия играют большую роль в особенностях развития этнического самосознания, когда происходит постепенное изменение этнической самоидентификации и самосознания в ходе формирования новой этнической общности или вхождения в состав другого этноса. Оно занимает довольно длительный период, и по мере смены поколений представление о принадлежности к своему этносу ослабевает, а к другому, возникающему или ассимилирующему, – усиливается.

Отсюда можно сделать вывод, что в формировании этнического самосознания важную роль играет социальная включённость и активность.

Таким образом, для формирования этнического самосознания важен период психического развития ребёнка, его личный опыт, получение новой информации и развитие познавательных способностей, новые социальные условия.

В целом, этническое сознание корейцев в Кыргызстане сохраняется.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Джарылгасинова Р.Ш. Основные тенденции этнических процессов корейцев Средней Азии и Казахстана // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. – М, 1980. – С. 57.
2. Джарылгасинова Р.Ш. Этническое самосознание корейцев в раннефеодальную эпоху. Автореф. дис. док. ист. наук. – М., 1986. – 35 с.
3. Калинченко О.В. Особенности этнического и морального самосознания корейцев в условиях межэтнического взаимодействия с русскими: На основе исследования учащейся молодежи. – Дисс. уч. ст. канд. психол. н. – М., 2004 г.
4. Левкович В.П., Мин Л.В. Особенности сохранения этнического самосознания корейских переселенцев Казахстана // Психологический журнал. 1996. № 6.
5. Маркова В.Н. Этническое и диаспоральное самосознание корейской диаспоры современного Казахстана через призму социокультурных процессов // Человек и культура. 2020. № 6.

6. Носкова Н.Г. Этническое самосознание корейцев: историко-мифологический аспект: конец 19 – начало 21 вв. Дисс... канд. ист. н., 2016.
7. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
8. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 1999.
9. Хан В.С. Основные направления и этапы развития историографии корейцев Центральной Азии. Диссертация в виде научного доклада на соискание учёной степени доктора исторических наук (DSc). – Т., 2024.

ISPOLZOVANNAYA LITERATURA

1. Djarilgasinova R.Sh. Osnovnie tendencii etnicheskih processov koreicev Srednei Azii i Kazahstana // Etnicheskie processi u nacionalnih grupp Srednei Azii i Kazahstana. – M., 1980. – S. 57.
2. Djarilgasinova R.Sh. Etnicheskoe samosoznanie koreicev v ranne-feodalnuyu epohu. Avtoref. dis. dok. ist. nauk. – M., 1986. – 35 s.
3. Kalinchenko O.V. Osobennosti etnicheskogo i moralnogo samosoznaniya koreicev v usloviyah mejetnicheskogo vzaomodeistviya s russkimi. Diss. uch. st. kand. psiholog. n. – M., 2004.
4. Levkovich V.P., Min L.V. Osobennosti sohraneniya etnicheskogo samosoznaniya koreiskih pereselencev Kazahstana. // Psihol. jurnal, 1996. № 6.
5. Markova V.N. Etnicheskoe i diasporalnoe samosoznanie koreiskoi diaspori sovremennogo Kazahstana cherez prizmu sociokulturnih processov // Chelovek i kultura. – 2020. № 6.
6. Noskova N.G. Etnicheskoe samosoznanie koreicev: istoriko-mifoяlogicheskii aspekt. Konec 19 – nachalo 21 vv. – Diss... kand. ist.nauk. 2016.
7. Soldatova G.U. Psihologiya mejetnicheskoi napryajennosti. – M.: Smisl, 1998.
8. Stefanenko T.G. Etnopsihologiya.M., 1999.
9. Khan V.S. Osnovnye napravleniya i etapy razvitiya istoriografii koreitcev Tsentral'noy Azii. Dissertatsiya v vide nauchnogo doklada na soiskanie uchyonoi stepeni doktora istoricheskih nauk (D.Sc.). – T., 2024.

Ж.О. БАЛЛОД
Ph.D, профессор, университет Согён, факультет международного бизнеса и языков (Сеул, Республика Корея)

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ МОЛОДЁЖИ ИЗ ЧИСЛА КОРЁ-САРАМ В Г. КЁНДЖУ ЧЕРЕЗ МЕНТОРСКУЮ ПРОГРАММУ С УЧАСТИЕМ ЮЖНОКОРЕЙСКИХ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА СОГЁН

Social adaptation of Koryo-saram youth in Gyeongju through a mentoring program with the participation of Korean students from Seokyeong University

Актуальность программы: преодоление «односторонней» социальной адаптации в рамках политики мультикультурализма

С началом реализации интеграционной модели государства в рамках политики мультикультурализма, принятой президентом Республики Корея Но Мухёном в 2006 году в связи с резким ростом количества иммигрантов, число которых достигло полумиллиона человек, корейские власти начали поиск наиболее эффективных механизмов и стратегий социальной адаптации иностранцев.

Согласно данным агенства Yonhap New Agency [6], в 2023 году число иммигрантов в Республике Корея составило 1,48 миллиона человек, а соотношение количества мультикультурных учащихся к общему числу студентов достигло 3,5%.

Тем не менее, пока преждевременно говорить о формировании в Корее гармоничного мультикультурного обще-

ства, что обусловлено, на наш взгляд, **следующими недостатками** программ «односторонней» социальной адаптации в рамках политики мультикультурализма.

• Мероприятия в рамках политики мультикультурализма до сих пор преимущественно были направлены на адаптацию иностранцев (в первую очередь, брачных мигрантов и их детей) к жизни в корейском обществе и их ассимиляцию. Так, центры мультикультурализма и учреждения по поддержке иностранных граждан до сих пор ограничиваются программами «социальной адаптации», которые включают курсы по изучению корейского языка, знакомят с корейскими культурными и семейными традициями, обучают приготовлению блюд национальной кухни и решению бытовых вопросов. В дальнейшем были разработаны программы по профориентации и помощи в овладении профессиональными навыками и трудоустройстве. Как отмечает профессор университета Ханьян Ча Юн Кён, недостаток этих программ в том, что эти «меры приближали иностранцев к пониманию корейского общества, но не приблизили корейское общество к пониманию иностранцев» [5].

• В рамках уроков мульткультурализма школьные программы по продвижению культурного разнообразия и ознакомлению с культурой других стран делают упор на знакомство лишь с национальными песнями, танцами, костюмами. Джун К. Ким называет подобную практику «культурным фетишизмом», поскольку корейскому обществу преподносится только «внешняя оболочка» иностранной культуры [4].

В результате, несмотря на то, что корейское общество перестало быть в количественном соотношении моноэтническим, в нём сохраняется интолерантность к иноэтническим мигрантам, поскольку между иностранными общинами и корейским социумом не происходит достаточного взаимодействия. К схожему мнению приходят многие ав-

торы работ по проблеме мультикультурализма и мультикультурного образования в Корее: Ким К. Джун [4], Кан Юнсын [6], Ким Дж., Чон Х. [7], Джо Джи-Ён и Минсын Джун [8], Сон Хи Джин [9]. Например, Джо Джи-Ён и Минсын Джун отмечают, что «мультикультурное образование в Южной Корее функционирует в соответствии с сильной идеологией этнического и культурного национализма, которая продвигает повестку ассимиляции и создаёт социальную иерархию не только между корейцами и иностранцами, но и между коренными южнокорейцами, северокорейскими беженцами и этническими корейцами из различных диаспор» [8].

В статье мы рассмотрим пример реализации южнокорейскими студентами университета Согён в Сеуле новаторской менторской программы, направленной на успешную социальную адаптацию молодёжи из числа корё сарам в городе Кенджу через повышение их взаимодействия с южнокорейским социумом.

Описание менторского волонтёрского проекта «Возьмёмся за руки» (손에 손 잡기)

1. Организация проекта

Менторский волонтёрский проект «Возьмёмся за руки» (손에 손 잡기), направленный на успешную социальную адаптацию школьников из числа корё сарам в городе Кенджу, был реализован студентами факультета русского языка университета Согён в период с 6 по 7 июня 2023 года. Была сформирована команда из 10 участников. При кураторской помощи преподавателей был написан план и получена финансовая помощь от университета, а также налажено сотрудничество с партнёрами – активистами корёинского коммьюнити Кенджу, основателями НГО «Dreamway Social». Информационную поддержку оказала также организация «Ассоциация Корёин в Республике Корея» (АКРК).

Проект появился в результате коллаборации общественных движений в корёинской диаспоре с южнокорейскими образовательными учреждениями, что свидетельствует о росте интереса к проблемам корейских соотечественников со стророны южнокорейских властей и организаций.

2. Место реализации проекта

Город Кенджу был выбран для реализации программы как одно из мест компактного проживания 4000-й диаспоры корё сарам. Этнокультурный анклав, получивший название Корё Маыль, расположен недалеко от исторического центра города[1]. Здесь функционируют рестораны корёинской, русской и среднеазиатской кухни; магазины российских товаров и продуктов; на улицах пестрят вывески на русском языке, у школ и в скверах слышна русская речь. Вадим Акуленко относит район Корёин Маыль в городе Кенджу к этнокультурным анклавам, находящимся в фазе активного формирования [1]. Южнокорейские студенты, участники волонтёрского проекта, могли увидеть своими глазами, как Корея превращается в многонациональное государство, где русский язык становится одним из языков общения нового мультикультурного общества.

3. Целевая аудитория

Целевая аудитория волонтёрского проекта южнокорейских студентов – русскоговорящие школьники из числа корёинов. В районе Корё Маыль расположены несколько начальных и средних школ, где большинство учащихся – дети из русскоговорящих семей. Так, в начальной школе Хынму (경주 흥무초) в 2024 году из 54 первоклассников 49 человек оказались детьми мигрантов (90,7%). Такое соотношение

[1] Вадим Акуленко предлагает ввести в активный научный оборот термин «корёмаыль» с более широкой трактовкой, как «район компактного проживания сообщества русскоязычных мигрантов из стран постсоветского пространства, ядром которого являются русскоязычные корейцы».

обусловлено тем, что дети принимаются в начальные и средние школы строго по прописке, и в районе компактного проживания корёинской диаспоры дети попадают в одни и те же школы [10].

Команда университета Согён организовала встречу с учащимися женской средней школы Кенджу, на которой присутствовали более 20 школьниц-мигрантов. Средняя школа была выбрана, потому что именно подростки испытывают наибольшие трудности в социальной адаптации – они оказываются вырваны из превычной культурной среды, но при этом ещё не обладают достаточными лингвистическими и культурными компетенциями, чтобы установить прочные связи с южнокорейскими ровесниками. В проекте приняли участие школьники-корёин из Российской Федерации, Казахстана, Узбекистана и Кыргыстана.

4. Описание и цели проекта

Волонтёрский проект, который студенты назвали «Возьмёмся за руки» (손에 손 잡기), ставил несколько важных задач. Во-первых, повышение мотивации школьников-корёинов к хорошей учёбе в старшей школе и поступлению в университет, оказание профориентационной поддержки. Многие из них не знают (и не мечтают) о том, что у них в Корее есть другой путь, кроме работы на заводах. Студенты приготовили для школьников красочный рассказ-презентацию об университете, изучении русского языка и студенческой жизни, а также о системе поступления в университет для иностранцев. Мотивационным фактором стала и подача материала по профориентации не преподавателями, а их южнокорейскими сверстниками в формате обучения P2P (наставническая система обучения «равный равному» от англ. «peer-to-peer») [3].

Второй задачей было – углубить знания корейского языка у школьников. Под руководством профессоров-кураторов

из Центра корейского языка и культуры студенты приготовили и провели занимательные уроки корейского с переводом на русский – про идиомы и выражения из известных «дорам». Для школьников-корёинов язык остаётся непростым препятствием для социальной адаптации. Многие из них закончили начальную школу на русском языке на родине и не до конца понимают тексты корейских учебников и книг.

Третьей задачей было установление личных отношений и неформальная коммуникация между южнокорейскими студентами и школьниками-корёинами. Ребятам-иммигрантам из корёинской диаспоры не хватает признания со стороны корейского общества, местных корейских друзей, у них нет «образцов для подражания» и их советов. Поэтому самым популярным пунктом программы стала совместная экскурсия со школьниками в храм Пульгугса, знакомство с корейской историей и живое общение школьников со студентами.

5. Результаты и достижения проекта

Проект оказался взаимовыгоден как для организаторов – южнокорейских студентов, так и для целевой аудитории – школьников из числа корёинов.

1) Южнокорейские студенты:

– познакомились с диаспорой корёинов и узнали об их проблемах;

– познакомились с кулинарной культурой и традициями корёинов;

– применили на практике знания русского языка и использовали его как инструмент межкультурного общения.

2) Школьники из диаспоры этнических корейцев – корёинов:

– ощутили эффект инклюзии в корейское общество через неформальное общение с южнокорейскими студентами;

– повысили свою мотивацию к учёбе в результате программы профориентации;

– улучшение языковых компетенций и навыков;

– новые знание о корейской культуре.

Государственная политика мультикультурализма была до сих пор ориентирована преимущественно на брачных мигрантов – членов так называемых мультикультурных семей, в которых один из супругов является иностранцем. Не охваченными остаются большинство категорий иностранных граждан, прежде всего этнические корейцы. При этом рост числа иностранного населения происходит, прежде всего, за счёт роста числа корейских соотечественников (этнических корейцев их других стран), главным образом из Китая, а также из стран СНГ.

Мы считаем, что одним из эффективных методов преодоления вышеуказанных недостатков «односторонней» мультикультурной политики могут стать менторские программы для молодёжи из числа соотечественников-корёинов с привлечением к участию южнокорейской молодежи. В случае успешного масштабирования такие проекты смогут стать площадками для взаимодействия диаспоральной молодежи с ровесниками в Южной Корее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акуленко В.С. Феномен этнокультурных анклавов русскоязычных корейцев «корёин маыль» в Южной Корее. Известия Восточного института, 1 (2024): 51-63.

. Akulenko V.S. Fenomen jetnokul'turnyh anklavov russkojazychnyh korejcev «korjoin mayl» v Juzhnoj Koree. Izvestija Vostochnogo instituta, 1 (2024): 51-63.

2. Баллод Ж.О., Джон Ёнсун. К вопросу о формировании переводческих компетенций у русскоязычных мигрантов из числа корё-сарам в Южной Корее. – 노어노문학 35.3 (2023): 229-251.

Ballod, J.O., Jeon Jonsun. K voprosu o formirovanii perevodcheskih kompetencij u russkojazychnyh migrantov iz chisla korjo-saram v Juzhnoj Koree. Noonomumhag. – 노어노문학 35.3 (2023): 229-251.

3. Колодина Е.А., Баллод Ж.О. Peer-to-peer, или принципы взаимного обучения в Республике Корея. Путь их всегда предо мной… Сборник научных статей по корееведению к юбилею доктора исторических наук, профессора Сергея Олеговича Курбанова / Отв. ред. А.А. Гурьева. – СПб.: Издательство РХГА, 2023. – С. 278.

   Kolodina, E. A., Ballod Zh.O. Peer-to-peer ili principy vzaimnogo obuchenija v Respublike Koreja. Put' ih vsegda predo mnoj… Sbornik nauchnyh statej po koreevedeniju k jubileju doktora istoricheskih nauk, professora Sergeja Olegovicha Kurbanova / Otv. red. A.A. Gur'eva. – SPb.: Izdatel'stvo RHGA, 2023. – S. 278.

4. Kim K. Joon (2011). The Politics of Culture in Multicultural Korea, Journal of Ethnic and Migration Studies, 37:10, 1583-1604.
5. "단군신화, 다문화 상징" 다문화 유공 대통령표창 차윤경 교수 (“Тануг синхва, та-мунхва санчин» тамунхва югон тэтхунрен пхечан Чха Юн Кен кёсу») (Лауреат президентской премии по мультикультурализму профессор Чха Юн Кён: «Легенда о Тангуне – символ мультикультурализма»). – URL: http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2017/09/21/0200000000AKR20170921040600371.html (Дата обращения: 20.04.2023).
6. Kang Yoon-seung. Number of immigrants in S. Korea rises some 10 pct in 2023. – URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20231218002200320 (Дата обращения: 20.04.2023).
7. Kim, J., Jeon, H. Anti-multiculturalism and the future direction of multicultural education in South Korea. Curric Perspect 37, 181-189 (2017). – URL: https://doi.org/10.1007/s41297-017-0025-7
8. Jo, Ji-Yeon O., and Minseung Jung. "Rethinking diversity in South Korea: Examining the ideological underpinnings of multicultural education policies and programs." Second international handbook of urban education (2017): 195-212
9. Song, Heejin. "Deconstructing discourses of diversity: Envisioning possibilities from impossibilities in multicultural education in South Korea." Journal of Asian Pacific Communication 31.1 (2021): 58-78.
10. 임영상 «경주 고려인마을 보니 ‘천년고도’ 돋보여» (Им Енсан Кенджу кореин маыль пони чхон ненгодо тотпоё) (Им Енсан. Взгляд на Корёмаыль в городе Кенжду из нового тысячилетия». – URL: http://kor.theasian.asia/archives/357547 (Дата обращения: 20.04.2024.

А.Х. РАХМАНКУЛОВА
Кандидат исторических наук, доцент Ташкентского университета прикладных наук (Узбекистан)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КОРЕЙЦЕВ УЗБЕКИСТАНА

Формирование и развитие культуры корейской диаспоры Узбекистана связано с насильственным переселением дальневосточных корейцев в 1937 году. До переселения с Дальнего Востока корейцы пользовались своим правом получить образование на родном языке, действовали корейские школы всех звеньев, были созданы техникумы, педагогический институт, рабфаки, отделения и курсы при других высших учебных заведениях с корейским языком обучения. В учебном 1931/1932 г. в Дальневосточном крае действовало 380 школ всех ступеней, которые посещали 33 595 учеников, т.е. свыше 85,5% от общей численности корейских детей школьного возраста. В 1931 г. впервые в истории российских корейцев во Владивостоке был открыт корейский педагогический институт с общим контингентом 780 студентов, выпустивший уже в учебном 1933/34 г. 217 квалифицированных учителей, на различных факультетах института обучалось 234 студента. Небольшая группа корейской интеллигенции появилась в сфере литературной, переводческой и журналистской деятельности. В Дальневосточном крае издавалось 6 журналов и 7 газет на корейском языке. Самая массовая газета «Сэнбон» («Авангард») имела ежедневный тираж 10 тыс. экземпляров. Кроме того, шёл процесс становления и развития театрального искусства корейцев. 9 сентября 1932 г.

решением Дальневосточного крайисполкома на основе корейских клубных драматических кружков в г. Владивосток был образован корейский театр под названием «Дальневосточный краевой корейский театр». Это был первый и единственный в СССР, да и не только в СССР, а и во всём мире корейский театр за пределами Корейского полуострова. Важным моментом в истории корейского театра является создание в первые годы его становления концертной группы, которая выросла со временем в популярный профессиональный эстрадный ансамбль корейской песни и танца «Ариран». У истоков корейского театра стояли Ким Дин, Ли Хам Дек, Н.П. Ли, Тхай Дян Чун, Ен Сен Нен, Цой Бом До, Пак Чу Себ, Ли Гер Су, Ли Ген Хи, Ким Хо Нам и другие. Следует сказать, что театр стал очагом корейской национальной культуры и сыграл огромную роль в культурно-просветительной и воспитательной работе среди корейского населения края, выступая перед рабочими Артёма и Сучана, рыбаками и тружениками села Шкотовского и Посьетского районов.

После принятого 21 августа 1937 г. постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О выселении корейцев из пограничных районов Дальневосточного края», всё корейское население этого региона было выслано в Казахстан и Узбекистан. Большинство корейских школ и Краскинское педучилище были переселены в Узбекистан, корейский педагогический институт, драматический театр, редакция газеты «Сэнбон» и др. – в Казахстан.

Прибывшие в 1937 г. в Казахстан и Узбекистан корейцы имели уже сложившийся учительский корпус, учебные пособия, необходимые для развёртывания корейских школ. К ноябрю 1937 г. во всех районах Узбекистана были организованы школы – как на корейском, так и на русском языках обучения: было создано около 200 классов. В целях культурно-бытового обслуживания корейского населения Советом Народных Комиссаров Узбекской ССР и

Центральным Комитетом КП(б) Узбекистана был принят ряд постановлений: от 17 октября 1937 г. «О мероприятиях по культурно-бытовому обслуживанию корейского населения по системе Наркомпроса УзССР», от 10 ноября 1937 г. «О расходах на организацию и содержание школ для детей корейцев», от 25 ноября 1937 г. «О мероприятиях по обслуживанию переселенцев-корейцев по линии просвещения».

Согласно архивным данным, в начале учебного 1938/39 г. функционировало 96 школ, из них 44 – корейские и 52 – смешанные корейские школы. Во всех типах корейских и смешанных корейских школ в сельских районах Узбекистана в рассматриваемый период обучались 19 980 учащихся, в том числе в начальных классах – 15 331, в неполных средних – 4044 и в средних – 605 [4, 125-128]. По неполным данным, в составе переселенцев в Узбекистан прибыло 379 студентов. По учебным заведениям Узбекистана было размещено 220 студентов-корейцев: по вузам – 70 чел., техникумам – 100 чел., учебным заведениям других наркоматов – 50 чел. [8, 114]. Краскинское корейское педучилище в 1937 г. было ликвидировано. Все преподаватели в количестве 15 человек были направлены на работу в средние и неполные средние школы в различные районы. Студенты педагогического института и педагогического техникума, оказавшиеся в Ташкенте, из-за запрета на выезд, установленного паспортным режимом, не могли выехать в г. Кзыл-Орду и продолжить учёбу в учебном 1937/38 году. Проблема нехватки педагогических кадров в корейских школах привлекло внимание Наркомпроса Республики. В учебном 1938/39 г. 537 юношей и девушек корейской национальности поступили на учёбу в педагогические учебные заведения республики: 65 чел. – в педагогические училища, 240 – в учительский институт, 202 – в педагогический институт и 30 – в университет [4, 175-176]. Это была первая группа корейской интеллигенции, взращённой уже на земле Узбекистана.

13 марта 1938 г. вышло постановление Совета Народных

Комиссаров СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» [2, 18-23]. В соответствии с этим постановлением, СНК УзССР 19 марта 1938 г. принял постановление «Об изучении русского языка в узбекских и других нерусских школах Узбекской ССР» [6, 119-126]. В этих постановлениях был намечен комплекс мероприятий, направленных на изучение и усовершенствование методики преподавания русского языка в национальных школах, обеспечение школ преподавателями русского языка. Расширение обучения русского языка в национальных школах происходило за счёт сокращения преподавания национальных языков. Наркомпрос Узбекистана преобразовал все корейские школы в учебном 1939/40 г. в школы с русским языком обучения. Это привело «к тому, что через два поколения среди корейцев Узбекистана родным языком владели лишь представители старших поколений» [10].

В 1956 г. было открыто отделение корейского языка при факультете русского языка и литературы Ташкентского государственного педагогического института (ныне – ТГПУ). С 1956 по 1964 гг. было осуществлено четыре выпуска и подготовлены 70 учителей, которые получили направления в школы с корейским контингентом учащихся. «Однако постепенно среди корейского населения Средней Азии и Казахстана стали возрастать общественные функции русского языка. Происходил процесс снижения доли корейского языка в системе школьного образования. ...Наметился процесс отказа родителей от обучения детей в корейских школах и переход на обучение в русских общеобразовательных школах» [3, 62]. В корейском отделении Ташкентского государственного педагогического института, где готовились преподаватели корейского языка, их число становилось все меньше. В 1964 г. отделение корейского языка было закрыто.

Таким образом, настоящего возвращения корейского языка в языковую ситуацию корейцев Узбекистана не произошло. Младшее поколение переселенцев уже фактически

ориентировалось на русский язык, старшее, ещё хранившее традиции родного языка, осознавало бесперспективность обучения детей на корейском в плане получения высшего образования и престижной специальности. В 1985 г. отделение корейского языка возобновило свою деятельность. В 1990 г. в институте была создана кафедра корейского языка и литературы. В 1993 г. корейское отделение открылось в Ташкентском государственном институте востоковедения. В 2005 г. создана кафедра корейской филологии в Узбекском государственном университете мировых языков. Отделение по изучению корейского языка и литературы функционирует и при Самаркандском институте иностранных языков. В этих вузах ведётся подготовка корееведов-бакалавров, магистров. В ряде вузов корейский язык изучается в качестве второго иностранного языка либо в форме факультатива. В этих вузах также работают Центры корейского языка [9, 36-37]. Все вышеназванные вузы решают основные задачи возрождения корейского языка как средства образования, общения, развития национального самосознания. В мае 1992 г. в Ташкенте был создан Центр образования Республики Корея, «где ежегодно обучаются 3,5 тыс. чел., треть которых, наряду с корейцами, составляют представители других национальностей – узбеки, казахи, русские, татары и др., что свидетельствует об огромном интересе и уважении к неповторимой корейской культуре» [1]. В настоящее время преподавание корейского языка ведётся более чем в ста школах республики. Многие сотни человек прошли обучение в Сечжонской школе корейского языка.

В культурной жизни корейцев Центральной Азии важное место занимает корейский национальный театр. После выселения корейцев Дальнего Востока корейский театр был перебазирован в Казахстан, в г. Кзыл-Орду. Здесь было решено «организовать из артистов Корейского театра разъездную театральную труппу для обслуживания корейского населения». Он так и назывался – «Колхозно-совхозный га-

строльный корейский театр». В 1940 г. он был преобразован в Кзыл-Ординский областной корейский музыкально-драматический театр 3-й категории.

3 ноября 1937 г. в г. Гурлен Хорезмской области Узбекистана силами корейцев-переселенцев был организован корейский музыкально-драматический театр, где были осуществлены постановки «Сказание о верности Чхун Хян», «Сказание о девушке Сим Чен», «Близнецы», «Обжора». Инициаторами постановок были Дин У, Кин Ги Чер, Ким Виктор. Эти постановки пользовались исключительной популярностью среди корейского населения Хорезмской области и Каракалпакии, для которых в те годы театр по существу был едва ли не единственным очагом национальной культуры. Позже на базе корейских колхозов Узбекистана появилось множество музыкальных самодеятельных коллективов.

В 1939 г., на основе постановлений Оргкомитета ЦИК Узбекской ССР по Ташкентской области (26 февраля 1939 г.), затем СНК Узбекской ССР (июнь 1939 г.) «Об организации передвижного корейского колхозно-совхозного театра» с базой при колхозе «Новый путь» Средне-Чирчикского района Ташкентской области, был организован корейский драматический театр [7, 4;17]. Этот театр просуществовал одиннадцать лет с 1939 по 1950 гг., за этот период театр укрепился организационно. В октябре 1940 г. театр был переименован в «Корейский областной драматический театр при Ташкентском областном отделе искусств», в июле 1941 г. Гурленский корейский театр был ликвидирован, имущество театра было передано корейскому областному драматическому театру, который в то время уже находился в колхозе им. Кирова Средне-Чирчикского района. В театре был создан хороший творческий коллектив. Несмотря на трудности того времени «...артисты на повозках мотались из одного колхоза к другому, часто голодные и получая мизерное вознаграждение, и вдохновенно рассказывали людям о трагической любви Чхунхян и подвижничестве Симчен» [5, 112]. В 1950 г. театр

обслуживал более 150 пунктов с корейским населением в Узбекистане, только в Ташкентской области – более 80 корейских колхозов. Многие годы театр оставался единственным национальным культурно-просветительным учреждением для корейского населения Узбекистана.

В июле 1950 г. Талды-Курганский корейский театр Казахской ССР и корейский театр Ташкентской области Узбекской ССР были объединены, с оставлением объединённого корейского театра в сети театров Казахской ССР. Далее корейский театр продолжает свою деятельность в Казахстане. В 1960-е гг. в Узбекистане существуют уже десятки самодеятельных художественных коллективов.

15 августа 1969 г. постановлением Совета Министров Узбекской ССР «О создании корейского ансамбля песни и танца» был создан корейский ансамбль песни и танца при Узбекской государственной филармонии им. Кары Ниязова. Позже ансамбль стал выступать под названием «Каягым». В репертуар ансамбля входили народные песни Северной Кореи, песни, вывезенные из Дальнего Востока и песни советских корейских композиторов, среди которых наибольшей популярностью пользовались произведения Пак Ен Дина – одного из первых профессиональных композиторов среди корейцев бывшего СССР. Именно в «Каягыме» получили путёвку в жизнь многие известные артисты корейской эстрады. В 1980-е гг. «Каягым» объединился с ансамблем «Чен Чун» (1973). Известны имена заслуженных артисток Галины Шин, Зои Цой и многих других талантливых исполнителей. В настоящее время в Узбекистане действуют следующие коллективы: ансамбль традиционного корейского танца «Корё», танцевальные ансамбли «Ракс», «Мисо», «Нафис», «Чангми», «Самдиён», «Асадаль», «Моранбон», «Эдельвейс», студия ANYON KIDS и многие молодёжные группы, многочисленные фольклорные хоровые коллективы. Под руководством Ассоциации корейских культурных центров ежегодно проводятся фестивали хоровых коллективов, отмечаются

традиционные праздники Солналь, Хансик, Тано, Чусок.

Большую роль в поддержке и развитии корейской культуры сыграли национальные СМИ. Первой ласточкой стала корейская программа на Узбекском государственном ТВ под названием «Чинсэн», которая впервые вышла в эфир в мае 1990 г. Был создан печатный орган для информационного обеспечения корейцев Узбекистана – газета корейцев Узбекистана «Корё Синмун». Газета в (1997–2021 гг.) была источником информации, освещающим экономические, политические и культурные аспекты жизни корейцев Узбекистана. Редакция «Корё Синмун» стремилась не ограничиваться рамками чисто газетной деятельности. Заметным событием в культурной жизни корейцев Узбекистана стал выход в 2008 г. литературно-художественного альманаха «Ариран 1937». Это было первым изданием подобного рода среди корейских диаспор СНГ в постсоветский период. В альманах вошли произведения около тридцати авторов – как уже известных, так и молодых поэтов и писателей. Выход альманаха инициировал создание одноимённого литературно-художественного клуба, а также проведение двух конкурсов молодых корейских поэтов и писателей Узбекистана (2010, 2013). Благодаря литературному альманаху и конкурсу любители словесности смогли открыть для себя новые имена, новые таланты. С ноября 2019 г. выходит газета Ассоциации корейских культурных центров «Корейцы Узбекистана». Информационную поддержку для изучения истории и культуры корейской диаспоры Узбекистана оказывают сайт «Корё сарам» (записки о корейцах) и канал «You Tube KoryoTV».

В рамках Ассоциация корейских культурных центров (АККЦ, действует с 1991 г.) проводится работа по сохранению и развитию в стране корейского языка и культуры. С 1999 г. работает Общество дружбы «Узбекистан–Корея», которое создано в целях развития культурно-просветительских отношений между народами Узбекистана и Республики Корея и является самоуправляемым, неправительственным

добровольно-общественным объединением. Для сохранения и развития духовно-культурного наследия корейского народа правительством Республики Корея в Ташкенте поддерживается деятельность Дома корейской культуры и искусства. Узбекистан и Южная Корея развивают сотрудничество в сферах образования и культуры. В Ташкенте действуют филиалы Университета Пучон, Университета Инха, Университета Аджу, Ташкентский международный университет Кимё (изначально был создан под названием Технический институт Ёджу). Центр корейского языка Седжонг 2 в Ташкенте начал свою деятельность в 2021 г., открывшись в стенах Университета Инха в Ташкенте. Это учебное заведение официально признано правительством Республики Корея. В Фергане в Узбекско-Корейском международном университете, созданном в 2019 г., работают специалисты из Южной Кореи. Предполагается, что выпускники этого университета могут устроиться на работу в корейские компании в Узбекистане и в Республике Корея, в том числе в научно-исследовательские учреждения и государственные органы.

В настоящее время, за редким исключением, все этнические корейцы Центральной Азии являются русскоязычными. Это ставит их на тот уровень образованности и интеллектуального развития, какого русский язык достиг в странах СНГ. В то же время резко возросла практическая значимость корейского языка. В частности, в Узбекистане кардинально меняется языковая ситуация, и для этнических корейцев открываются возможности эффективной «обратной интеграции» в родную языковую среду.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Каримов И. Приветствие Президента по случаю празднования 70-летия проживания этнических корейцев в Узбекистане. 24.09.2007. – URL: http://uza.uz/ru/politics/827/
2. ГАРФ, ф. 5446, оп. 1, д. 144, л. 18-23.
3. Джарылгасинова Р.Ш. Этнокультурное развитие корейцев Средней

Азии и Казахстана// Современное развитие этнических групп Средней Азии и Казахстана. Ч. 1. – М., 1992. – С. 62.

4. Ким А.С. Из истории школьного образования корейского населения в Узбекской ССР в 1937 – 1962 годы: Дисс. ...канд. пед. наук. – Ташкент, 1967. – С. 125-128; 175-176.
5. Ким Б.И. Мучнистые росы корейского Ренессанса. – Ташкент, 2007. – С. 112.
6. НА РУз (Национальный архив Республики Узбекистан). Ф. Р-837, оп. 32, д. 765, л. 119-126.
7. НА РУз. Ф. Р-837, оп.32, д. 1730, лл. 4, 17.
8. Rakhmankulova A. К вопросу просвещения и образования корейцев в Узбекистане (С момента депортации по настоящее время). The Korean Journal of Central Asian & Caucasian Studies. 2011. Vol. 3, No. 1. P. 114.
9. Хван Л.Б., Ли Б.С. Культурное сотрудничество Кореи и Узбекистана. – Ташкент, 2008. – С. 36-37.
10. Шин В.Н. Корейцы Узбекистана: вчера и сегодня. 2003. 08.04. – URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1049783220

REFERENCES

1. Karimov I. Privetstviye Prezidenta po sluchayu prazdnovaniya 70-letiya projivaniya etnicheskix koreytsev v Uzbekistane. 24.09.2007. – URL: http://uza.uz/ru/politics/827/
2. GARF, f. 5446, op. 1, d. 144, l. 18-23.
3. Djarylgasinova R.Sh. Etnokul'turnoye razvitiye koreytsev Sredney Azii i Kazakhstana// Sovremennoye razvitiye etnicheskix grupp Sredney Azii i Kazakhstana. Ch. 1. M., 1992. S. 62.
4. Kim A.S. Iz istorii shkol'nogo obrazovaniya koreyskogo naseleniya v Uzbekskoy SSR v 1937 – 1962 gody: Dis. ...kand. ped. nauk. – Tashkent, 1967. – S. 125-128; 175-176.
5. Kim B.I. Muchnistye rosy koreyskogo Renessantsa. – Tashkent, 2007. S. 112.
6. NA RUz (Natsional'niy arkhiv Respubliki Uzbekistan), f. R-837, op. 32, d.765, l. 119-126.
7. NA RUz, f. R– 837, op.32, d. 1730, ll. 4, 17.
8. Rakhmankulova A. K voprosu prosvesheniya i obrazovaniya koreytsev v Uzbekistane (S momenta deportatsii po nastoyasheye vremya). The Korean Journal of Central Asian & Caucasian Studies. 2011. Vol. 3, No. 1. P. 114.
9. Xvan L.B., Li B.S. Kul'turnoye sotrudnichestvo Korei i Uzbekistana. – Tashkent, 2008. – S. 36-37.
10. Shin V.N. Koreytsy Uzbekistana: vchera i segodnya. 2003. 08.04. – URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1049783220

Е.А. ЕФРЕМОВ
Казахстанский национальный университет им. аль-Фараби

ДИАСПОРНЫЙ ТУРИЗМ В КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЕ: СВЯЗЬ ИЛИ РАЗРЫВ?

Члены диаспоры обычно сохраняют культурную, ментальную, эмоциональную и психологическую связь с местом своего происхождения – родиной предков или этнической родиной. И эта связь с родиной предков, даже через несколько поколений, помогает им взаимодействовать с жизненными ситуациями на нынешней родине.

Одним из наиболее распространённых способов поддерживать или подпитывать связь с родиной предков является т. наз. диаспорный туризм, который практикуется с целью сохранения или укрепления личных эмоциональных связей с этнической родиной. С академической точки зрения, исследования диаспорного туризма появились относительно недавно; к примеру, по утверждению Д. Тимоти (Timothy, 1997), «диаспорный туризм представляет собой форму туризма, связанного с коллективной и личной памятью с коллективным и личным наследием, в котором участвуют люди, обладающие эмоциональной связью с «землёй» своих предков». Г. МакКейн и Н. Рэй (McCain and Ray, 2003: 713) определяют туристов-членов диаспор как людей, которые едут на свою этническую родину, чтобы совершить генеалогические попытки найти информацию или просто прочувствовать связь со своими предками и корнями.

По мнению П. Басу (Basu, 2004; 2005), «возвращение к корням – это как настоящее физическое движение, так и акт некоего «перфоманса» проявления принадлежности к груп-

пе выражаемый через посещение мест наследия предков.

Термин *туризм на родину* (homeland tourism), *туризм к своим корням* (roots tourism) и *диаспорный туризм* (diasporic tourism) обычно используются как синонимы.

В диаспорной группе эмоциональная связь с родиной особенно сильна у эммигрантов первого, может быть, второго поколений. С последующими поколениями эта связь, соответственно, ослабевает. Однако бывают случаи, что через несколько поколений в диаспоре может наблюдаться так называемый ренессанс «ностальгии по родине предков». По мнению Р. Кинга и А. Кристоу (King & Christou 2008), для диаспорных сообществ является важным само желание вернуться на родину, и для многих диаспорных групп возвращение на родину предков является скорее формальным стремлением мистифицированного характера, чем реальной целью, которую они ставят перед собой для достижения.

Loretta Baldassar (Baldassar, 2001) концептуализировала диаспорные визиты на родину предков как часть самого миграционного процесса диаспоры, поскольку они влияют на процесс самоопределения членов диаспоры на нынешней родине, помогают поддерживать связи с дальними родственниками, если таковые имеются, стимулируют ностальгию по воображаемым временам и местам из прошлого родины, когда она – диаспора – была ещё частью единого материнского этноса, и создают подвижные транснациональные идентичности, даже, возможно, приводящие к переселению или к репатриации на этническую родину (Iorio & Corsale 2013).

Именно диаспороный характер связи «диаспор – дом» позволяет существовать метафоре дома как отдельного символического места. Как описывает, к примеру, Avtar Brah (Brah 1996: 180), диаспора предлагает критику дискурсов фиксированного происхождения, принимая во внимание чувство дома, которое не является эквивалентным мечте о родине. А родина диаспоры и текущее место жительства –

нынешняя родина в равной степени определяются как дом. В свою очередь, нынешняя родина в равной степени может определяться как местом проживания, так и местом изгнания для членов диаспоры (Wagner 2011).

Диаспорный туризм помогает членам диаспоры сформировать и подтвердить или укрепить эмоциональную привязанность к стране своего происхождения если таковая юридически имеется. Но связи между диаспорным туризмом и эмоциональной привязанностью членов диаспоры к стране/земле их происхождения не всегда могут быть позитивными, несмотря на то, что члены диаспоры заинтересованы в посещении родины предков и приобщении к культуре и наследию своих предков. Другими словами, если некоторые т. наз. «диаспорные туристы» могут обрести чувство принадлежности или единства со своим материнским этносом во время посещения своей этнической родины, другие могут разочароваться и стать ещё более отчуждёнными от своего этнического наследия, а в некоторых случаях даже решиться на вторичную эмиграцию в третью страну.

Таким образом, опыт диаспорного туризма может предоставить членам диаспоры возможность соприкоснуться со своей традиционной культурой и узнать о ней. Но примут или отвергнут они наследие предков и усилит ли посещение этнической родины их привязанность к родине предков и материнскому этносу, зависит от конкретного контекста поездки (Huang et al.).

В результате депортационной политики СССР, проводимой в отношении некоторых этнических меньшинств, Казахстан стал домом для многих народов: для корейцев – в 1937 г., для украинцев – в 1940-1941 гг., для немцев – в 1941-1942 гг., для ингушей, чеченцев, крымских татар, турков-месхетинцев – в 1944 г., и других этнических групп.

Отдельно хотелось бы остановиться на корейском кейсе. Таким образом, сегодня история корейской диаспоры в Казахстане насчитывает более 85 лет. А это значит, что уже

4-5-6 поколений корейцев живут в Казахстане сегодня.

Что для них родина? Казахстан – где они родились, сформировались как личности, где родились их родители, бабушки-дедушки? Или Дальний Восток – где их предки прожили 70 лет до приезда в Казахстан? Или родина их предков – Корея? В настоящем докладе автор не заостряет внимание на том, что родом казахстанские корейцы преимущественно из северной части Корейского полуострова[1].

Если сразу после распада СССР визиты в Корею имели больше экономический характер – ездили на заработки, то сейчас, когда сформировалась определённая финансовая стабильность в постсоветских странах, посещение корейцами Южной Кореи обретает характер диаспорного туризма.

Безусловно, то, какие эмоции и впечатления при этом формируются, зависит от того, какое было отношение на нынешней родине. Для членов корейской диаспоры России, к примеру, где бытовой шовинизм проявляется сильнее, посещение Кореи может вызвать чувство родины в более сильной форме и даже стимулировать к возвращению.

Вениамин Пак:

«Я родился и вырос в России, это всё, что я знаю в плане моего детства. Для русских я всегда был недостаточно русским. Поэтому в детстве, когда я рос, я не хотел быть корейцем, я ненавидел тот факт, что я кореец, я хотел быть русским. Чувство внутреннего комфорта, и про-

[1] Тем не менее, этот вопрос ставится в литературе. Так, В.С. Хан пишет: «Корейцы Центральной Азии единодушны в том, что их историческая родина – Корея. Но которая из двух? Абсолютное большинство этих корейцев – потомки переселенцев из северных провинций неразделённой Кореи. Однако, мигрируя сегодня в Южную Корею в поисках работы, дело представляется как возврат блудного сына – исторической родиной вдруг объявляется Южная Корея» [Хан В.С. 2021: 34]. И далее: «Кто они здесь – диаспора? И что является их реальной исторической родиной, если в Корее они как бы "чужие среди своих"? Не СССР ли и страны СНГ?» [Там же: 35].

На конференции 2024 г. автор снова задаётся вопросом об исторической родине русскоязычных корейцев, проживающих в Корее: «Да, для корейцев СССР/СНГ Корея была исторической Родиной. Но если они уже по 15-20 лет проживают в Корее, их дети ходят в детсады и школы, то *что для них является исторической Родиной?* …И как назвать их, ныне живущих в Корее? Ответ: корейской *диаспорой (корё сарам, корёины)* в Корее» [Хан В.С. 2024: 32-33].

сто спокойствия, которое я испытываю, когда я здесь (*в Корее* – Е.Е.), *я такого не испытывал никогда».*

Одэ5,нако при условии финансовой стабильности членов диаспоры и межэтнической толерантности в стране проживания, высокий уровень различия в менталитете, культуре, незнание языка, фактор того, что диаспорант прожил всю свою жизнь на нынешней родине и у него сформировалась некая лояльность к ней, может и не стимулировать желание к переезду, а ограничиться возникновением чувства гордости от принадлежности к корейскому этносу.

Подводя итоги, необходимо отметить, что результат диаспорных визитов на этническую родину зависит от конкретного контекста поездки. Но, принимая во внимание политику «мягкой силы», реализуемую Южной Кореей в адрес зарубежных коэтников, учитывая, что многие первые поездки членов корейской диаспоры осуществляются по различным программам, нацеленным на поддержку зарубежных корейцев и формирования позитивного имиджа Республики Корея, то и восприятие Кореи как родины в большинстве случаев формируется позитивно.

?

Диана Сон:

«Я, когда в Корею приехала, я там себя не чувствовала иностранкой, хотя у меня и был языковой барьер, но по приезду в Корею я чувствовала, будто я приехала домой».

И иногда – нейтральным.

Михаил Цой:

«Я был в подростковом возрасте, буквально пару дней, я тогда ничего не понял и не осознал. Я осознал это (*свои ощущения к Корее* – Е.Е.), *когда приехал и погрузился в культуру и увидел Корею с другой стороны».*

Возвращаясь к тому, что Казахстан, с исторической точки зрения, обрёл экономический достаток сравнительно недавно, то и феномен «диаспорного туризма» только-только приходит на смену «рабочему туризму». И для того, чтобы делать выводы об эффекте такого явления, как диаспорный

туризм, на членов корейской диаспоры Казахстана, необходимо, чтобы прошло определённое время, и выводы потребуют глубинные исследования со множеством интервью.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Timothy, Dallen J. 1997. Tourism and the personal heritage experience, Annals of Tourism Research, 24(3), pp. 751-754.
2. McCain, Gary & Ray, Nina M. 2003. Legacy tourism: the search for personal meaning in heritage travel, Tourism Management, 24(6), pp. 713-717.
3. Basu, Paul, 2004. Route metaphors of 'roots tourism' in the Scottish Highland diaspora, in: S. Coleman & J. Eade (Eds) Reframing Pilgrimage: Culture in Motion, pp. 150-174 (London: Routledge).
4. Basu, Paul, 2005. Roots-tourism as return movement: Semantics and the Scottish diaspora, in: M. Harper (Eds) Emigrant Homecomings: The Return Movement of Emigrants, 1600–2000, pp. 131-150 (Manchester: Manchester University Press).
5. King, Russel & Christou, Anastasia, 2008. Cultural geography of counter-diasporic migration: the second generation returns 'home'. Sussex Migration Working Paper No. 45 (Sussex Centre for Migration Research, University of Sussex, Brighton).
6. Baldassar, Loretta, 2001. Visits Home: Migration Experiences between Italy and Australia (Melbourne, Australia: Melbourne University Press).
7. Iorio, Monica & Corsale, Andrea, 2013. Diaspora and Tourism: Transylvanian Saxons Visiting the Homeland, Tourism Geographies, 15:2, 198-232. – doi: 10.1080/14616688.2012.647327
8. Brah, Avtar, 1996. Cartographies of Diaspora: Contesting Identities. London: Routledge. – doi: 10.4324/9780203974919
9. Wagner, Lauren, 2008. «Diasporic visitor, diasporic tourist», Civilisations [En ligne], 57, mis en ligne le 29 décembre 2011, consulté le 02 mai 2019. – URL: http://journals.openedition.org/civilisations/1396
10. Huang, Wei-Jue; Haller, William J.; Ramshaw, Gregory P. 2013. Diaspora Tourism and Homeland Attachment: An Exploratory Analysis. Tourism Analysis, Volume 18, Number 3, pp. 285-296 (12).
11. Хан В.С. Историография корейцев Центральной Азии: основные направления и этапы развития. – Ташкент: Baktria press, 2021. – 624 с.
12. Хан В.С. К миграционно-демографической характеристике корейцев СНГ // Научно-практическая конференция «российские корейцы на перекрёстке культур: традиции и современность». К 160-летию с начала добровольного переселения корейцев в Россию. 7 июня 2024 г. Сборник тезисов. – М., 2024. – С. 30-33.

Университет Пучон в Ташкенте
Центр науки и инноваций

Корея и корейцы: история и культура

Материалы 2-й международной конференции
по корееведению университета Пучон в Ташкенте
Ташкент, 20 января 2024 г.

Часть I

Ответственные редакторы
А. В. Шин, В. С. Хан

Вёрстка: К. Егеубаев
Обложка: Д.С. Швецова

Издательство “Университет Пучон в Ташкенте”.
Лиц. № 202935.
Адрес: г. Ташкент, Чиланзарский район, Катартал-2, 38А.

Разрешено в печать 02.12.2024 г. Формат 60x90 1/16.
Гарнитура «Palatino Lynotype».
Усл. п.л. 6,2. Тираж 200.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в типографии Университета Пучон в г. Ташкенте.
Адрес: г. Ташкент, Чиланзарский район, Катартал-2, 38А.